

ЗАПИСКИ ИГУМЕНИИ ТАИСИИ,

НАСТОЯТЕЛЬНИЦЫ ПЕРВОКЛАССНАГО
ЛЕУШИНСКАГО ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

==== (АВТОБІОГРАФІЯ). ====

□ □ □ □

Издание Леушинского монастыря.



ПЕТРОГРАДЪ.

Тип. Выс. утв. Общ. распр. рел.-нравств. проsv. Обводный, 116.

1916

Записки игумені Таисіи, извѣстной своею высокою духовною жизнью, своими трудами по благоустроению нѣсколькихъ женскихъ обителей и своими духовными стихотвореніями и «письмами къ новоначальной инокинѣ», являются автобіографіей почившей и доведены до начала жизни ея въ Леушинѣ. Онѣ написаны были ею въ разное время и послѣдній очеркъ относится къ 1892 г. По глубокому смиренію своему, м. Таисія не рѣшалась предавать печати эти записки, хотя знаменитый молитвенникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, питавшій особое почтеніе и любовь къ почившей, желалъ видѣть ихъ напечатанными. Онъ читалъ эти записки и собственноручно написалъ въ концѣ одной тетради записокъ: «благословляю печатать эту книгу, какъ достойную печати, на память будущимъ родамъ и во славу Божию. Прот. І. Сергіевъ, 31 окт. 1906 г.», и на другой тетради записокъ: «Дивно, прекрасно, божественно, печатайте въ общее назиданіе». Прот. І. Сергіевъ, авг. 21, 1892 г.

Въ настоящее время преемница м. игуменіи Таисіи и ея ближайшая сотрудница, игуменія Леушинскаго монастыря Агнія рѣшилась исполнить волю приснопамятнаго пастыря о. Іоанна и напечатала ихъ въ журналѣ «Кронштадтскій Пастырь» и въ видѣ отдѣльнаго оттиска безъ измѣненій настоящей книгой.

Въ автобіографіи м. игуменіи Таисіи мы видимъ замѣчательное дѣйствіе Промысла Божія, сказавшееся во всей жизни почившей матушки. Можно сказать несомнѣнно, что она съ самыхъ малыхъ лѣтъ была избрана Промысломъ

Божимъ на служеніе Святой Церкви и на пользу ближнихъ своихъ въ званіи монашескомъ.

И это званіе пришлось проходить ей при несеніи весьма тяжелаго креста.

Сама она свидѣтельствуе^{тъ}, что крестъ ненависти и зависти къ ней людской—былъ спутникомъ всей ея долготѣйшей жизни.

«Этотъ крестъ—пишетъ матушка Таисія въ своей автобіографіи—станетъ надъ моей могилою и не только, какъ обычное украшеніе христіанскихъ могилъ, но и какъ символъ *крестоношенія* погребенной подъ нимъ, какъ неотъемлемая принадлежность моя».

Но этотъ крестъ и привелъ ее на высоту христіанскаго подвига, содѣлалъ ее истинною исполнительницею заповѣди Спасителя: «Кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и за Мною грядетъ».

Читая внимательно эту автобіографію игуменіи Таисіи, мы можемъ ясно видѣть всю величину и всю тяжесть иноческаго подвига, а также видѣть и все настоящее значеніе иноческой жизни, какъ для желающихъ найти вѣрный путь спасенія, такъ и для мірянъ, которые, находясь въ суетѣ житейской, могутъ видѣть изъ этой автобіографіи, что «*Богъ въ тяжестяхъ Его знаемъ есть*», что если и посвятившіе себя иноческому служенію могутъ истинно познавать Бога только чрезъ посылаемыя имъ испытанія, то тѣмъ болѣе, увлеченные житейскою суетою, могутъ возникнуть изъ этой грѣховной сѣти только чрезъ путь того крестоношенія, какой Господь, желающій всѣмъ спастись и въ разумъ истины пріити, посылаетъ и каждому мірянину, лишь бы онъ слышалъ этотъ зовъ и слѣдовалъ ему.

Чтеніе автобіографіи матушки и можетъ отрезвить многихъ мірянъ.

Протопресвитеръ Александръ Дерновъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Не по своей волѣ или желанію начинаю я эту запись; и не только не по желанію, но даже и противъ его; единственно, изъ послушанія людямъ, гораздо болѣе меня опытнымъ, безъ сравненія умнѣйшимъ меня и болѣе духовнымъ, людямъ извѣстнымъ не только мнѣ, убогой, но и всѣмъ ревнующимъ о жизни богоугодной и о спасеніи своихъ душъ.

Въ 1885-мъ году привелъ меня Господь побывать во св. градѣ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ, гдѣ въ то время еще подвизался всѣми почитаемый за святость жизни игумень Агапитъ, въ схимѣ Феодосій, который и состоялъ духовникомъ для лицъ освященныхъ (т.-е. носящихъ какой-либо священный санъ). Я была уже игуменією и имѣла счастье и на исповѣди быть у него, и вообще открыть ему всю свою душу, чего мнѣ давно хотѣлось и чего я искала, и о чемъ и Бога просила.

Между прочимъ тяготила меня, или вѣрнѣе сказать, заботила меня мысль о томъ, что я, будучи такая немощная и грѣшная, сподоблялась въ жизни своей многихъ чудныхъ явленій и видѣній; я даже иногда начинала опасаться, „не прелесть-ли это вражія“, каковой я по своей неопытности не понимаю, и меня страшно пугала мысль быть прельщенной и обманутой. Найдя въ лицѣ старца схиигумена Феодосія такого не только духовно опытнаго, но и прозорливаго духовника, какъ всѣ признавали его, какъ и я сама испытала собственнымъ опытомъ, я, конечно, открыла ему всю свою душу; и всѣ тайны, всѣ мысли ея повергла на его мудрое усмотрѣніе и просила разрѣшить мое недоумѣніе относительно и моихъ видѣній. И вотъ великій мужъ, не нашедъ въ нихъ ничего опаснаго, призналъ ихъ напротивъ за знаменіе милости ко мнѣ Божіей, и, кромѣ того, совѣтовалъ, настоятельно совѣтовалъ мнѣ ихъ всѣ записывать, какъ для своей собственной памяти, такъ, по словамъ его, и на пользу другимъ. Эти-то послѣднія слова и страшили меня; хотя я и дала ему обѣщаніе тотчасъ же заняться записью, но рѣшительно не дерзала приняться за это дѣло.

„Кто я“, думаю и теперь, „что чрезъ меня, грѣшную, будетъ Господь пользоваться другихъ, болѣе меня достойныхъ предъ Нимъ“.

Да если еще, прочитавъ или услышавъ объ этихъ чудныхъ явленіяхъ мнѣ, кто-нибудь помыслить обо мнѣ что-либо доброе, какъ бы о удостоившейся этого по заслугамъ, то какому отвѣту подлежу я предъ Господомъ, сказавшимъ: „горе вамъ егда добръ о васъ рекуть человецы“ и еще: „горе вамъ славу другъ отъ друга приѣмлющимъ“. О, не подумайте, родные мои, не подумайте, Богомъ умоляю васъ всѣхъ, кому случится прочесть эти записки, что во мнѣ могло бы быть что-либо заслуживающее милости Божіей; вѣрно слово, что „благодать и сила Божія въ немощехъ совершаются, тамъ именно, гдѣ умножается грѣхъ“; ибо „хотѣніемъ не хочетъ Богъ смерти грѣшника, но еже обратится ему“. Такъ и меня-то грѣшную Господь искалъ во всю мою жизнь, и воль меня десницею Своею, какъ мать ведетъ дитя свое неразумное, чтобы оно, неумѣющее ходить по скользкимъ путямъ, не упало и не повредило себя. Но, опять повторяю, я не рѣшалась предать это гласности, т.-е. написать, и даже несмотря на приказаніе глубоко чтимаго и любимаго мною старца схиигумена Феодосія, коего память для меня священна, какъ память праведника,—не знаю, рѣшилась-ли бы я на это, если бы не послѣдовало и еще одного къ сему побужденія. Однажды довелось мнѣ болѣе часа бесѣдовать наединѣ съ общеизвѣстнымъ нашимъ свѣтильникомъ о. Іоанномъ Сергіевымъ-Кронштадтскимъ. Когда разговорились мы съ нимъ о вышеприведенномъ предметѣ, то и онъ сталъ доказывать мнѣ необходимость предать записи всѣ бывшія мнѣ явленія и видѣнія, каковыя, по мнѣнію его, имѣютъ много назидательнаго смысла и значенія, не только единолично для меня самой, но и для другихъ. Итакъ, исполняя послушаніе къ великимъ, духовнымъ мужамъ, я приступила къ дѣлу, съ благословенія и съ помощію Господа. Бога же призываю въ свидѣтели, что пишу чистую правду и истину, настолько справедливо, насколько доступно передать словомъ необъяснимое, высшее, и насколько сохранила во мнѣ все сіе моя память, безъ всякой красоты, въ полной истинѣ.

Родители мои происходили изъ древнихъ дворянскихъ фамилій; отецъ—потомственный дворянинъ, помѣщикъ Новгород. губер., Боровичскаго уѣзда, В. В. Солоповъ, а мать, москвичка, изъ рода Пушкиныхъ. Родителей своихъ она или не помнила, или же, что вѣрнѣе было бы предположить, намѣренно ихъ не вспоминала и на случайные мои о нихъ вопросы, вызывавшіе всегда въ ней чувство грусти,—уклонялась отвѣчать.

Еще малюткою осталась она на рукахъ старца-дѣдушки Осипа Алек. В., котораго и называла отцомъ; да и дѣйствительно онъ замѣнялъ для нея самаго нѣжнаго и заботливаго отца. Онъ былъ человѣкъ вдовый, одинокій и уже преклонныхъ лѣтъ, но, несмотря на то, всецѣло отдался заботамъ о ней, которыя раздѣляла съ нимъ и незабвенная ея няня, также уже не молодая женщина. Когда ей наступилъ 8-й годъ отъ роду, дѣдушка помѣстилъ ее въ пансіонъ (въ то время лучшей въ Москвѣ) г-жи Дельсаль на полное содержаніе, куда переселилась и няня ея, для отдѣльнаго ухода за его любимицей, что, вѣроятно, въ то время было принято въ пансіонахъ, или же допускалось въ видѣ исключенія. Въ 1834-мъ году на 14-мъ году отъ рожденія мать моя окончила свое воспитаніе въ пансіонѣ (получила аттестатъ, хранящійся у меня и по сейчасъ) и вмѣстѣ съ няней вернулась подъ мирный и гостепріимный покровъ дѣдушки. Но не долго суждено было отдохнуть и повѣжиться бѣдняжкѣ-сироткѣ подъ этимъ кровомъ. Отъ колыбели до могилы не улыбулось ей счастье никогда. Дѣдушка былъ человѣкъ мнительный; каждая малѣйшая болѣзнь, по мнѣнію его, угрожала ему смертію, а сироткѣ его—совершеннымъ одиночествомъ, и онъ сталъ слѣшить устроить ея судьбу,—выдать ее замужъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ ему почему-то не хотѣлось ее пристроить, и онъ переселился съ нею и со всѣмъ своимъ имуществомъ въ Петербургъ. Вотъ слова самой матери моей о ея судьбѣ.

„Едва минуло мнѣ 15 л., я помню, что еще любила играть въ куклы, а мнѣ стали все твердить о женихахъ и о свадьбѣ. Конечно, о томъ, нравится ли мнѣ кто-нибудь, или нѣтъ, меня не спрашивали, да и сама я не понимала этого, да и вовсе не по-

нимала условій супружеской жизни. Я воображала въ лицѣ мужа второго отца и покровителя, что внушаль мнѣ и дѣдушка, щедро наградившій меня приданымъ и деньгами. А главное, драгоценнѣйшее мое приданое—это моя неразлучная, безцѣнная няня, мой единственный другъ и свидѣтель всего.

Когда столкнулась я съ супружеской жизнью лицомъ къ лицу, то стала смотрѣть на мужа скорѣе съ ужасомъ и страхомъ, чѣмъ съ любовью, которой и раньше не имѣла. Сознаніе безповоротности своего положенія томило меня до отчаянія; я плакала, скорбѣла безутѣшно. Строгая и суровая свекровь, жившая съ нами, преслѣдовала и журила меня за мои слезы, и мужу моему старалась объяснить ихъ моею нелюбовію къ нему.

Когда случалось мнѣ видѣться со старичкомъ—отцомъ моимъ, предъ которымъ я надѣялась излить свою тоску и облегчить ее, то и тутъ видѣла слѣды жалобъ на меня и слышала однѣ сухія старческія назиданія и морали. Черезъ годъ родился у меня ребенокъ; ожидая его появленія на свѣтъ Божій, я утѣшалась надеждою, что онъ-то, этотъ младенецъ, будетъ мнѣ Ангеломъ-утѣшителемъ, что ему я отдамъ всю свою жизнь, посвятивъ ее его вскармленію и воспитанію; но и этого не судилъ мнѣ даровать Господь; черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, лишь успѣли просвѣтить новорожденнаго таинствомъ крещенія, — онъ скончался, отъ чрезмѣрной слабости. Года черезъ два повторилось то же, и я уже отчаялась имѣть утѣшеніе въ дѣтяхъ, утѣшеніе единственное, по мнѣнію моему, доступное мнѣ. Много и горячо молилась я о томъ, чтобы Господь не лишаль меня этого утѣшенія, даль бы мнѣ хотя одно дитя, оставивъ его въ живыхъ; особенно-же молилась я объ этомъ Матери Божіей, нарочно ходила пѣшкомъ въ Ея храмы къ Ея чудотворнымъ иконамъ, предъ которыми изливала свои слезныя мольбы, дерзновенно напоминая Ей, что Она сама была Матерью и можетъ сочувствовать скорби земныхъ матерей, хотя и грѣшныхъ и недостойныхъ Ея помощи, но въ Ней имѣющихъ единую, твердую надежду.

И не посрамила меня Владычица, надежда ненадежныхъ. Она даровала мнѣ дитя,—дочь, которую я изъ чувства благодарности къ Ней назвала Ея именемъ „Марію“.

Этою счастливою Маріею, Богомъ дарованною на утѣшеніе скорбной матери дочерью, и была я, недостойная, пишущая эти строки; я, въ монашескомъ образѣ принявшая имя Таисіи, а нынѣ уже имѣющая около 60-ти л. отъ рожденія, игуменія пустынного монастыря.

Какъ прежде моего рожденія, такъ и послѣ его, родители мои дѣтей не имѣли въ живыхъ; когда уже мнѣ было 8 лѣтъ,—родился сынъ Николай, прожившій лишь 10 мѣсяцевъ и скончавшійся, оставивъ великую скорбь по себѣ не только родителямъ, но и мнѣ.

Когда мать моя молилась о дарованіи и сохраненіи ей ребенка, она давала многіе священные обѣты, какъ сама мнѣ объ этомъ говорила. Одинъ изъ такихъ обѣтовъ состоялъ въ томъ, чтобы всѣми силами стараться вложить въ сердце ребенка страхъ Божій, любовь къ Богу и ближнимъ и вообще сдѣлать его хорошимъ христіаниномъ. Она со всѣмъ усердіемъ старалась выполнить этотъ обѣтъ, внушая мнѣ еще съ самаго младенческаго возраста всѣ правила христіанской жизни, стараясь примѣнять ихъ во всемъ и ко всему, что какимъ либо путемъ было доступно моимъ дѣтскимъ понятіямъ.

До сего времени помню я нѣкоторые примѣры такого христіанскаго воспитанія, вполне достигшаго цѣли (примѣнительно дѣтскому развитію). Я уже упоминала, что до 8-милѣтняго возраста была единственнымъ ребенкомъ родителей. Отецъ постоянно находился на службѣ, нерѣдко ѣздилъ „въ плаваніе“. Бабушка давно уже не жила съ нами, а мы съ матерью моей были всегда неразлучны, до времени поступленія моего въ институтъ. Бывало, закупить мнѣ много гостинцевъ, отдасть ихъ въ полное мое распоряженіе, и прежде всего прикажетъ разложить все на столѣ, чтобы видѣть все; затѣмъ какъ будто мимоходомъ подойдетъ ко мнѣ, и указывая на столъ, говоритъ: „ахъ, Машенька, какая же ты богатая, счастливая, сколько у тебя разныхъ лакомствъ, а у другихъ-то несчастныхъ, бѣдненькихъ и хлѣбца нѣтъ,—ты бы подѣлилась съ ними, они бы за тебя Богу помолились, а молитва нищенки доходна до Бога“. Расположенная такими словами матери, я отдавала матери все до послѣдняго, и она, не отказываясь, принимала все, говоря, что знаетъ много бѣдненькихъ, которые часто ее просятъ, и что отдасть имъ все это. Черезъ нѣсколько же времени она подзывала меня и снова давала мнѣ часть гостинцевъ или тѣхъ же самыхъ, или подобныхъ имъ, говоря; „вотъ ты была добрая дѣвочка, подѣлилась съ нищенками,—вотъ тебѣ Господь и еще послалъ, благодари Его, когда будешь молиться, и всегда, всегда дѣлись, Онъ будетъ любить тебя“. Сдѣлала она мнѣ копилку, куда часто опускали мнѣ, въ мою собственность, серебряные пяточки; когда я съ няней шла гулять,—она всегда напоминала мнѣ: „а что-жъ ты не взяла *твоихъ* денегъ,—вдругъ попадутся нищенки,—и подать нечего, онѣ заплачутъ и Господь разсердится на тебя, что ты ихъ не утѣшила“. Такъ пріучала она меня съ малолѣтства къ великой добродѣтели—милосердія и любви къ бѣднымъ. Не смѣю сказать, чтобы сѣмя это принесло обильный плодъ, но во славу имени Божія скажу, что случалось мнѣ впоследствии и платьѣ (изъ подъ верхней одежды) снимать для отдачи его нищимъ, не только что дѣлиться съ ними послѣднимъ. Умѣла она расположить и пріучать меня и къ молитвѣ. Такъ, напр.: были мы съ нею на рождественскихъ праздникахъ гдѣ-то на „елкѣ“; я была еще очень мала, не старше трехлѣт-

ного возраста. Очень понравилось мнѣ это дѣтское утѣшеніе, и возвратившись домой, я стала просить маму устроить и у насъ такую-же елку. Что-же она мнѣ отвѣтила?

— „Это, Машенька, дѣлается только для тѣхъ дѣтей, которыя хорошо и усердно Богу молятся; молись хорошенько, и у тебя будетъ „елка“; Господь милостивый, Онъ всегда исполняетъ наши просьбы, наши молитвы“. То же повторяла она мнѣ и при другихъ случаяхъ, и понуждала молиться.

Часто также бесѣдовала она со мною, рассказывала событія изъ свящ. исторіи, особенно о страданіи Спасителя. Бывало, сидитъ она у окна своей комнаты и шьетъ, работаетъ что-нибудь, а я приючусь на скамеечкѣ у ея колѣнъ и слушаю ея рассказы. Мнѣ было не болѣе 4-хъ лѣтъ, когда я могла уже читать безъ складовъ, хотя и не быстро, и знала съ рассказовъ матери всю свящ. исторію земной жизни Спасителя (кромѣ Его ученія и притчей); обладая хорошою памятью, неизмѣняющею мнѣ и по настоящее время, я легко запоминала слышанное.

II.

Такимъ образомъ, подъ непосредственнымъ покровомъ и наблюденіемъ благочестивой моей матери, протекало мое дѣтство. Когда мнѣ было 8 л., родился, какъ я упоминала, братъ Николай; мать не могла уже тогда такъ исключительно посвящать мнѣ все свое время, а между тѣмъ меня надо было готовить къ поступленію въ институтъ, и мнѣ наняли гувернантку. Когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, меня опредѣлили въ Павловскій институтъ, что на Знаменской улицѣ, куда свезъ меня мой отецъ, и, благословивъ, оставилъ въ неутѣшныхъ слезахъ и рыданіяхъ. Мысль о томъ, что на нѣсколько лѣтъ разлучили меня съ родительскимъ кровомъ, съ ихъ ласками, особенно съ нѣжно любящей матерью, которая и сама до такой степени была разстроена этою разлукою, что не имѣла силы проводить меня въ институтъ, мысль объ этомъ и воспоминаніе всего невозвратно прошедшаго дорогого сердцу,—не давала мнѣ покоя, не давала возможности заняться ученіемъ. Только благодаря богатымъ способностямъ, съ большимъ усиліемъ я, прочитавъ хотя однажды, заданные уроки,—отвѣчала ихъ и слѣдовала за классомъ. Скоро, впрочемъ, мой дѣтскій организмъ надломился; сдѣлались у меня сильнѣйшія головныя боли, затѣмъ воспаленіе глазъ, и я совсѣмъ ослѣпла. Меня, конечно, положили въ лазаретъ; новая бѣда удвоила скорби, я продолжала плакать и плакать безутѣшно. Отъ этого ли или отъ оплошности институтскаго врача (не глазного) воспаленіе глазъ перешло въ бѣльма, и я окончательно, совершенно лишилась зрѣнія. Мнѣ стали сводить эти бѣльма ляписомъ, что причиняло ужасную боль и страданія, а облегченія ни малѣйшаго.

Родителямъ моимъ, которые съ наступленіемъ весны уѣхали въ свою усадьбу, не давали почему-то знать о случившемся со мною, а сама я писать не могла; такимъ образомъ страданія мои и слѣпоты моя продолжались до осени. Наконецъ пріѣхалъ въ лазаретъ глазной докторъ Денеске и, нашедъ лечение неправильнымъ, посоветовалъ помѣстить меня въ глазную лечебницу, находившуюся подъ его вѣдѣніемъ, куда меня и помѣстили.

Впрочемъ и тамъ я не получала ни малѣйшаго облегченія; не могу сказать, сколько именно времени я тамъ пробыла, но о помѣщеніи моемъ туда дали знать родителямъ, которые тотчасъ-же пріѣхали за мною и, исхлопотавъ, чтобы вакансія моя не была замѣщена другою воспитанницею, взяли меня изъ института впредь до излеченія и увезли въ усадьбу. Привезли меня туда совершенно слѣпую, не видѣвшую даже солнечныхъ лучей. Способъ леченія, которымъ пользовали меня врачи, былъ совершенно оставленъ, и меня стали лечить болѣе домашними средствами, а главное воздухомъ,—меня почти не пускали въ комнаты, въ теченіе цѣлаго дня. По той ли или иной причинѣ, но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ я снова увидѣла свѣтъ, и зрѣніе мое стало быстро возвращаться, такъ что въ концѣ того-же года меня уже привезли обратно въ институтъ; я видѣла довольно хорошо и могла заниматься, хотя Впрочемъ при свѣтѣ лампъ очень затруднялась читать и писать, что и осталось моимъ достояніемъ на всю мою дальнѣйшую жизнь, и по сіе время я страдаю слабостію зрѣнія и съ трудомъ занимаюсь при огнѣ. Но слава Богу и за такое излеченіе; не многимъ слѣпцамъ достается на долю совершенное прозрѣніе. Въ институтѣ потекла моя жизнь своимъ обычнымъ порядкомъ, съ тою только разницею, что лишившись навсегда хорошаго зрѣнія, я, при малѣйшемъ напряженіи его при занятіяхъ, рисковала повредить и послѣднее, да мнѣ и запрещали заниматься по вечерамъ.

Впрочемъ это не препятствовало мнѣ не только слѣдовать вмѣстѣ съ классомъ, но и быть одной изъ самыхъ лучшихъ ученицъ; Господь, лишивъ меня внѣшняго зрѣнія, въ то же время просвѣщалъ болѣе мои понятія и память, которыя значительно развились отъ того, что въ силу необходимости дѣлались онѣ основаніемъ всего дѣла моего обученія, а не книги и тетради.

Въ то время между нашими учителями существовалъ слѣд. способъ преподаванія: спросивъ заданный урокъ нѣкоторыхъ изъ воспитанницъ, учитель приступалъ къ разъясненію слѣдующаго урока и это разъясненіе давалъ гораздо болѣе подробно, чѣмъ въ книгѣ; тѣмъ, кто болѣе и точнѣ усвоить и передать эти подробности, прибавлялись баллы. Не надѣясь на помощь книги, я напрягала все свое вниманіе на рассказъ учителя и, благодаря памяти, усваивала его почти слово въ слово, затѣмъ по просьбѣ подругъ повторяла имъ неоднократно одно и то же, а чрезъ то твердо и

неизмѣнно заучивала все пройденное. Меня прозвали „слѣпой мудрецъ“, хотя я и не была ни слѣпа, ни мудра, но эта кличка сопровождала меня во все время моего воспитанія. Да и не одна эта, и много кличекъ или названій присвоилось мнѣ, какъ обычно во всѣхъ казенныхъ заведеніяхъ даютъ ихъ другъ другу; меня называли еще „монахиней“, „игуменьей“, а когда кому въ чемъ-либо не угожу, то и „святошей“, но всѣ эти наименованія сводились къ одной характеристикѣ моего религіознаго настроенія. Это настроеніе было какъ бы прирожденнымъ, но оно вошло въ болѣе полную силу, когда мнѣ было 12 лѣтъ, послѣ слѣдующаго обстоятельства.

Когда я была еще въ 6-мъ (т. е. во 2-мъ отъ младшаго) классѣ, у насъ въ институтѣ случилась эпидемія—корь, уложившая въ постели почти всѣ младшіе и часть старшихъ классовъ воспитанницъ. Это было весною, наступалъ Великій постъ. Не только все огромное помѣщеніе лазарета было переполнено больными, но и болѣе просторные дортуары были заняты ими. Между прочимъ корь посѣтила и меня, и въ такой сильной степени, что меня положили въ лазаретъ въ „трубное“ отдѣленіе, гдѣ и днемъ не поднимались густо-зеленыя шторы на окнахъ; въ цѣлдневномъ полумракѣ мы лежали, дѣйствительно, полуживыя отъ осложнившейся болѣзни. Наступала Страстная седмица, а за нею и св. Пасха; мы сознавали великость и торжественность дней, и это сознаніе увеличивало тоску. Но вотъ наступила и Свѣтлая ночь на Великій Христовъ день. Не помню ничего особеннаго о томъ, какъ я съ вечера заснула, только среди ночи я была разбужена слышаніемъ какого-то шороха. Проснувшись,—стала прислушиваться; слышу шорохъ какой-то необычайный, какъ будто шелестъ крыльевъ птицы. Открываю глаза, и въ удивленіи вижу совершенно ясно и очевидно, среди полнѣйшей ночной темноты, какое-то существо солнцеобразно свѣтлое, крылатое, летающее подъ потолкомъ и повторяющее человѣческимъ голосомъ слова: „Христокъ воскресе! Христокъ воскресе!“ Какого вида было это существо, я не могу сказать ничего, кромѣ видѣнной какъ-бы дѣтской головки между двумя крылышками. О, какую неземную радость почувствовала и моя дѣтская душа! Точно влилось въ нее что-то дотолѣ ей невѣдомое, сладкое, овладѣвшее ею всецѣло. Я сѣла на своей постелькѣ и такъ внимала летающему, точно бы онъ именно ко мнѣ прилетѣлъ, меня и привѣтствовалъ. Долго ли продолжалось это мое наслажденіе, я не могу сказать; но оно было прервано подошедшей ко мнѣ дежурной горничной, которая, замѣтивъ, что я сижу, поспѣшила уложить меня. Я снова уснула подъ впечатлѣніемъ сладкаго чувства, но съ нимъ же опять и пробудилась на утро, причемъ все вспомнилось мнѣ видѣнное и слышанное; а чувство, поселившееся при этомъ въ душу, уже никогда не оставляло ее и словно положило въ ней начало чему-то

новому таинственному, что и для меня самой до времени не было ясно.

Затѣмъ я выздоровѣла, вышла изъ лазарета въ классы, по-прежнему начала заниматься и жизнь среди сверстницъ пошла своимъ обычнымъ порядкомъ; но въ глубинѣ моего сердца словно таилась какая-то затепливавшаяся искорка, какъ бы выжидая лишь случая разгорѣться ярче и свободнѣе.

Если признать это дѣло Божиимъ, то можно сказать, что Господь и не замедлилъ разжечь эту искру въ болѣе сильный огонь Его Божественной любви.

III.

По существовавшему въ институтѣ правилу, всѣ воспитанницы обязательно говѣли въ теченіе В. поста на 1-й, 4-й и 7-й недѣляхъ. Но такъ какъ этотъ годъ, какъ я упоминала, почти половина воспитанницъ были больны корью, продолжавшейся всю весну, то намъ и не пришлось говѣть Великимъ постомъ, а вмѣсто того всѣ мы, по распоряженію начальства, исполнили этотъ долгъ въ Успенскомъ посту, въ концѣ каникулъ, продолжавшихся всегда до 16-го августа. Вмѣстѣ со всѣми говѣла и я и 15-го авг. причастилась Св. Таинъ. Послѣ причащенія въ ночь на 16 авг. я видѣла чудное видѣніе, положившее рѣшительный и окончательный переворотъ на всю мою жизнь, или, иначе сказать, составившій и указавшій мнѣ мое призваніе.

Видѣлось мнѣ, что я стою въ полѣ, покрытомъ зеленою травою, стою на колѣняхъ и молюсь Богу. Передо мною, т. е. съ той стороны, куда я была обращена лицомъ, поле окаймлялось лѣсомъ, а позади не болѣе саженой 5-ти отъ меня, протекала длинная рѣчка, на противоположномъ берегу которой былъ расположенъ большой, шумный городъ, который я принимала за Петербургъ, такъ какъ никакого другого города въ то время еще не видала. Оттуда доносился до меня шумъ и стукъ, и крикъ, и говоръ, и какъ я была довольна, что ушла оттуда на этотъ берегъ, въ это тихое, уединенное поле. Вдругъ я стала подыматься отъ земли, ни мало не измѣняя своего положенія, т. е. колѣни мои не разгибались, ноги не опускались, хотя и теряли подъ собою опору (т. е. землю); я летѣла все выше и выше, хотя и не безостановочно, ибо среди полета кверху иногда и спускалась немного, но потомъ снова поднималась и наконецъ, высоко, высоко поднявшись, остановилась. Тутъ я увидѣла себя въ какомъ-то иномъ мірѣ, какъ мнѣ думалось,—на небѣ; неизъяснимо сладкое чувство наполнило мою душу; тамъ было такъ свѣтло, чудно хорошо, что я не берусь и не въ силахъ описать.

Почти совсѣмъ передо мной я видѣла безчисленное множество людей, стоявшихъ длинными рядами, въ нѣсколько рядовъ, такъ что и конца не было этимъ рядамъ; всѣ они были по формѣ

своихъ тѣлъ одинаковы, только не таковы были эти тѣла, какъ наши земныя, грубыя, а тонкія, прозрачныя, какъ-бы изъ облака вылитыя, и настолько прозрачны, что сквозь каждаго можно было видѣть стоявшаго позади его, и такъ до конца этихъ безчисленныхъ рядовъ; только цвѣтъ, или оттѣнокъ этихъ сквозныхъ тѣлъ былъ не одинаковъ, подобно тому, какъ и облака бываютъ на небѣ не одинаковаго цвѣта: иныя желтоватѣе, иныя краснѣе, голубѣе, бѣлѣе, сѣрѣе и такъ далѣе, только всѣ сквозны, легки и прозрачны. Поднявшись, невѣдомой мнѣ силою, я остановилась прямо противъ 1-го ряда съ праваго его конца, въ томъ-же своемъ молитвенномъ положеніи на колѣняхъ и во все время видѣнія не шевельнулась ни съ мѣста, но и съ этого видѣла многое, многое.

Видя такія ихъ чудныя тѣла, я подумала о себѣ: не такова-ли стала и я. Но нѣтъ; взглянувъ на себя, я увидѣла, что ничуть не измѣнила не только вида, но даже и положенія, что все въ томъ же своемъ институтскомъ платьѣ продолжаю стоять на колѣняхъ въ воздушномъ пространствѣ. Въ моментъ, когда я взглянула на себя, я невольно взглянула внизъ и тамъ увидѣла землю, далеко, далеко внизу; она казалась мнѣ какою-то весьма малою выпуклостью, чернѣвшеюся въ пустомъ пространствѣ; оттуда донесли до моего слуха какіе-то неопредѣленные звуки смѣшанныхъ рыданій, крика, смѣха и т. под., и хотя это длилось не болѣе секундъ, пока я лишь взглянула на себя,—но мнѣ стало жутко воспоминаніе о землѣ, и я послѣдила къ чудному небесному зрѣлищу. Что касается видѣнныхъ мною Святыхъ, то относительно того (какъ меня однажды спросили), въ одеждѣ-ли они были или безъ нея,—я опредѣлить не берусь. Тогда мнѣ и на мысль не пришло этого вопроса, а теперь я не помню; скажу только, что если и въ одеждѣ, то, значить, и одежда была сквозная, потому что я хорошо видѣла самые задніе ряды сквозь передніе, и тамъ все было сквозно, прозрачно, свѣтло, ни малѣйшей дебелости, вещественности.

Всѣ эти Святые стояли, какъ бы въ два лика, т. е. ихъ длинные ряды, тянувшіеся въ безконечную даль, какъ мнѣ казалось, дѣлились на два лика, такъ что между этими двумя ликами образовывалось пустое свѣтлое пространство, на подобіе какого-то коридора. Я, какъ упоминала, была поставлена противъ самаго перваго ряда лѣваго лика съ правой его руки, гдѣ начинался этотъ 1-й рядъ, такъ что очень ясно было видно и другой правый отъ меня ликъ, и пустое это между ними пространство.

Всѣ они пѣли; то попеременно, то всѣ вмѣстѣ; и когда они начинали пѣть, то изо рта каждаго изъ нихъ выдыхалась какъ-бы струя какого-то аромата, на подобіе того, какъ выходитъ «ниміамъ» изъ кадильницы, но эта струя не останавливалась и не разливалась тутъ-же, а поднималась выше, такъ что лишь въ

воздухъ клубился и разливался этотъ ароматъ и своею густотою не застилалъ Святыхъ. Что именно они пѣли, я не знаю, только такъ хорошо, что я не могу и высказать.

Стоя у самаго начала этихъ 2-хъ ликовъ и образуемаго между ними пространства пустого, я безпрепятственно смотрѣла въ даль, гдѣ мнѣ казалось все свѣтлѣе и свѣтлѣе (не знаю, такъ-ли это было въ дѣйствительности, или мнѣ только казалось), я думала, что, вѣроятно, тамъ самый Престоль Богъ, Источника Свѣта, и что Онъ тамъ и находится. Въ эту минуту, какъ только я это помыслила, вижу, что ко мнѣ приближается одинъ изъ Святыхъ и отвѣчаетъ прямо на мою мысль: „Ты хочешь видѣть Господа,—для этого не требуется идти никуда, ни въ то дальнее пространство, Господь здѣсь вездѣ, Онъ всегда съ нами, и подлѣ тебя!“. Пока онъ говорилъ мнѣ это, я подумала: „Кто это—такой и почему и какъ узналъ онъ мои мысли, не вполне ясныя и для меня самой“. И это не укрылось отъ него; окончивъ свою рѣчь о присутствіи Бога, онъ продолжалъ какъ бы въ отвѣтъ на мою послѣднюю мысль: „Я—Евангелистъ Матѳей!“. Не успѣлъ онъ окончить эти слова, какъ я увидѣла подлѣ себя по правую сторону обращеннаго ко мнѣ лицомъ Спасителя нашего Иисуса Христа. Страшно мнѣ начать изображать подобіе Его Божественнаго вида; знаю, что ничто, никакое слово, не можетъ выразить сего, и боюсь чтобы немоющее слово не умалило Великаго. Не только описать, но и вспомнить не могу безъ особеннаго чувства умиленія, безъ трепета, этого Божественнаго, Величественнаго вида Сладчайшаго Господа. Десятки лѣтъ миновали со дня видѣнія, но оно живо и неизгладимо хранится въ душѣ моей! Величественно чудно стоялъ Онъ передо мною. Весь станъ Его, или, иначе сказать, все тѣло было какъ бы изъ солнца или, сказать наоборотъ,—само солнце въ формѣ человѣческаго тѣла; сзади черезъ лѣвое плечо перекидывалась пурпуровая мантия, или пелена, на подобіе того, какъ изображается на иконахъ, только мантия эта не была вещественная, изъ какой-либо ткани (тамъ не было ничего вещественнаго), а какъ-бы изъ пурпуровой, огненной зари, на подобіе того, какъ мы видимъ иногда вечернюю огненную зарю на горизонтѣ. Спускаясь напереді черезъ лѣвое плечо, она покрывала собою лѣвую половину груди, весь станъ и, наискось спускаясь по ножкамъ, покрывала ихъ немного ниже колѣнъ и взвивалась по правую сторону, какъ бы колеблемая воздухомъ въ воздушномъ пространствѣ, среди коего и стоялъ Господь. Правая рука, какъ и правая сторона груди были не покрыты мантией, и оставались, какъ и ножки, солнцеобразными; стопы, совершенно какъ человѣческія, носили слѣды язвъ, ясно видимыхъ посреди солнцеобразной стопы; рука правая была опущена, и на ней виднѣлась такая-же язва; лѣвая рука была поднята, и, какъ мнѣ помнится, Онъ ею опирался или держалъ большой деревян-

ный крестъ, который единственно былъ изъ земного вещества, т. е. изъ дерева. Глава Его, т. е. ликъ, окаймлялся волосами, спускавшимися на плечи, но то были какъ бы лучи или нѣчто подобное, устремленное книзу и колеблемое тихимъ, легкимъ вѣяніемъ воздуха; черты лика я не разглядѣла, а и возможно ли было это, при такомъ сильномъ ослѣпительномъ сіяніи; помню только очи Его, чудно-голубыя, точно въ нихъ-то и отражалось все небо голубое, они такъ милостиво, съ такою любовью устремлены были на меня. Увидѣвъ, приблизительно въ такомъ образѣ, Господа, я вся какъ-то исчезла въ избыткѣ сладостнаго восторга и благоговѣнія; о какомъ-либо чувствѣ страха и рѣчи быть не могло; любовь, безконечная святая любовь объяла все мое существо. Не знаю, долго-ли я наслаждалась этимъ пресладкимъ лицезрѣніемъ Господа, но, наконецъ, бросилась Ему въ ноги и простерла руки, чтобы обнять ихъ и облобызать Его стопы. Сдѣлала я это какъ бы внѣ себя, отъ избытка охватившаго меня чувства. Но Онъ не допустилъ меня прикоснуться къ Его стопамъ; Онъ простеръ Свою десницу, бывшую опущенною, и, дотронувшись до темени моей головы, сказалъ: „еще не время“. Отъ этого чуднаго прикосновенія, отъ этого пресладкаго гласа я совершенно исчезла, и, если бы въ ту-же минуту не пробудилась, думаю, — душа моя не осталась бы во мнѣ. Я пробудилась; но я не сознавала вполне—что со мной, слѣды всего видѣннаго и слышаннаго были еще такъ живы, голова еще какъ бы продолжала ощущать Божественное прикосновеніе, и пресладкія слова все еще слышались мнѣ. Вся подушка, на которой я лежала, и вся грудь моя были смочены слезами, которыя я проливала, вѣроятно во время видѣнія, во снѣ. Я сѣла на своей койкѣ и мало-по-малу начала сознавать, что была не въ здѣшнемъ мірѣ и вотъ вернулась опять, проснувшись. О, какъ не хотѣлось мнѣ сознать эту дѣйствительность, т. е., что я проснулась снова для обыденной земной жизни. Не выпуская ни на мгновеніе изъ памяти видѣннаго, я даже силилась снова заснуть, воображая, что этимъ продолжу видѣніе, но все напрасно, и, наконецъ, сознала, что видѣніе кончено, и, какъ сказано мнѣ, „теперь еще не время“ переселиться въ ту блаженную страну. Я раскрыла глаза, полные слезъ; какъ мрачно показалось мнѣ все, какъ грустно; но я утѣшалась хотя тѣмъ, что всѣ воспитанницы спали, кругомъ полная тишина, и я могу дать себѣ свободу и плакать и молиться,—никто не видалъ меня.

Долго, долго я всецѣло отдавалась своимъ воспоминаніямъ и размышленіямъ; съ благоговѣніемъ я дотрагивалась до темени головы моей, и оно казалось мнѣ священнымъ; съ радостію вспоминала я слова Спасителя: „еще не время“, толкуя ихъ себѣ такъ, что значитъ, будетъ же время, когда я снова узрю Его, и уже не возбранить Онъ мнѣ припасть къ Его Божественнымъ стопамъ и облобызать ихъ. Наконецъ, боясь быть замѣченною, я

потихоньку встала, одѣлась, умылась и, вышедъ осторожно изъ дортуара, направилась къ дверямъ церкви (на паперть), которыя были двойныя; первыя глухія деревянныя, и онѣ никогда не заперались на замокъ, а вторыя со стеклами, всегда бывшія запертыми; пространство между обѣими этими дверьми было довольно широкое; на этотъ разъ оно оказалось мнѣ спасительнымъ убѣжищемъ; я знала, что тутъ меня никто не увидитъ. Страхъ, при полномъ ночномъ мракѣ среди безконечныхъ институтскихъ коридоровъ и лѣстницъ, именно тутъ на паперти оканчивавшихся со всѣхъ 4-хъ этажей, мнѣ не приходилъ на мысль. Я радовалась своему убѣжищу, и незамѣтно скоро пролетѣло для меня все остальное время ночи. Но вотъ раздался звонокъ воспитанницамъ вставать; зная, что не замедлитъ черезъ часъ послѣдовать и 2-ой звонокъ на молитву, я содрогнулась при мысли о томъ, какъ выйду, что скажу, какъ вступлю въ обычную колею жизни, и т. под. И не ошиблась. Лишь только со вторымъ звонкомъ, я вышла изъ своего убѣжища, меня окружили воспитанницы, осаждавшія меня вопросами: „гдѣ была, что съ тобой, отчего ты такъ заплакана“ и пр. Мое молчаніе возбуждало еще большее любопытство. Не только дѣти-подруги, но и классная дама, дежурная подошла ко мнѣ съ тѣми-же вопросами. Вмѣсто отвѣта, я только разрыдалась. Открыть свою тайну я не рѣшилась бы ни за что никому, кромѣ нашего священника, а солгать что-нибудь, я не могла, да и вообще говорить не чувствовала въ себѣ силы. Наконецъ понемножку меня оставили въ покоѣ. Когда послѣ молитвы и послѣ чая, всѣ вошли въ классъ, я попросила свою классную даму остаться въ коридорѣ и дождаться батюшку, чтобы сказать ему нѣсколько словъ.

Она мнѣ это позволила. Когда я рассказала ему все, онъ поцѣловалъ меня въ голову, и сказалъ: „это твое призваніе; храни эту тайну, а Господь Самъ довершитъ Свое дѣло“. Послѣ этого мнѣ стало какъ-то легче вращаться съ людьми; но переворотъ уже былъ сдѣланъ на всю жизнь. Я чувствовала какую-то тѣсноту души, сознавала, что не могу жить общепринятымъ образомъ жизни; ко всему чувствовала равнодушіе, ничто, ничто не привлекало меня, напротивъ все больше и больше отталкивало. Только мои недюжинныя способности давали мнѣ возможность хорошо заниматься и даже быть всегда одной изъ первыхъ. Любовь-же моя и вниманіе все сосредоточилось на Евангеліи. Случалось иногда принимать участіе и въ увеселеніяхъ, хотя, конечно, не находила въ нихъ никакого удовольствія, но, не смѣя уклоняться отъ общаго дѣла, невольно принимала въ нихъ участіе; при этомъ я настолько конфузилась и стѣснялась даже самой себя, вспоминая видѣнную мною красоту небесную и ощущая истинную сладость духовныхъ наслажденій, что дѣлалась совершенно неспособною ни къ танцамъ, ни къ спектаклямъ, ни къ чему подоб-

ному, путалась, терялась иногда даже до слезъ, что, конечно, возбуждало всеобщее удивленіе и даже смѣхъ. Въ старѣйшихъ классахъ эти увеселенія принимали болѣе широкой размѣръ; но тутъ Самъ Господь какъ-бы сталъ охранять и отстранять меня; какъ только начинались танцы, у меня начиналось головокруженіе, я блѣднѣла и шаталась, и меня приходилось выводить. Наконецъ меня освободили отъ участія въ подобныхъ вечерахъ, и даже отъ уроковъ танцевъ. Оставшись одна въ классной комнатѣ, въ то время какъ всѣ уйдутъ танцевать на вечеръ въ пріемный залъ, я занималась чтеніемъ духовныхъ книгъ, или молилась за моихъ подругъ, которыя, какъ мнѣ казалось, небезгрѣшны были въ ихъ стремленіи и любви къ увеселеніямъ. Сама не понимаю, откуда у меня рождались такіе мысли и взгляды; никто мнѣ этого не внушалъ; напротивъ: меня осуждали за это и называли „странною“, нигдѣ я ничего подобнаго не читала, и воспитывали меня вполне свѣтски, а не духовно. Мнѣ же все хотѣлось молиться, поститься, а когда случалось мнѣ по молодости или по чужимъ навѣтамъ отвлечься отъ этихъ моихъ правилъ, то я пугалась этого, какъ большого грѣха и удваивала постъ и молитву. Понятно, что настоящаго поста, т. е., постной пищи я не могла держаться, но понимая, что постъ, т. е., воздержаніе состоитъ болѣе въ количествѣ, чѣмъ въ качествѣ пищи, я лишала себя болѣе сытныхъ и болѣе сладкихъ блюдъ, отдавая ихъ тѣмъ изъ воспитанницъ своего курса, которыя не имѣя родственниковъ, были лишены возможности получить отъ нихъ гостинцы и лакомства.

Случалось, что мнѣ и самой хотѣлось иногда съѣсть что-либо такое; въ виду этого, чтобы не дать себѣ возможности нарушить предпринятый порядокъ, отступить отъ правилъ поста, а съ другой стороны, чтобы не лишиться себя случая оказать любовь бѣдной сиротѣ, я нарочно заранѣе давала имъ обѣщанія того или другого кушанья или лакомства, прося напомнить мнѣ тогда, когда оно будетъ предложено въ столовой.

Хотя все это я всегда старалась мотивировать словомъ, что я „этого—не люблю“, или „это мнѣ вредно“, но иногда какъ-то разгадывали мое намѣреніе. Нашихъ горничныхъ дѣвушекъ стали учить грамотѣ, св. исторіи и молитвамъ; имъ задавали уроки, которые иногда твердили онѣ по вечерамъ, уложивши воспитанницъ въ постели. Многія изъ насъ помогали дѣвушкамъ (только потихоньку отъ классныхъ дамъ, оберегавшихъ наши силы). Подмѣтивъ лѣнность или безтолковость со стороны одной горничной, моей ученицы, я стала оставлять для нея свои сухари и булки отъ вечерняго чая, что и отдавала ей, когда она хорошо училась, и это, дѣйствительно, имѣло вліяніе. Въ теченіе Великаго поста намъ давали постный столъ лишь на тѣхъ недѣляхъ, когда говѣли воспитанницы, т. е., на 1-й, 4-й и 7-й, на остальныхъ недѣляхъ — только въ среды и пятницы.

Иныя воспитанницы старшаго отдѣленія (въ числѣ ихъ и я) брали на себя рѣшимость соблюдать постъ въ теченіе всѣхъ 7-ми недѣль, причѣмъ приходилось намъ довольствоваться иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней, вмѣсто обѣда и ужина, однимъ чернымъ хлѣбомъ, причѣмъ требовалось сохранять это въ строгой тайнѣ отъ надзирательницъ, почему всегда брали себѣ свои порціи и дѣлали видъ, что вкушаемъ, а затѣмъ спроваживали тарелку по назначенію; впрочемъ классныя дамы французскаго дежурства, будучи всѣ русскія, православныя, хотя и знали наши продѣлки, но не доказывали этого, только иногда шутливымъ образомъ погрозятъ пальцемъ, или покачаютъ головой „мнимой постницѣ“; зато ужъ нѣмецкаго дежурства дамы-нѣмки немилосердно преслѣдовали насъ, иногда даже совершенно пресѣкая нашъ постъ, заставляли тутъ же при себѣ ѣсть мясную пищу, не разбирая ни дней, ни недѣли. Въ такой борьбѣ и въ такихъ лишеніяхъ мы (т. е., нѣкоторыя, весьма немногія воспитанницы) проводили весь постъ, впрочемъ добровольно никогда не уступая никакимъ препятствіямъ, ни соблазнамъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ старшему, выпускному курсу, какъ-то болѣе ощущалась самостоятельность, и словно бы ширились права нашей свободы, хотя въ сущности мы до послѣдней минуты своего пребыванія въ институтѣ оставались всесторонне подвластными заключенницами его, обязанными строго хранить всѣ его правила и предписанія. Но въ старшемъ курсѣ мы уже болѣе предоставлялись самимъ себѣ; классныя дамы наблюдали за нами какъ-бы издали, лишь для порядка, а въ болѣе мелкія детали нашей жизни даже и не входили, но мы и не злоупотребляли этимъ, будучи всецѣло заняты приготовленіемъ къ послѣднимъ, такъ называемымъ „публичнымъ экзаменамъ“, на другой-же день послѣ которыхъ мы готовились вступить на порогъ жизни самостоятельной, свѣтской, свободной. Кто готовился сряду-же по окончаніи курса взять на себя нелегкій трудъ преподавательницы и прямо съ беззаботной скамьи института путемъ многозаботливой обязанности снискивать средства къ жизни; иныя, какъ дѣти болѣе достаточныхъ родителей, мечтали о предстоящихъ имъ удовольствіяхъ „на свободѣ свѣтской веселой жизни“. Какія-же мысли и чувства наполняли мою душу по поводу предстоящаго мнѣ оставленія института? — Ни тѣ, ни другія изъ вышеприведенныхъ. Я знала, что мнѣ не придется своими трудами добывать средства къ существованію, знала, что выхожу подъ кровъ родительскаго дома, въ теплыя объятія материнской нѣжности и любви отца. Но этого-то послѣдняго я и страшилась, ясно понимая, что оно-то и сдѣлается для меня преградою въ моихъ стремленіяхъ—осуществить мысль, которую я лелѣяла въ теченіе 6-ти лѣтъ, получивъ на то указаніе свыше. Вернусь нѣсколько назадъ: я уже говорила, что, обладая блистательными

способностями и завидною памятію (дававшю мнѣ возможность не только усваивать учимое, но и отвѣчать безошибочно длинныя стихотворенія, прочитавъ ихъ раза два, три, причемъ требовалось отъ меня лишь особенно напряженнаго вниманія), — я училась легко и всегда была если не первая, то вторая ученица въ классѣ; скажу при этомъ, что давалось мнѣ это счастье, думаю исключительно, благодаря способностямъ, хотя, правда и то, что я занималась всегда прилежно и усердно; но такъ какъ все мое вниманіе сосредоточивалось главнымъ образомъ на всемъ духовномъ и религіозномъ, то не знаю, успѣвала-ли бы я въ наукахъ такъ же быстро, если бы изученіе ихъ стоило мнѣ труда и усидчивости. Я всегда имѣла много свободнаго времени, которое, согласно своему произволу, могла посвящать чтенію духовныхъ книгъ, самовниманію, размышленію о тѣхъ духовныхъ событіяхъ, которыя болѣе меня интересовали, даже нерѣдко удовлетворяла чувству потребности излагать свои собственныя впечатлѣнія на бумагѣ, и никто меня за это не преслѣдовалъ, не запрещалъ, такъ какъ и классныя дамы наши вполне были увѣрены, что уроки свои я приготовила, а лишнее время отдавалось всецѣло нашему собственному произволу.

IV.

По мѣрѣ моего возраста и развитія возрастали и развивались и религіозныя мои потребности; меня уже не стало довольствовать одно чтеніе духовныхъ книгъ, тѣмъ болѣе, что у меня ихъ было очень немного, и въ моемъ затворѣ я не имѣла возможности достать ихъ болѣе, или именно тѣхъ, какихъ мнѣ хотѣлось. Самая любимая моя и самая дорогая книга была св. Евангеліе; въ его словахъ я чувствовала не только сладость и утѣшеніе души, но и какую-то потребность ежеминутнаго, неразлучнаго съ нимъ пребыванія, а такъ какъ это было неудобно и невозможно, то я принялась изучать его наизусть.

Благодаря моей памяти, это мнѣ было вовсе не трудно, и я скоро заучила на память славянскимъ текстомъ слово въ слово всѣ Евангеліскія событія и ученія у тѣхъ Евангелистовъ, гдѣ они излагались подробнѣе. Когда наступилъ нашъ послѣдній выпускной экзаменъ по Закону Божію, то сама начальница института баронесса Фредериксъ представила меня прибывшему для экзамена тогдашнему ректору Духовной Академіи, впоследствии Митрополиту Московскому и Кіевскому, Преосв. Іоанникію, объявивъ ему, что я знаю „все Евангеліе наизусть“. Владыку кажется, заинтересовало это, и онъ предложилъ мнѣ прочесть ему наизусть изъ Евангелія святаго Іоанна Богослова гл. 14, 15 и далѣе, прощальную бесѣду Спасителя съ учениками. Я стала читать на память, начавъ съ мѣста: *„Въдый Іисусъ, яко вся преиде Ему Отецъ въ рццѣ, и яко отъ Бога изиде и къ Богу гряде*



детъ" (Гл. 13, ст. 3)... Владыка, а съ нимъ и всѣ прочіе присутствующіе на экзаменѣ слушали съ большимъ вниманіемъ, и никто не перебилъ меня ни однимъ вопросомъ. Когда я окончила, остановившись на послѣднихъ словахъ 14-й г.: „*востановимъ идемъ отсюда*“, владыка Іоанникій спросилъ меня: „скажите, что за причина, побудившая васъ изучать Евангеліе наизусть. Это для институтки—явленіе необычайное“. Я отвѣчала ему по чистой совѣсти всю правду, ибо иного не сумѣла сказать: „Каждое слово Евангелія такъ пріятно и отрадно для души, что мнѣ хотѣлось его всегда имѣть при себѣ; а такъ какъ съ книгою не всегда удобно быть, то я вздумала заучить все, тогда всегда оно будетъ при мнѣ въ моей памяти“. — Всѣ присутствовавшіе переглянулись между собою, но никто мнѣ не возразилъ ничего, а Владыка продолжалъ: „не можете-ли вы сказать: „что предложилъ Спаситель юношѣ, искавшему получить жизнь вѣчную“. Я отвѣтила кратко. Онъ предложилъ мнѣ рассказать словами Евангелія всю эту исторію, что я и исполнила, начавъ со словъ Евангелиста Матѳея: „*се единъ нѣкій рече Ему*“, и далѣе до стиха 27-го (М. 19. 16—27.). Когда я окончила, Владыка вдругъ сказалъ, какъ бы сбивая меня: „скажите, пожалуйста,—вы говорите, что для достиженія совершенства Господь предложилъ не иное что, какъ „раздать имѣніе нищимъ“; хорошо: я роздалъ нищимъ, вы раздадите нищимъ, вотъ они сдѣлаютъ такъ же,—что же выйдетъ? Нищія нашими имѣніями обогатятся, а мы обнищаемъ; какое-же тутъ совершенство“. Я объяснила, насколько умѣла, что эта заповѣдь не обязательна для всѣхъ, а только для предпринимающихъ совершенный, т. е. отличный отъ мірскаго, образъ жизни,—нищета ради Христа и т. д.. Владыка остался доволенъ отвѣтами и уже болѣе не спрашивалъ.

По окончаніи молитвы, онъ подозвалъ меня къ себѣ: благословивъ меня, онъ положилъ мнѣ на голову свою правую руку и, держа ее, произнесъ: „*Богъ не оставитъ Своего дѣла!—Ихже избра*, тѣхъ и оправдаетъ и направитъ на путь спасенія вѣчнаго“. Затѣмъ онъ милостиво разспрашивалъ меня о томъ, есть-ли у меня родители, какой образъ жизни думаю я предпринять, и съ отеческою любовію простился со мною. На слѣдующій день онъ прислалъ мнѣ чрезъ нашего священника книгу съ его надписью: эта книга по сіе время у меня сохраняется. Вслѣдъ за экзаменомъ по Закону Божію, съ нѣкоторыми промежутками для приготовления, производились и другіе по всѣмъ предметамъ, пройденнымъ нами во весь 7-милѣтній курсъ образованія.

Между тѣмъ еще за мѣсяць до назначеннаго для выпуска нашего дня, намъ уже объявили его, съ приказаніемъ просить родителей и родственниковъ озаботиться приготовить намъ форменныя для дня акта и выхода изъ института бѣлыя платья и другія необходимыя для насъ платья и т. п.; для этого

наши маменьки и родственницы могли являться къ намъ не только въ обычные пріемные часы, а когда для кого удобнѣе и нужнѣе, и притомъ съ портнихами и мастерицами. По мѣрѣ приближенія этого рокового времени, времени для насъ всѣхъ, конечно, и торжественнаго, и вождельнаго, трепетало мое сердце при мысли о томъ, какое-то сочувствіе со стороны родителей встрѣтитъ мое настроеніе души, и найдетъ-ли желаемый исходъ мое стремленіе въ монастырь. Во время пребыванія моего въ институтъ, родители мои переселились совсѣмъ въ свою усадьбу, находившуюся въ Боровичскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Отецъ, совершавъ многократно кругосвѣтныя плаванія, простудился и получилъ чахотку, которая въ его года приняла длительный характеръ и постепенно изнуряла его силы и здоровье. Онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника (капитана 1-го ранга) съ большимъ окладомъ пенсіи и эмеритурою. За два или за три года до моего выхода изъ института переѣхалъ къ нимъ-же въ усадьбу и старикъ—воспитатель моей матери и сначала жилъ съ ними въ усадьбѣ, а затѣмъ, какъ привыкшій жить въ большомъ свѣтѣ, имѣть большой кругъ знакомыхъ,—соскучился въ деревнѣ, въ тишинѣ, и купилъ себѣ домъ въ г. Боровичахъ, куда и поселился на жительство. Но не долго пришлось ему пожить въ своемъ новомъ жилищѣ; удрученный годами (не болѣзнями, ибо онъ былъ весьма крѣпкаго сложенія и завиднаго здоровья), онъ скончался на 107-мъ году своей долготѣней жизни, пролежавъ передъ этимъ въ постели лишь два дня; передъ кончиною онъ, въ совершенно здоровомъ разсудкѣ и твердой памяти, сдѣлалъ духовное завѣщаніе на меня, отказавъ мнѣ именно все свое движимое и недвижимое имущество и этотъ недавно купленный домъ и деньги, наличныя и находившіяся въ долгахъ по векселямъ у разныхъ лицъ. Такъ какъ я была еще въ институтѣ, то и назначилъ онъ надо мною опекуншею мою мать. Обо всемъ этомъ писала мнѣ моя мать своевременно, поздравляя съ нескуднымъ наслѣдствомъ, которое составляло исключительно мою собственность, не такъ, какъ родовыя имѣнія отца, подлежащія раздѣлу между всѣми тремя дѣтьми его, кромѣ меня, еще брата и сестры.

Прибывъ къ назначенному времени въ Петербургъ для взятія меня изъ института, она съ искреннею радостію уже словесно подробно сообщала мнѣ все это, надѣясь привести въ восторгъ мое еще почти дѣтское воображеніе, какъ съ малолѣтства заключенной и безвыходно пробывшей 7 лѣтъ въ стѣнахъ училища, не видѣвшей никакой роскоши и не имѣвшей еще никакой собственности, кромѣ книгъ да тетрадей. Каково-же было ея удивленіе, когда она не нашла не только никакого восхищенія, но, напротивъ, встрѣтила равнодушіе и даже, какъ казалось ей, неудовольствіе.

Она спросила меня, неужели меня не радует ея рассказ о полученіи такого наслѣдства. Я старалась успокоить ея и отвѣчала, что очень радуетъ, и я очень благодарна покойному дѣдушкѣ. Но сердце материнское чутко; она, видимо, опечалилась и, какъ будто недовольная мною, невольно высказала: „что съ тобой, Машенька? — ты точно всѣхъ насъ разлюбила, или уже ты такая серьезная стала?“ Мнѣ стало жаль ея; я бросилась въ ея объятія, крѣпко ласкалась, увѣряя, что все такъ же горячо люблю ея болѣе всѣхъ; обѣ мы плакали слезами родственной любви, но слезы эти были совсѣмъ различныхъ характеровъ, и мы не поняли другъ друга. Прощаясь со мною, она обѣщала на слѣдующій разъ пріѣхать съ портнихой для приготовления форменнаго выпускнаго платья и др. необходимыхъ вещей. Разставаясь съ нею, я глубоко задумалась, да и было о чемъ задуматься. Я видѣла и чувствовала, что дорогая и добрѣйшая мать моя, для которой въ младенчествѣ и отрочествѣ моемъ я служила единственнымъ утѣшеніемъ (какъ о томъ упоминала выше), всѣ годы нашей съ ней разлуки лелѣяла въ сердцѣ своемъ одну отрадную надежду, что, по окончаніи мною курса, я снова буду для нея единственнымъ утѣшеніемъ, единственнымъ другомъ, поддержкою ея уже слабѣвшихъ силъ и здоровья, буду счастіемъ и гордостью ея и т. под., и что вдругъ всѣ эти сладкія мечты ея должны были разбиться, и къ-мъ-же? мною, ея безгранично любимой дочерью! Меня страшила мысль, что этимъ я сокращу ея жизнь, раньше времени оставлю малолѣтнихъ птенцевъ, брата и сестру моихъ, безъ матери сиротами и т. под. Мнѣ дѣлалось жаль ея и всю семью нашу, я становилась въ собственныхъ глазахъ своихъ преступницею, я мучилась, терзалась душою, плакала, молилась, почти всю ту ночь провела безъ сна въ подобныхъ размышленіяхъ, даже предлагала себѣ сдать въ своемъ намѣреніи уйти въ монастырь, — но какъ только допускала эту послѣднюю мысль, такъ ощущала невыносимую скорбь и тяжесть и не могла не сознать, что это сдѣлать не доступно для меня, что жизнь въ свѣтѣ будетъ для меня хуже и тягостнѣе заключенія въ темницу; въ ужасномъ томленіи и борьбѣ, я прижимала къ себѣ иконочку Спасителя, образъ Котораго, видѣнный мною на небѣ, живо вставалъ передо мною, и, трепещущими губами цѣлуя иконочку, невольно вслухъ говорила: „неужели я измѣню Тебѣ, о Сладчайшій Иисусе? неужели любовь къ матери, любовь земная побѣдитъ любовь къ Тебѣ? О, да не будетъ сего, никогда, никогда!“ Такія и подобныя сему ощущенія и мысли томили меня и не давали мнѣ покоя; между тѣмъ приближался день пріѣзда матери, и я съ трепетомъ ожидала его, словно бы на судъ позвали меня. Я знала, что и мать моя не безъ тревоги, не безъ скорби оставила меня, и я понимала, что одна только откровенная бесѣда наша съ матерью могла помочь нашему взаимному недоразумѣнію. Но какъ сказать ма-

тери всю правду, — открыть ей мое видѣніе, или мое призваніе, я не могла рѣшиться: точно уста мои невольно запечатлѣвались о немъ навсегда и предъ всѣми; иначе чѣмъ объясню ей мое стремленіе, какое основаніе покажу ему, а, не видя ему основанія, она сочтетъ это за мечту экзальтированнаго воображенія, увлеченіе юности и т. под. и, разумѣется, найдетъ нужнымъ всѣми силами противостоять ему, въ надеждѣ рано или поздно разбить эти мечты. Такое предположеніе мое оказалось чуть-ли не пророчески вѣрно, какъ окажутъ послѣдствія.

Тѣмъ не менѣе я рѣшилась, съ помощію Божіею, понемногу готовить мать мою къ предстоявшей ей со мною разлукѣ, какъ можно ласковѣе постепенно ознакомляя ее съ моимъ настроеніемъ души. На слѣдующій-же разъ, когда она пріѣхала ко мнѣ, согласно своему намѣренію, съ портнихой, во время мѣренія и совѣщаній о платьяхъ, я какъ-бы къ слову рѣшилась ей сказать: „Мамочка, не дѣлайте мнѣ много платьевъ, думаю, они мнѣ не понадобятся“. — „Что это за странность, возразила она, въ чемъ же ты будешь ходить?“ — „Мамочка дорогая, отвѣчала я, не гнѣвайтесь на меня; но я не могу не чувствовать, что не въ состояніи буду жить въ свѣтѣ, я стремлюсь давно и всей душой стремлюсь въ монастырь“. Мать моя, пораженная такою неожиданною новостію, какъ будто совсѣмъ смѣшалась, однако, овладѣвъ собою, строго произнесла: „ну,—мы это еще увидимъ: а пока, если ты не хочешь раньше времени меня уложить въ гробъ,—не повторй мнѣ никогда этихъ словъ“. Я молча заплакала, не о томъ, что услышала такой отпоръ надежды на осуществленіе моихъ стремленій и идей, нѣтъ,—я была убѣждена, что такъ или иначе, но исполнить ихъ Господь, а заплакала невольно, предвидя, какой скорби и борьбы станетъ это дѣло, и хватить-ли силъ моихъ выдержать эту борьбу.

Когда представился мнѣ удобный случай, я сообщила обо всемъ этомъ нашему духовному отцу и просила его совѣта и молитвы. Онъ далъ мнѣ такой совѣтъ, какой вполне соотвѣтствовалъ моимъ собственнымъ убѣжденіямъ: „надо дать время; Господь Своего дѣла не оставитъ“, выразился онъ словами Владыки. „Онъ склонитъ и сердце матери дать свое благословеніе, а пока, помимо этого благословенія, нельзя уйти въ монастырь, иначе и Богу это не будетъ угодно“. На основаніи такого рѣшенія, я уже болѣе не упоминала матери о своемъ намѣреніи, чтобы не раздражать ее, она и сама не начинала со мною объ этомъ разговора, и какъ будто бы успокоилась, думая, что я, какъ послушная дочь, переѣхала свои мысли и намѣренія. Впрочемъ, она не забывала своей заботы, — всѣми мѣрами превратить мои направленія и завлечь удовольствіями жизни свѣтской. Актъ и выпускъ нашъ изъ института состоялся 15-го декабря (тогда выпуски производились къ Рождеству).

Приѣхавъ за мною изъ усадьбы, мать моя оставила тамъ больного мужа своего, моего отца, двухъ малолѣтнихъ дѣтей—брата моего 10-ти лѣтъ и сестру—7-ми лѣтъ, но, несмотря на это, она пробыла для меня со мною въ Петербургѣ весь конецъ декабря и начало января мѣс., чтобы, пользуясь святочнымъ временемъ, познакомить меня со всякаго рода увеселеніями и разсѣянностью столичной жизни, чѣмъ надѣялась прельстить меня и отвлечь отъ религіознаго настроенія, которое не переставала приписывать юношескому увлеченію среди институтскаго затвора. Она вывозила меня всюду, куда лишь было можно и доступно: въ театры, въ оперы, на вечера и домашніе спектакли, и, какъ мнѣ казалось, болѣе даже, чѣмъ бы позволяли наши средства, старалась, по ея мнѣнію, доставлять мнѣ удовольствія, чѣмъ, въ сущности, только томила меня, вовсе не достигая своей цѣли. Говорю по чистой совѣсти, что всѣ эти столичныя увеселенія мнѣ не только не нравились, но, напротивъ, казались мнѣ пустыми, не могущими занять, заинтересовать вниманіе серьезнаго человека; а когда мнѣ ихъ навязывали насильно и часто, то мнѣ они опротивѣли, надоѣдали, и душа моя сильно томилась. Впрочемъ, несмотря на такое свое недружелюбное ко всему свѣтскому отношенію, я не довѣряла себѣ: чувство, всажденное во мнѣ Господомъ чрезъ бывшее (описанное) видѣніе, было для меня слишкомъ высоко, свято и дорого; измѣнить ему, забвеніемъ его хотя на минуту, казалось мнѣ грѣхомъ неблагодарности къ такому великому дарованію Божію; я хранила его въ сердцѣ, какъ святыню, и, видя, какъ подружки и сверстницы мои увлекаются міромъ и его приманками, я боялась за себя, справедливо сознавая, что и я такая-же слабая и немощная душой дѣвушка, и что призваніе мое есть не что иное, какъ дѣло Божіе, а никакъ не мое, т. е. не степень моего преуспѣянія; я хорошо помнила всѣ обстоятельства, предшествовавшія тому чудному откровенію, а потому не могла не видѣть, что я сама лично тутъ не при чемъ. Поэтому, когда, въ силу обстоятельствъ, поселялось въ душѣ моей сравнительное равнодушіе, или иначе сказать, когда, видя безвыходность своего положенія, приходилось мириться съ нимъ, я боялась, чтобы примиреніе не приняло настоящаго значенія и не поселило бы въ душѣ моей охлажденія къ религіознымъ стремленіямъ. Получая частыя письма изъ усадьбы о томъ, что, хотя тамъ и все благополучно, но съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ туда насъ съ матерью, я все-же питала надежду, что скоро уѣдемъ изъ шумной столицы въ мирную, уединенную деревню, гдѣ уже, конечно, образъ жизни, будетъ мнѣ болѣе по сердцу. Но, увы; и въ усадьбѣ ничто не приласкало моего сердца, ничто не отвѣтило его стремленіямъ. Первое, что омрачило мои надежды,

это отсутствіе храма Божія, который отстоялъ отъ нашей усадьбы на 4 версты; служба въ этой церкви, какъ и во всѣхъ селахъ, совершалась лишь въ воскресные и праздничные дни, но и какая была это служба въ сравненіи съ тою, къ которой въ столицѣ привыкла я съ дѣтства, а потому и не допускала мысли, чтобы Богослуженіе могло совершаться иначе. Однако, въ силу обстоятельствъ, я бы довольствовалась и этимъ, но, какъ я сказала, служба совершалась лишь въ праздники, а и въ праздники не всегда оказывалось возможнымъ ѣхать въ село.

Жизнь въ деревнѣ вообще оказалась вовсе не такою замкнутою, какую я ее себѣ рисовала: пріѣхала я—зимой, когда всѣ помѣщики (которыми такъ не бѣденъ Боровичскій уѣздъ), были въ своихъ усадьбахъ; всѣ они жили какъ-то дружно, общительно, собираясь вмѣстѣ то въ одной, то въ другой усадьбѣ, гостили другъ у друга подолгу, къ чему и самыя помѣщенія ихъ усадьбъ были приспособлены, заключаая въ нижнемъ этажѣ, кромѣ комнатъ хозяевъ, нѣсколько гостинныхъ и залъ, а въ верхнихъ этажахъ—отдѣльные номера для гостей, гдѣ они и располагались, какъ дома, гостя подолгу. Какъ „новинка“, появилась я въ этомъ помѣщичьемъ мірѣ; всѣ взоры были обращены на меня, и я, „молоденькая институтка“, сдѣлалась предметомъ сужденій и толковъ. Мать моя и тутъ сочла своею обязанностью „вывозить“ меня, знакомить съ сосѣдними помѣщиками, у которыхъ и мнѣ приходилось гостить по нѣскольку дней, особенно, когда въ длинные зимніе вечера устраивались въ той или другой усадьбѣ спектакли (домашніе), въ которыхъ приходилось участвовать и мнѣ. Отъ природы одаренная всякими способностями и ловкостью, я не дурно исполняла достававшіяся мнѣ роли, а это послужило причиною того, что почти ни одинъ спектакль не устраивался безъ моего соучастія. Такимъ образомъ прошелъ весь январь, февраль и В. постъ, — мы въ церковь почти не ѣздили, кромѣ рѣдкихъ праздниковъ; но что за богомолье это было! Заранѣе уговорившись, поѣдемъ (напившись, конечно, чаю) цѣлой кавалькадой, экипажей 5, 6 и болѣе, съ разговорами, шутками, даже смѣхомъ, пріѣдемъ чуть не къ концу литургіи, выступимъ впередъ на лѣвый клиросъ, да еще не сразу молитесь примемся, а начнемъ съ поправленья своихъ нарядовъ да причесокъ, затѣмъ установимся на подносимые намъ коврики,—глядишь,—и службы конецъ. Нечего дѣлать,—стыдно выходить, только что прибывши: закажемъ молебень,—да и обратно потянемся прежнимъ способомъ, лишь еще съ большими шутками и остротами на счетъ сельскихъ пѣвчихъ или кого бы то ни было. Дома насъ встрѣчали сытный лакомый завтракъ, за нимъ опять праздное препровожденіе времени, и так. об. день за днемъ провела я первые три мѣсяца по прибытіи въ усадьбу. Какимъ-то общимъ вихремъ носило меня въ этой пустотѣ, но тяжело было душѣ моей, особенно потому тя-

желю, что не могла я предвидѣть никакого исхода изъ своего положенія: на то была воля матери моей, полагавшей все счастье, какъ свое, такъ и мое, приблизительно въ такомъ родѣ жизни, да, кажется, она надѣялась, скоро отдать меня замужъ. Она часто заговаривала со мною то о томъ, то о другомъ изъ молодыхъ людей, посѣщавшихъ нашъ домъ, или съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ другихъ усадьбахъ. Когда я рѣшалась говорить ей прямо, что, хотя и всѣ они хороши, но замужъ я никогда ни за кого не пойду,—то между нами возникала неприятность, иногда и очень крупная: я горько плакала, скорбѣла и едва не приходила въ отчаянiе. Мнѣ даже иногда приходила мысль—бѣжать куда-нибудь въ лѣсъ, бывшій такъ недалеко отъ нашей усадьбы; но куда,—когда я никуда дороги не знала, и какимъ способомъ устроить было это;—приходилось отказаться и отъ этой отрадной мысли.

Но вотъ наступило лѣто; праздная зимою жизнь помѣщиковъ смѣнилась заботливою, дѣятельною. Подъ предлогомъ ознакомленія съ сельскимъ хозяйствомъ, я стала проситься у матери ходить на полевые работы для наблюденія за ними; это мнѣ было позволено. Взявъ въ карманъ Св. Евангеліе или какую-либо священную книгу, я уходила въ поле или лѣсъ, гдѣ въ уединеніи читала или молилась въ тайнѣ сердца. Пламенная, слезна была моя молитва о томъ, чтобы Господь скорѣе извелъ меня изъ мірской суеты, которая все болѣе и болѣе становилась для меня несносна. Болѣе частые часы уединенія и молитвы подкрѣпили мой упадавшій духъ и надежду на милосердіе Божіе, а вмѣстѣ и сообщили рѣшимость твердо стоять въ своемъ намѣреніи и не поддаваться никакимъ соблазнамъ. Опасаясь, что съ наступленіемъ осени снова начнутся прежнія гостбища и праздности, я придумала слѣдующій оборотъ своей жизни, для чего, впрочемъ, требовалась и маленькая хитрость, къ которой я и прибѣгла.

VI.

Я уже упоминала о томъ, что дѣдъ мой, скончавшійся незадолго до моего выхода изъ института, отказалъ мнѣ по духовному завѣщанію все свое имущество, деньги и небольшой двухъ-этажный домъ въ г. Боровичахъ. Такъ какъ родители мои имѣли большое хозяйство въ усадьбѣ, то жить въ городѣ было для нихъ неудобно, и домикъ мой отдавался въ наемъ жильцамъ. Желая избавиться отъ праздной и суетной зимой деревенской жизни, я надумала просить родителей отпустить меня жить на зиму въ городъ въ свой домикъ, гдѣ бы и братъ мой Костя, которому было уже 11 лѣтъ, живучи со мною, могъ удобнѣе заниматься уроками, подготовительно для поступленія въ корпусъ; заниматься съ нимъ бралась я сама, а предметами военныхъ наукъ могли бы заниматься учителя городскихъ училищъ.

Такое предложеніе одобрили родители; самимъ имъ оставить усадьбу на всю зиму было нельзя, почему они пріискали въ городѣ двухъ сестеръ изъ бѣдной дворянской фамиліи Москвинныхъ и поселили ихъ бесплатно въ моемъ домикѣ, давъ въ немъ двѣ комнаты въ одной со мной квартирѣ, въ верхнемъ этажѣ, а внизу поселили прислугу нашу, состоящую изъ цѣлаго семейства: мужа, бывшаго нашимъ дворникомъ, жены — кухаркою и дочери ихъ, дѣвѣцы лѣтъ 15-ти, сдѣлавшейся моею горничною. Въ концѣ августа насъ съ братомъ Костею переселили въ городъ. Я считала себя вполне счастливою, чувствуя свободу проводить время по своему желанію и стремленію. Городъ Боровичи, какъ и всякій уѣздный городокъ, — не великъ, и всякая новость быстро облетаетъ его. Скоро стало извѣстно, что наследница умершаго генерала Василевскаго окончила уже курсъ воспитанія въ институтѣ и поселилась здѣсь, въ своемъ домѣ, вмѣстѣ съ братомъ, котораго и приготовляетъ сама для поступленія въ корпусъ. Въ то время въ Боровичахъ еще не было никакого общественнаго женскаго училища. Въ силу этого нѣкоторые изъ гражданъ стали просить меня давать уроки ихъ дѣтямъ. Если бы я склонилась на всѣ такія просьбы, то у меня тотчасъ-же образовался бы цѣлый пансіонъ; но, помня конечную цѣль всѣхъ своихъ стремленій, я боялась связать себя чѣмъ бы то ни было, и приняла лишь четырехъ: одного мальчика, какъ бы въ товарищи брату, и трехъ дѣвочекъ-дворянокъ.

Жившія со мною престарѣлыя дѣвѣцы Москвины смотрѣли на меня съ полнымъ уваженіемъ и не умѣю опредѣлить, въ качествѣ кого, жили онѣ у меня; я предоставляла имъ, кромѣ квартиры съ отопленіемъ, и прислугу, и столъ, и все, кромѣ чая, который, по разности нашихъ занятій, и неудобно намъ было имѣть общій.

Вотъ какой образъ жизни вела я, поселившись въ городѣ. Ежедневно ходила къ утрени въ монастырь св. правед. Іакова Боровичскаго, находившійся на окраинѣ нашего небольшого городка; иногда стояла тамъ и раннія обѣдни, смотря по времени. Вернувшись изъ церкви, будила брата, приготовляла чай и вмѣстѣ съ братомъ пили „по домашнему“, что мнѣ очень нравилось: я воображала себя хозяйкою. Съ 9-ти ч. начинались занятія наши, продолжавшіяся до 12-ти, послѣ чего ученики мои расходились по домамъ, а мы съ братомъ и съ Москвинными садились завтракать всѣ вмѣстѣ; затѣмъ въ 2 часа братъ уходилъ къ своему учителю, а я всецѣло принадлежала себѣ, — читала, работала, иногда съ одной изъ жилищекъ выходила погулять, но въ гости ни къ кому никогда не ходила, хотя и многіе о семъ просили неоднократно. Въ 4 ч. возвращался Костя, и опять всей семьей садились обѣдать; вечеромъ иногда помогала я брату репетировать уроки, но каждый вечеръ заканчивался у насъ общимъ се-

мейнымъ кружкомъ за одной лампою съ работами и книгами. Москвинны были дѣвицы благочестивыя и тоже любили читать священныя книги, которыя и были у насъ господствующими. Поль праздники ходили ко всеищной; и такимъ образомъ мирно, христіански текла наша жизнь.. Денежныя мои финансы всѣ оставались на рукахъ моей матери, которая весьма часто посѣщала насъ; только зарабатываемыя мною уроками деньги составляли мою собственность, которую я ей не отдавала и расходовала по своему желанію. Даже $\frac{1}{2}$ съ капитала, оставленнаго мнѣ дѣдушкою, мнѣ она не давала, вѣроятно, употребляя его на наше же содержаніе, да мнѣ и въ голову никогда не приходило спрашивать о семъ. А съ меня-то, наоборотъ, спрашивали отчетъ даже въ моихъ трудовыхъ деньгахъ, которыя впрочемъ у меня никогда не были подолгу. Сама-же мать моя съ ранняго моего возраста приучала меня быть доброй и отзывчивой къ бѣднымъ, помогать имъ хотя бы и послѣднимъ, и это привилось мнѣ, какъ оказалось, съ первыхъ же дней моей самостоятельной жизни; но тутъ она стала меня за это преслѣдовать и запрещать давать милостыню, съ каковою цѣлью и не давала мнѣ въ руки денегъ. Но потребность души находила для себя исходъ; нерѣдко, видя въ лохмотьяхъ и рубищѣ нищихъ дѣтей и женщинъ, я приводила ихъ къ себѣ въ домъ и отдавала свои платья и бѣлье; хотя и старалась все это сдѣлать потихоньку отъ всѣхъ, но какъ-то все узнавалось, и мнѣ доставалось отъ матери и выговоровъ, и укоровъ. Никогда не забыть мнѣ одинъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Прибыль къ намъ въ Боровичи съ Аэона іеромонахъ-сборщикъ съ ковчегомъ съ частицами св. мощей (от. Арсеній); собирая по городу, по домамъ, пришелъ онъ и ко мнѣ; я не имѣла дать ему денегъ, кромѣ развѣ бездѣлицы, и, не долго думая, вынула изъ ушей серьги и, подавая ихъ ему, просила принять на украшеніе какой-либо иконы или куда пригодятся. Этого не видалъ никто, и я предполагала, что такъ дѣло и кончилось. Вдругъ, когда пріѣхала мать моя изъ усадьбы, совершенно неожиданно спросила меня, указывая на мои уши: „а гдѣ-же, Машенька, твои серьги?“ Я отвѣтила, что сняла ихъ и убрала въ комодъ; она приказала ихъ показать ей; я стала рыться въ комодѣ, ища чего тамъ не было, и, наконецъ, сказала, что не помню, куда убрала. Тогда она строго обличила меня во лжи и заключила страшными словами: „а чтобы ты не вздумала и еще разъ продѣлать такую-же жертву, пойди сейчасъ же, разыщи монаха и возьми свои серьги, сказавъ: „что я этого требую, — ты еще молода и неразумна, не умѣешь распорядиться своими вещами“. Можно себѣ представить, каково было для меня это приказаніе; но дѣлать было нечего: я пошла по улицамъ города, впрочемъ не только не разыскивая монаха, но даже избѣгая встрѣчи людей, ибо у меня безпрестанно навертывались слезы, и при первомъ словѣ я

готова была разрыдаться. Я обошла много улицъ и дошла до берега рѣки (Мсты), гдѣ, къ величайшему моему облегченію, увидѣла на паромѣ переправляющимся на ту сторону искомаго монаха съ его спутникомъ; догадавшись, что они переправляются за городъ, я уже веселѣе пошла домой, и объявила матери, что монахи уѣхали изъ города. Конечно, мать моя, думаю, и не вернула бы отданныхъ серегъ, какъ бы цѣнны онѣ ни были, она только хотѣла пострадать меня на будущее время. Такіе и подобныя тому случаи сильно огорчали меня, въ этомъ я видѣла стѣсненіе моей свободы въ моихъ религиозно-нравственныхъ стремленіяхъ, и справедливо могла думать, что не освобожусь отъ такого стѣсненія до того времени, пока не уйду въ монастырь.

VII.

Единственнымъ моимъ утѣшителемъ и совѣтникомъ являлся въ то время игуменъ помянутаго монастыря, о. Вешаминъ; весьма духовный и опытный старецъ, онъ поддерживалъ меня, и я нерѣдко его посѣщала, но и то съ большою осторожностью, чтобы и этого единственнаго утѣшенія не лишили меня, запретивъ посѣщать его. Я открывала предъ нимъ свою душу, рассказала о бывшемъ мнѣ въ отрочествѣ видѣніи и о его послѣдствіяхъ— овладѣвшемъ всею моею душою стремленіи къ жизни духовной, иноческой, что, при настоящемъ настроеніи моей матери, казалось мнѣ невысказаннымъ въ исполненіи. Богомудрый старецъ-игуменъ утѣшалъ меня, подкрѣплялъ во мнѣ вѣру и надежду въ промышленіе о мнѣ Самого призвавшаго меня Господа, Который силенъ устроить все по Своей святой волѣ. По своему глубокому смиренію онъ называлъ себя „недостаточнымъ“, и совѣтовалъ мнѣ познакомиться и побесѣдовать съ настоятелемъ Иверскаго—Богородицкаго монастыря, архимандритомъ Лаврентіемъ, котораго ожидали въ Боровичи по причинѣ пребыванія тутъ въ то время иконы Иверской Богоматери. Приѣзжая въ Боровичи, о. Лаврентій всегда останавливался въ монастырѣ у о. игумена Веніамина, который, вѣроятно, и сообщилъ ему обо мнѣ, такъ что, когда, по обыкновенію своему, пришла я къ утрени въ монастырь, то меня пригласили въ кельи настоятеля, гдѣ я увидала обоихъ старцевъ, съ отеческою любовью принявшихъ меня и долго бесѣдовавшихъ со мною о духовныхъ и высокихъ предметахъ. Эта первая моя (по времени) бесѣда въ обществѣ двухъ столь духовныхъ лицъ глубоко запечатлѣлась въ моей памяти, не только по своему содержанию, но и по скоро сбывшемуся предсказанію о. Лаврентія о томъ, что я буду скоро отпущена матерью въ монастырь, и при томъ такъ, какъ и сама не ожидаю. Несбыточными казались мнѣ эти слова, но я просила его, и онъ обѣщавъ мнѣ молиться, чтобы они скорѣе осуществились. Ноября 21-го, въ день храмоваго праздника Боровичскаго собора, въ

городъ бываетъ ярмарка. Наканунъ пріѣхала моя мать; въ это время я была одна дома, почему и встрѣтила ее я одна; были сумерки; мы съ ней вдвоемъ, напившись чаю, усѣлись рядомъ на диванъ, въ ожиданіи благовѣста ко всеобщей, огня не зажигали, а буквально „сумерничали“, разговаривая кое-о-чемъ. Сердце мое сжималось тоскою, слезы катились сами собою, но, благодаря темнотѣ, я не имѣла нужды скрывать ихъ отъ матери. Впрочемъ глосъ мой въ отвѣтахъ на обращенія ко мнѣ матери выдалъ меня, и она спросила: „ты, кажется, плачешь,—что съ тобой, что это значитъ?“ И она съ материнскою ласкою прижала мою голову къ своей груди и поцѣловала меня. Тутъ я уже не выдержала и зарыдала. Она продолжала спрашивать и на молчаніе мое возразила: „ты не любишь меня, не довѣряешь мнѣ, не хочешь признаться, о чемъ плачешь“. Тогда, призвавъ въ помощь Царицу Небесную, я начала: „оттого-то и не рѣшаюсь говорить Вамъ, мамочка, что люблю Васъ и не хочу Васъ оскорблять, особенно ради такого праздника, какъ завтра“.

— „Что же такое?“ спросила она: „ты меня пугаешь,—скажи скорѣй“. — „Мамочка, завтра нашу Владычицу, Дѣву Марію повели и поселили въ храмъ Божіемъ; а меня, бѣдную, ты не пускаешь идти по Ея стопамъ, не даешь служить Ей и сыну Ея, къ чему единственно я имѣю стремленіе, какъ ты и сама знаешь. Изъ послушанія тебѣ, моя родная, я дѣлаю все, что могу, все, чего ты желаешь отъ меня, но дѣлаю все поневолѣ, мнѣ трудно жить въ мірѣ, я томлюсь, какъ птичка въ клѣткѣ, томлюсь, и Богъ одинъ видитъ, какъ страдаетъ душа моя“.

— „Машенька“, возразила мать: „перестань, не говори больше“. „Не стану, мама, я и этого не сказала бы, если бы ты не принудила меня; я молчу и буду молча томиться, пока, наконецъ, не сведутъ меня въ гробъ эти постоянныя томленія духа, эта жизнь—вѣчно вопреки своихъ стремленій, эта непосильная борьба“. Говоря это, я задыхалась отъ давившихъ меня слезъ.

Послѣ краткаго молчанія матушка отвѣтила съ тою-же нѣжностью, но съ отгнкомъ легкаго упрека: „Я нисколько не желаю раньше времени, какъ ты выражаешься, сводить тебя въ гробъ; если тебѣ тяжело и такъ невыносимо жить съ матерью, если не жаль оставить больного отца, малолѣтнихъ дѣтей—твоихъ брата и сестру, наконецъ, если и родной кровь сталь для тебя не дорогъ и не родной,—Богъ съ тобой, иди въ монастырь, но помни и обдумай хорошенько — тамъ ни матери родной, ни семьи родной, ни родного крова не найдешь никогда“. Ободренная ея ласковымъ тономъ и хотя случайно высказаннымъ согласіемъ, я рѣшилась отвѣтить ей обстоятельно: „Все это—сухая правда, не разъ мною обдуманная; ни матери родной, такой, какъ ты, моя золотая, дорогая мама, я никогда не найду, ни крова родного... но что-же мнѣ съ собою сдѣлать? Какая-то болѣе сильная, не-

преодолимая сила влечетъ меня въ безвѣстную для меня и, знаю, что нелегкую жизнь. Скорѣе-же еще могла бы остановить меня мысль о больномъ отцѣ и о дѣткахъ нашихъ, но и тутъ разсудимъ безпристрастно: болѣзнь отца хроническая, я не облегчу ея, тѣмъ болѣе, что онъ охотно благословляетъ меня и ни мало не удерживаетъ; брагу моему—я плохая учительница,—ему предстоитъ корпусъ; сестра еще и мала для настоящаго ученья, да и ее возьмутъ въ институтъ на казенный счетъ; скажи-же, мамочка, чего-же я лишаю семью нашу, удаляясь отъ нея въ монастырь? О, пусти меня, родная, я буду вѣчная ваша молитвенница. Она снова обняла меня и цѣлуя сказала: „Если такова воля Божія—Христосъ съ тобой“. Я не вѣрила своимъ ушамъ; я спѣшила закончить разговоръ и уйти въ другую комнату, опасаясь, что она, раскаявшись въ своихъ словахъ, откажется отъ нихъ, и снова пуще прежняго станетъ удерживать меня. Съ какимъ, однако, облегченнымъ сердцемъ молилась я за всеобщую въ этотъ вечеръ; видѣла, что и матушка со слезами молилась все время. Вернувшись домой, также и на слѣдующій день мы не возвращались къ этому роковому для обѣихъ насъ разговору; съ тѣмъ она и въ усадьбу поѣхала. Я же поспѣшила въ монастырь къ своему отцу игумену Веніамину, сообщить ему весь нашъ разговоръ, а также и мое опасеніе. Опытный старецъ и на этотъ разъ успокоилъ меня: „что-же вамъ до отказа ея (отъ своихъ словъ), если бы онъ и послѣдовалъ?—разъ благословеніе дано, и держитесь за него. Вспомните благословеніе Исаакомъ Іакова, вызванное обманомъ, но имѣвшее всю силу святости и нерушимости, несмотря на всѣ послѣдующія просьбы измѣнить его; а вы не обманомъ, а слезами вымолили его, и оно почило на васъ, и никто не можетъ снять его, даже она сама, если бы вздумала. Конечно, она попытается еще удерживать васъ, готовьтесь ко всякимъ искушеніямъ, но будьте тверды и спокойны; да и что раньше времени тревожиться:—Богъ началъ, Богъ и кончитъ“. При этомъ, однако, онъ совѣтовалъ мнѣ не откладывать своего намѣренія и подумывать о томъ, какимъ путемъ удобнѣе разорвать всѣ свои связи съ міромъ, такъ какъ на этомъ пути, особенно когда онъ уже близится къ цѣли, врагъ всѣми мѣрами старается поставить серьезныя преграды, чтобы помѣшать дѣлу. Такъ какъ я давала уроки приходящимъ ко мнѣ дѣтямъ, то мнѣ надлежало дожидаться того времени, когда они предъ Рождественскими праздниками окончатъ занятія, и тогда я намѣревалась поѣхать въ Валдайскій Иверскій монастырь къ о. архим. Лаврентію, принять его благословеніе и указаніе, какъ вести дѣла (ибо меня связывало еще доставшееся мнѣ послѣ дѣда имѣніе), а также и поговѣть и отдохнуть душой, укрѣпившись Св. Тайнами. Родители мои ничего не знали и не подозрѣвали даже о моемъ тайномъ подготовленіи, иначе, конечно, матушка поспѣшила бы прервать

всѣ мои планы. Наконецъ, наступила съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая мною послѣдняя недѣля передъ Рождествомъ; ученицъ своихъ я освободила отъ занятій, уволивъ ихъ до 8-го янв., брату предложила уѣхать въ усадьбу, сказавъ, что и сама надняхъ буду туда. Я и дѣйствительно имѣла намѣреніе заѣхать туда путемъ въ Иверъ, такъ какъ усадьба наша была на пути, съ $\frac{1}{2}$ версты лишь отъ большой дороги, да и уѣхать безъ вѣдома родителей я не могла и думать. Жутко, однако, мнѣ было при мысли о томъ, какъ взглянетъ на это моя мать; не догадалась бы она о моемъ уже положенномъ рѣшеніи покинуть ихъ, къ чему такого быстрого поворота она, какъ видно, и не ожидала. Милосердный Господь и тутъ устроилъ все безъ особенныхъ тревогъ и неприятностей. Кажется 22-го декабря я выѣхала изъ своего домика, еще въ первый разъ въ жизни одна, и не на своихъ лошадяхъ, а на нанятыхъ ямщицкихъ, въ неуклюжихъ дорожныхъ саняхъ. Хотя мнѣ предстояло проѣхать так. об. болѣе 70 верстъ (отъ Боровичъ до Валдая), но и тѣни страха или опасенія не было въ моей душѣ; напротивъ, она невыразимо радовалась, точно я ѣхала въ Царство Небесное, къ Самому Богу, а не въ земную обитель. Всецѣло углубленная въ свои сладкія мечты, я не замѣтила, какъ мы проѣхали около 18 верстъ и вдали на горѣ влѣво отъ дороги, виднѣлась уже наша усадьба; сердце мое забилося, радость смѣнилась смущеніемъ. Каково-же было мое удивленіе и даже испугъ, когда я встрѣтила лицомъ къ лицу ѣхавшую въ Боровичи на парѣ своихъ, знакомыхъ мнѣ лошадокъ, мою матушку. Обѣ мы уставили глаза другъ на друга. „Ты словно испугалась меня, Машенька?“ сказала она мнѣ, когда, поровнявшись на дорогѣ, мы остановили лошадей. Она была совершенно увѣрена, что я ѣхала въ усадьбу, почему сказала только: „что-же ты меня не дождалась, вотъ я ѣду за тобой да за кой-какими покупками къ празднику“. — Тутъ я объяснила ей, что хотѣла только заѣхать въ усадьбу, а ѣду далѣе въ Иверъ, чтобы тамъ отдохнуть душой и помолиться въ праздничное свободное для меня время. Краска выступила на лицѣ ея; она, казалось, хотѣла многое сказать, но удержалась присутствіемъ кучера и ямщика, и только съ горечью сказала: „ну, какъ знаешь“. Мы разстались; я не ожидала такой скорой, хотя и не совсѣмъ приятной развязки, но, признаюсь, я ожидала худшаго, боялась даже совершенной остановки моего преднамѣреннаго путешествія, потомъ мнѣ вздохнулось легко, когда, проводивъ слезами удалявшуюся матушку, я и сама тронулась далѣе въ путь. Слезы наполнили глаза мои. О чемъ я плачу? спрашивала я сама себя. О, какъ разнообразны причины этихъ слезъ. Ѣду, какъ бѣглянка, изъ собственнаго своего дома, изъ родной семьи; но и была-ли когда-либо для меня „семья родная“?—Была и есть она, но только по родству, а не по духу. Я только еще ѣду куда-то искать родной по духу семьи; но

найду-ли ее, и гдѣ найду, и когда еще найду? Ъду, какъ преступница, отъ всѣхъ укрываясь, скрываясь, точно и самой себѣ страшась дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; но какое преступленіе я совершила? Развѣ только, что самовольно уѣзжаю, стремлюсь безотчетно, точно влекомая какою-то могучею силою, сама не знаю, куда, къ чему-то высшему, идеальному, совершеннѣйшему. Но достигну-ли сего? — Вотъ родная мать отъ меня отвернулась, — и я самовольно вырываюсь изъ ея объятій, между тѣмъ, какъ сейчасъ-же готова броситься къ ногамъ святого отца и въ объятіяхъ любвеобильной души его надѣюсь найти покой своей душѣ, утружденной борьбою съ ненавистнымъ мнѣ міромъ. Боже мой! Вотъ только годъ, какъ я вышла изъ института, только годъ, одинъ годъ, — а сколько я настрадалась, сколько должна была двоиться душой, чтобы „работать двумъ господамъ“; если и Самъ Господь сказалъ, что это невозможно иначе, какъ „возлюбивши одного, — другого возненавидѣть“, то чего-же хотѣли отъ меня и за что меня обвиняютъ? И я всецѣло отдалась своимъ мыслямъ и воспоминаніямъ, но скорбь моя была не раздражающая сердце, а тихая, и даже благоговѣйная: совѣсть моя сказывала мнѣ мою неповинность, а вѣра въ мое призваніе свыше внушала надежду на близкій исходъ.

VIII.

Около вечерни пріѣхали мы въ Иверскій монастырь и остановились въ „дворянской гостиницѣ“. Я сряду-же пошла къ вечернѣ, послѣ которой меня пригласилъ къ себѣ о. архимандритъ Лаврентій; но на этотъ разъ мнѣ не удалось побесѣдовать съ нимъ по душѣ, такъ какъ я была не одна; я сказала ему только, что пріѣхала къ нему нарочно, чтобы переговорить съ нимъ „о своемъ дѣлѣ“, а также, чтобы поговѣть и отдохнуть душой. На слѣдующій день о. Лаврентій снова пригласилъ меня и долго отечески бесѣдовалъ со мною наединѣ. Я сообщила ему о случившемся наканунѣ 21 ноября, и о томъ, что о. игуменъ Веніаминъ совѣтовалъ мнѣ пользоваться этимъ, какъ настоящимъ благословеніемъ, и, не теряя времени, заботиться о достиженіи преднамѣренной цѣли, и что вотъ для этого именно я и пріѣхала къ нему въ Иверъ, чтобы спросить его указаній, какъ поступать и въ какой именно монастырь направляться, такъ какъ я и понятія не имѣю о монастыряхъ, нигдѣ не бывала и ничего не знаю. Я предполагала, что онъ укажетъ мнѣ только еще открывавшуюся тогда подъ его вѣдѣніемъ неподалеку отъ Иверскаго монастыря — общину на родинѣ Святителя Тихона, въ селѣ Короцкѣ; но онъ прямо отклонилъ эту мысль, сказавъ, что тутъ еще ничего нѣтъ, кромѣ неурядицъ, а что нужно устроиться въ настоящій старинный монастырь. „Впрочемъ, заключилъ онъ, теперь пока *„ни о чемъ-же нецѣтесе, Господь близъ“*, Онъ Самъ

укажетъ и мѣсто, и путь къ Нему, а теперь лишь помолитесь, поговѣйте, приобщитесь Св. Тайнъ, а тамъ еще побесѣдуемъ и увидимъ". Въ сочельникъ Рождества служилъ самъ о. архимандритъ, отъ рукъ котораго я приобщилась Св. Тайнъ. Напрасно было бы и говорить о томъ, какое дивное, умилительное чувство произвела на меня вся эта монастырская служба; на обоихъ клиросахъ пѣли не пѣвчіе, какъ я привыкла видѣть, а сѣдовласые почтенные старцы, многіе изъ нихъ съ наперсными золотыми крестами, часто оба клироса сходились на срединѣ церкви и пѣли вмѣстѣ; пѣніе ихъ какого-то особеннаго (кіевскаго) напѣва, такое и торжественное, и умилительное; само Богослуженіе совершалось „соборне“, а отецъ архимандритъ Лаврентій служилъ со слезами благоговѣнія, что послѣ онъ самъ объяснилъ мнѣ, сказавъ: „не помню, чтобы когда мнѣ случилось литургисать безъ слезъ“. Вотъ что еще произвело на меня сильное впечатлѣніе и осталось навсегда живо въ моей памяти. Послѣ такой-же торжественной соборной всенощной на самый праздникъ Рождества Христова, съ крестами и хоругвями двинулся крестнымъ ходомъ весь соборъ священнослужителей въ бѣлыхъ облаченіяхъ въ сопровожденіи остальныхъ монашествующихъ и всего народа изъ зимней церкви, гдѣ была служба, къ лѣтнему большому собору; двигались медленно, стройно, предшествуемые пѣніемъ кондака: „Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ...“ при оглушительномъ трезвонѣ всѣхъ колоколовъ; когда вошли въ соборъ, всѣ остановились предъ чудотворною иконою Богоматери, ярко освѣщенной множествомъ лампадъ; сперва одни священнослужители съ зажженными свѣчами въ рукахъ пропѣли этотъ-же кондакъ, затѣмъ повторили его дважды пѣвчіе, и стали прикладываться къ иконѣ Пречистой Дѣвы, словно привѣтствуя Ее съ всемірной чрезъ Нея радостію. Это я видѣла тогда въ первый, но и въ послѣдній разъ въ жизни, больше нигдѣ и никогда не приходилось мнѣ сего видѣть. На третій день праздника, 27-го декабря, когда я послѣ литургіи пришла къ о. Лаврентію, онъ между прочимъ сказалъ мнѣ: „ну, что, овца (овцою онъ назвалъ меня съ первыхъ дней нашего знакомства, ибо имѣлъ обычай давать прозвище своимъ близкимъ духовнымъ дѣтямъ; такъ были у него: „хворушка“ — княгиня С. Эрстова; „цыпа“ В. Теглева; „Чернецъ“, „Малюхонный“ и пр.), „ну что, овца, помолилась, поговѣла, обновилась, отдохнула душой, теперь можно и цалѣе простираться, — вотъ тебѣ, кажется, и мѣстечко Господь указываетъ!“ Въ той-же гостиницѣ, гдѣ остановилась я, была одна послушница изъ Осташевскаго Знаменскаго монастыря; какъ оказалось, она совсѣмъ оставила свой монастырь и имѣла намѣреніе переселиться въ Тихвинскій дѣвичій монастырь, захвала лишь по пути въ Иверъ принять благословеніе на преднамѣренное дѣло у общеуважаемаго старца, о. архим. Лаврентія.

Вотъ эту-то послушницу Параскеву Иванову и указаль мнѣ батюшка, какъ спутницу, совѣтуя съ нею съѣздить въ Тихвинъ, поклониться чудотворной иконѣ Тихвинской Богоматери, погостить въ женскомъ Введенскомъ монастырѣ, приглядѣться къ жизни сестеръ и, если Богъ расположитъ мое сердце, то и поговорить съ матушкой игуменіей о моемъ туда поступленіи. Съ отеческимъ вниманіемъ напутствовалъ меня святой старецъ, благословляль, ласкаль, какъ родной отецъ, а спутницѣ моей (ей было уже за 40 лѣтъ) строго наказывалъ „беречь и охранять меня во все время пути“, говоря, что Самъ Богъ для этого и привелъ ее сюда. На другой день вечеромъ мы уже сѣли на станціи Валдайкѣ на жел. дорогу до ст. Чудово. Валдайка была лишь въ 10-ти верстахъ отъ усадьбы моихъ родителей, которые и не воображали, что именно въ этотъ вечеръ ихъ родная дочь, находясь такъ еще близко отъ нихъ, отъѣзжаетъ далеко, далеко, съ намѣреніемъ навсегда покинуть ихъ, и что если она и вернется, то на самый краткій срокъ, чтобы только окончательно проститься съ ними. Какъ разъ въ послѣдній день года, декабря 31-го, въ полдень мы вѣхали въ городокъ Тихвинъ; золотавый мужской монастырь, съ чудотворною иконою Богоматери, давно уже остановилъ наше благоговѣнное вниманіе, но, подѣхавъ къ нему, мы миновали его, направляясь прямо къ главной цѣли, къ женскому Введенскому монастырю. Св. ворота его были отворены, — мы вѣхали, ища глазами кого-либо, чтобы спросить, куда можно пристать и остановиться, но никто не показался намъ на улицѣ, и мы доѣхали до самаго соборнаго храма, окруженнаго могилами. Вдругъ изъ дверей одного изъ длинныхъ монастырскихъ корпусовъ потянулся цѣлый безконечный рядъ монахинь; оказалось, что всѣ онѣ обѣдали въ трапезѣ, откуда и шли. Окруживъ насъ, онѣ объявили, что у нихъ нѣтъ гостиницы для богомольцевъ, потому что, такъ какъ монастырь въ городѣ, то въ этомъ нѣтъ никакой нужды, да и при томъ почти всѣ богомольцы останавливаются въ Большомъ (т. е. мужскомъ) монастырѣ.

Мы уже хотѣли вернуться въ послѣдній, но одна старица, мать Вѣра, остановила насъ, сказавъ: „подождите немного, я пойду доложу матушкѣ игуменіи, можетъ быть, она и благословитъ вамъ остаться здѣсь“. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась и пригласила насъ въ свою келью, гдѣ тотчасъ-же предложила намъ самоваръ и принесла трапезную пищу. Какое отрадное впечатлѣніе произвела на меня эта, въ первыя-же минуты моего приѣзда въ обитель, встрѣча лицомъ къ лицу всѣхъ сестеръ! Это напомнило мнѣ нѣчто институтское, когда мы свободно и весело выходимъ изъ класса, или изъ зала, болтая другъ съ другомъ въ простотѣ братскаго общенія! Всѣ лица сестеръ казались мнѣ простыми, ласковыми, и мнѣ неволью

пришли на умъ слова: „се покой мой, здѣ вселюся!“ Еще не успѣли мы наобѣдаться монастырской трапезою, какъ пришла молоденькая послушница матушки игуменіи и передала намъ, что если мыжелаемъ видѣть матушку, то она теперь можетъ насъ принять. Какъ обрадовалась я этому приглашенію! Спутница же моя почему-то не захотѣла имъ воспользоваться и сказала, что еще успѣетъ переговорить съ матушкою и принять ея благословеніе. И это было мнѣ на руку, что могла бесѣдовать съ матушкой игуменьей наединѣ.

Въ то время настоятельницею Введенскаго монастыря была очень образованная великосвѣтская дѣвица, дочь генерала И. Тимковскаго, воспитанница Смольнаго института (въ мірѣ Ольга) Серафима Тимковская. Какъ ни велико было мое стремленіе къ жизни монашеской, какъ ни велика любовь къ представителямъ ея, тѣмъ не менѣе невольный трепетъ овладѣлъ мною, когда приведенная въ келью игуменіи и оставшаяся ожидать ея выхода, я невольно задавалась вопросомъ, „что-то будетъ со мной“. Но вотъ изъ противоположной двери вышла монахиня, роста болѣе, чѣмъ средняго, хотя и не высокаго, довольно полная, моложавая, красивая, съ чрезвычайно добродушнымъ выраженіемъ лица. Она направлялась ко мнѣ и, поздоровавшись, пригласила сѣсть; приказавъ послушницѣ подать чай, обратилась ко мнѣ словами: „не правда-ли, намъ можно чайку выпить,—вы съ дороги“. Потомъ продолжала: „что, вы помолитесь къ намъ пріѣхали?“— „Не только помолиться“, отвѣтила я, „но и совсѣмъ бы поселиться у васъ я бы желала“.

— „Вы еще такая молоденькая“, сказала она; „впрочемъ Богъ всѣхъ призываетъ и во всякое время; но что объ этомъ говорить такъ рано, вы прежде погостите, поглядите на насъ, познакомимся,—тогда и поговоримъ“. Я отвѣчала, что это и есть главная цѣль моего пріѣзда, и что остаться теперь я еще не могу, не получивъ окончательнаго благословенія родителей и не развязавшись совсѣмъ съ мірскими дѣлами. Долго мы еще бесѣдовали съ матушкой, которая своею ласкою и добродушіемъ такъ привязала меня къ себѣ, что я почувствовала къ ней какую-то родственную любовь. Она позволила мнѣ гостить до Крещенія (такъ какъ дольше мнѣ самой нельзя было мѣшкать) и перевела меня поближе къ себѣ—въ мезонинъ надъ ея кельями, гдѣ жили: старица мон. Глафира, одна барышня М. Н. Л. и ихъ келейница.

Почти ежедневно приглашала она меня къ себѣ, время это было праздничное, слѣдовательно и сестры были свободны отъ общественныхъ занятій (послушаній), и я могла ближе ознакомиться съ ними и узнать отъ нихъ нѣкоторыя подробности монастырской жизни. Я неоднократно ходила молиться и въ „Большой“ монастырь къ чудотворной иконѣ Богоматери, и такъ почти незамѣтно протекла цѣлая недѣля моего пребыванія въ Тихвинѣ;

надобно было собираться въ обратный путь, и сердце мое снова начинало сжиматься при сознаніи, что снова должна я вернуться къ несносной для меня мірской жизни, хотя бы и не надолго, но чѣмъ ближе наступилъ бы часъ окончательной съ нею развязки, тѣмъ большія скорби ожидали меня.

Передъ отъѣздомъ я пошла проститься съ матушкой игуменіей и окончательно порѣшить съ нею о дѣлѣ моего поступленія въ обитель. Добрая матушка обласкала меня на прощаніе; какъ родная мать; и я, незнакомая съ монастырской дисциплиною по отношенію къ настоятельницамъ, отнеслась къ ней такъ сердечно и искренно, раскрывъ предъ нею все свое сердце, всѣ мысли и всѣ обстоятельства моей домашней жизни. Я слышала отъ сестеръ, что вступающія въ монастырь дворянки, по большей части, вносятъ вклады денежные, такъ какъ раздѣлять болѣе тяжелые труды монашескихъ послушаній онѣ не способны, а быть въ тягость обители, не принеся ей никакой пользы какъ-то и грѣшно. Я, какъ упоминала раньше, имѣла свою собственность по наслѣдству отъ дѣда; кромѣ того, имѣла долю и въ общихъ усадебныхъ имѣніяхъ; но какъ то, такъ и другое было въ рукахъ матери и просить ее о вкладѣ за меня въ монастырь, значило—подать новый поводъ къ задержанію меня въ мірѣ, и даже къ раздору въ родной семьѣ. Деньги, доставшіяся мнѣ отъ дѣда наличными, по словамъ опекуни-матери моей были ею потрачены на мой выходъ изъ института, когда мнѣ было сдѣлано все нужное и даже приготовлено приданое; деньги, находившіяся по долгамъ подѣ векселя, нельзя было еще получить суммою, а проценты, получаемые съ нихъ, мать моя тратила не на мою только нужду, а и на общія всего семейства; это я знала и никогда не думала противъ этого протестовать. Дорогія вещи, доставшіяся мнѣ по наслѣдству, а равно и мое приданое и все мое, мало-ли, велико-ли оно было,—все было въ рукахъ матери, такъ какъ я еще не достигла совершеннолѣтія, 21-го года. Мнѣ было лишь 19 лѣтъ. Могла ли я надѣяться на ея щедрость, припоминая исторію съ серьгами, особенно, когда дѣло шло о моемъ удаленіи въ монастырь, совершенно противномъ ея желанію и волѣ. Одинъ только домикъ составлялъ въ полномъ смыслѣ мою собственность; всѣ документы на него были у меня въ рукахъ, можетъ быть, потому только, что я въ немъ жила и они были для сего необходимы. Но какъ-бы то ни было, но не видя никакого другого источника, я пришла къ рѣшенію продать этотъ домъ и вырученными деньгами внести за себя вкладъ монастырю и устроить все свое переселеніе, на что также понадобятся деньги.

Въ послѣднюю свою бесѣду съ матушкой игуменіей я все это объяснила ей, прося и назначить мнѣ сумму взноса. Каково-же было мое удивленіе, когда на это матушка отвѣчала: „зачѣмъ-же намъ вкладъ, такія личности какъ вы,—сами кладъ для монасты-

рей, потому что ихъ весьма мало приходится къ намъ; вѣдь вы можете принести намъ много пользы, какъ ко всему способная, образованная дѣвица, притомъ-же хорошо знающая не только пѣніе, но и музыку, чему мы нарочно обучаемъ простыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, за неимѣніемъ ученыхъ. Вы лучше припасите что-нибудь для себя, вѣдь и въ монастырѣ надо многое, и ряса, и одежда всякаго рода, и чай, и многое, многое,—вамъ, я думаю, говорили объ этомъ сестры“. Видимо, матушка игуменія расположилась ко мнѣ, просила написать ей обо всемъ, что послѣдуетъ изъ моего рѣшительнаго разговора съ матерью, и напутствуемая ея благословеніями, со слезами о разлукѣ съ нею и съ сестрами, я отправилась въ обратный путь, съ твердымъ рѣшеніемъ покончить дѣло.

IX.

Чѣмъ ближе я подъѣзжала къ дому, тѣмъ сильнѣе сжималось мое сердце предчувствіемъ чего-то недобраго. Вернулась я въ свой домикъ поздно вечеромъ, около 11-ти час., когда всѣ домашніе уже спали; это было согласно моимъ планамъ, ибо я хотѣла хотя первые часы по пріѣздѣ провести одна, избѣгая разспросовъ и пересудъ о моей поѣздкѣ, о которой, какъ я предполагала, никто не могъ знать кромѣ того, что я поѣхала въ Иверь. Но я ошиблась; почти весь городокъ нашъ зналъ объ этомъ всѣ подробности, знали и мои родители, очень встревожившіеся такою неожиданностію. Братъ мой Костя, тоже вернувшійся уже изъ усадьбы къ началу занятій и въ часъ моего пріѣзда спавшій въ своей комнатѣ,—всталъ и, поздоровавшись со мною, сообщилъ мнѣ много непріятнаго относительно того, какъ взглянула мать моя на эту поѣздку „Хоть бы объѣздила она всѣ монастыри“ (сказаль онъ слова моей матери), „я не отпущу ее“, это бредни ея, и слышать ничего не хочу“.—Къ ужасу моему я увидѣла, что благословеніе, данное мнѣ ею, или забыто ею, или она не придаетъ ему никакого значенія. Костя просилъ меня, однако, не говорить матери, что онъ передалъ мнѣ ея слова, я же не только дала ему въ этомъ обѣщаніе, но и сама просила его не подавать и вида, что мнѣ что-нибудь извѣстно. Дѣлала-же я это въ томъ соображеніи, что пока я еще не видѣла матери, а, слѣдовательно, и не слышала ея выговоровъ, я могла дѣйствительно ничего не знать и спокойно дѣйствовать въ своихъ планахъ и намѣреніяхъ. На слѣдующее же утро я послѣшила послать записку (написанную мною ночью) къ одному знакомому нашему доктору [Вл. Ев. Хлѣбникову, не разъ любовавшемуся моимъ домикомъ и изъявлявшему желаніе купить его, извѣщая его, что я согласна продать свой домикъ, и что, если ему угодно, онъ можетъ придти переговорить со мной. Послѣшила я это сдѣлать въ томъ соображеніи, что если, когда прі-

ѣдетъ матушка, и, конечно, будетъ протестовать, то дѣло, какъ уже начатое, ей не такъ удобно будетъ остановить,—постѣннется постороннихъ лицъ. Онъ не замедлилъ пріѣхать, осмотрѣлъ весь домикъ, но говорить о дѣлѣ я отказалась сама, сославшись на свою неопытность и просила обождать, пока пріѣдетъ мать. Мать не замедлила пріѣхать: она собиралась „раздѣлываться“ со мною за мою поѣздку въ Тихвинъ, а узнавъ, что я еще и домъ запродала, такъ огорчилась на меня, что я и описать не могу. Никакія съ моей стороны напоминанія о данномъ ею благословеніи, никакіе доводы о моемъ призваніи, никакія слезы, ни мольбы—не сильны были успокоить ее. Она даже угрожала мнѣ лишить меня навсегда своего материнскаго благословенія, т. е. на всю мою жизнь, какъ бы она ни устроилась: „если такъ“, говорила она: „то ты и не знай меня, забудь, что у тебя есть мать, и мнѣ легче будетъ забыть тебя, чѣмъ живую похоронить въ стѣнахъ монастырскихъ“. Относительно-же продажи домика она сказала: „пожалуй, продай домъ,—ты въ немъ для того, какъ видно, и поселилась, чтобы удобнѣе ходить по церквамъ, да по монастырямъ, на своей волюшкѣ, а не будетъ дома, ты опять будешь съ нами въ усадьбѣ, и мы скорѣе разсѣмъ твою святость, твою хандру“. Казалось, всякая надежда мнѣ измѣняла; мнѣ оставалось безмолвно оплакивать свою долю и—повиноваться ей.

Дѣла съ г. Хлѣбниковымъ продолжались, но ужасъ бралъ меня при мысли, что эту продажею я себѣ самой рою яму, изъ которой едва-ли когда выйду. Совѣтниковъ у меня не было, кромѣ о. игумена Веніамина и о. архимандрита Лаврентія: но послѣднему я могла только писать, что, конечно, имѣетъ своего рода неудобства, а первому я дѣйствительно все открывала и его только словами и утѣшеніями и поддерживалась. Между тѣмъ, такой быстрый и неожиданный переворотъ всѣхъ моихъ плановъ, такое полное отчаяніе въ осуществленіи ихъ хотя бы когда-нибудь,—сильно повліяли на мое здоровье; никакой органической болѣзни у меня не было, но я едва, едва влачила ноги, аппетитъ и сонъ отказались поддерживать меня, я скучала и скучала не просто, какъ случалось и прежде, а какъ-то убійственно тяжело, всѣхъ избѣгала, воображая, что всѣ на меня „пальцемъ показываютъ“, всѣ осуждаютъ, какъ преступницу, или какъ сумасшедшую и т. под. Молитва моя,—это единственное оставшееся мнѣ утѣшеніе, и та лишилась прежде воскрылявшей ее надежды; въ ней осталась одна лишь безавѣтная любовь къ сладчайшему моему Небесному Жениху Христу, и я, едва-ли еще не съ сильнѣйшей любовью къ Нему говорила: „вскую мя отринуть еси отъ лица Твоего, Свѣте мой!“ „Что ми есть на небеси, и что восхощу на земли. Ты—Боже сердца моего во вѣкъ!“ „Тебе, Женише мой люблю и Тебе ищущи—страдальчеству!“ „Не буди мнѣ оставити Тя!“ и проч.

Въ такомъ томленіи провела я весь январь мѣсяць. 26-го января, въ день моего Ангела пріѣхали изъ усадьбы всѣ наніи и нашли, что я очень измѣнилась и похудѣла. Для нихъ понятна была причина этого, однако мать моя оставалась тверда въ своемъ рѣшеніи, съ чѣмъ и уѣхала обратно въ усадьбу. Да я уже и не льстила себя никакою надеждою, считая волю матери безповоротною. Но тогда-то именно, когда исчезаетъ всякая человѣческая надежда,—является помощь свыше „да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ“, по слову апостола.

Въ ночь на 1-е февраля видится мнѣ необычное сновидѣніе, поднявшее хотя нѣсколько совсѣмъ упавшій мой духъ. Видѣлось мнѣ, что я вмѣстѣ съ матерью моей нахожусь въ ея комнатѣ; подошедъ къ окну, вижу толпу народа; по дорогамъ со всѣхъ сторонъ идутъ и бѣгутъ еще люди всякаго возраста и пола и присоединяются къ этой толпѣ. Взоры всѣхъ и каждого устремлены къверху,—всѣ смотрятъ на небо, крестятся и молятся. По воздуху несутъ икону Богоматери и несущіе ее поютъ въ честь Пречистой пѣсни, мнѣ невѣдомыя. (На воздухъ, какъ извѣстно изъ книгъ, явилась Икона Богоматери Тихвинская). Небо голубое, совершенно безоблачное, солнце свѣтитъ высоко, какъ въ полдень, повсюду звонятъ во всѣ колокола, звонъ колоколовъ сливается съ небеснымъ пѣніемъ. На землѣ среди столпившагося народа видны и хоругви и кресты, точно бы совершается крестный ходъ и внизу и на небѣ: я стала просить матушку, чтобы она и меня отпустила туда-же, но она не пустила меня, и указывая на образъ Казанской Богоматери, висѣвшій (дѣйствительно) въ ея кіотномъ угольничкѣ, сказала: „не пущу никуда; молись здѣсь; и безъ того много ханжишь!“ (это обычное ея выраженіе). Сказавъ это, она сама вышла изъ комнаты заперевъ меня въ ней на замокъ. Оставшись одна въ запертой комнатѣ, я бросилась на колѣна предъ иконою Казанской Богоматери и горько зарыдала. Вдругъ, не знаю, какимъ образомъ, чрезъ дверь-ли или иначе, я очутилась среди толпы подъ самой иконою, несенной по воздуху и Владычица съ высоты сказала мнѣ: „Ну, вотъ и ты у Меня;—не плачь!“ Пробудившись я истолковала себѣ это сновидѣніе, какъ предзнаменованіе моего скорого ухода въ монастырь, хотя по человѣческимъ моимъ соображеніямъ, надежды къ тому не могла имѣть ни малѣйшей.

Дня три спустя послѣ этого около 3-хъ час. по полудни я сидѣла одна въ своей комнатѣ, когда мнѣ подали съ почты письмо. По почерку я узнала, что оно было отъ о. архимандрита Лаврентія и очень обрадовалась. Но какова-же сдѣлалась моя радость, а вмѣстѣ и удивленіе, когда я стала читать его!

Вотъ оно слово-въ-слово.

„Миръ тебѣ, овца Христова стада! Спѣшу обрадовать тебя тѣмъ, чему ты, можетъ быть, уже и радуешься. Впрочемъ, пусть и изъ Ивера летитъ къ тебѣ привѣтъ, да знаешь ты, что и тутъ есть душа, пекущаяся о тебѣ, овечка Божія, не менѣе, можетъ быть, какъ ты и сама о себѣ. И такъ, привѣтствую тебя, радуюсь за тебя! Для всѣхъ людей наступаетъ скоро Великій постъ; а для тебя Пасха, буквально Пасха,—переходъ чрезъ Черное море твоей многострадальной жизни, въ землю обѣтованную, въ обитель „кипящую медомъ и млекою“ духовныхъ плодовъ подвижничества. Матушка твоя сегодня только уѣхала отъ меня; а прибыла она сюда по особенному указанію Пресвятой Богородицы, явившейся ей и повелѣвшей отпустить тебя на служеніе Ей, что она и обѣщала исполнить не медля. Подробности сего она сама тебѣ сообщить, если заблагоразсудитъ,—это дѣло ея, Впрочемъ съ тебя и того довольно. Прибавлю только къ сему, что матушка твоя прекрасная, истинная христіанка, а что упорствовала она, не отпуская тебя въ монастырь, то это единственно по безграничной, материнской любви своей къ тебѣ.

Итакъ, радуйся и паки реку радуйся и пиши мнѣ.

Твой отецъ убогій А. Лаврентій“.

Не вѣря своимъ глазамъ, я нѣсколько разъ перечитала эти божественныя строки, цѣловала ихъ, какъ писавшую ихъ руку и, наконецъ, не вмѣщая въ себѣ полноты радостныхъ и благодарныхъ Богу чувствъ, послѣдила подѣлиться этимъ съ неизмѣннымъ своимъ старцемъ, от. игуменомъ Веніаминомъ, взявъ съ собою и самое письмо.

Посмотря на такое вѣское увѣреніе, какъ письмо архимандрита Лаврентія и на предшествовавшее утѣшительное мое сновидѣніе, мнѣ все еще смутно вѣрилось въ возможность осуществленія сего. Но вотъ пріѣхала и сама матушка. Я, по обыкновенно шлобѣжала встрѣтить ее на крыльцо, но она, какъ только увидѣла меня, такъ зарыдала и опустилась на стулъ. Я поняла причину ея волненія, но вмѣстѣ и испугалась, чтобы эта причина не вызвала вторичный отказъ и перемѣну намѣреній. Когда она, поднявшись въ мои комнаты, успокоилась, то рассказала мнѣ слѣдующее: „Въ ночь на 1-е февраля (именно въ ту ночь, когда и мени утѣшила Владычица) я была очень встревожена страшнымъ видѣніемъ и голосомъ, порицающимъ меня за тебя, Машеньки, т. е. за то, что я не хочу отпустить тебя въ монастырь. Ибо дождалась я разсвѣта и тотчасъ приказала заложить лошадей, чтобы поѣхать въ Иверскій монастырь къ отцу Лаврентію, думая поговорить съ нимъ отъ души, да помолиться Царицѣ Побѣдой. Вотъ тамъ, съ благословенія Владычицы, я и делаю обѣщаніе не удерживать тебя болѣе“. Сказавъ это, она снова

заплакала и стала ласкать меня, каюсь что причиняла мнѣ столько душевныхъ страданій и томленій. Она позволила мнѣ дѣлать надлежащія приготовления къ предстоящей мнѣ новой жизни, поспѣшить продажею домика моего и окончательно собираться въ путь.

Домикъ свой я продала Хлѣбникову за 10.000 р.: въ провинціальныхъ городахъ, такихъ небольшихъ, какимъ былъ въ то время г. Боровичи,—дома не дороги, да и притомъ же мой домикъ, несмотря на свое удобство и мѣстоположеніе (на углу), былъ уже не новый. Несмотря на невеликость этой суммы, я оставила изъ нея себѣ лишь 700 р., половину которыхъ думала внести въ монастырь въ видѣ вклада, хотя и помнила слова о семъ игуменіи: Всѣ свои платья, приданое, всѣ дорогія вещи я оставила въ распоряженіе матери, а что было попроче и менѣ цѣнное раздала бѣднымъ.

Все время этихъ подготовленій матушка была со мной въ городѣ, отправляла мои вещи и мебель въ усадьбу, наконецъ отправились и мы съ ней вмѣстѣ туда-же, предварительно съѣздивъ въ послѣдній разъ проститься съ незабвеннымъ моимъ отцемъ и первымъ духовнымъ утѣшителемъ о. Веніаминомъ. Въ усадьбѣ я пробыла нѣсколько дней, поспѣшая вырваться оттуда, потому что было очень тяжело видѣть всеобщія ихъ слезы и непритворную скорбь обо мнѣ. Былъ назначенъ день моего отъѣзда; рано утромъ всѣ поднялись на ноги; приглашенный къ этому дню отецъ игуменъ Веніаминъ въ присутствіи всѣхъ собравшихся проводить меня родныхъ и знакомыхъ, отслужилъ молебенъ предъ иконою Казанской Богоматери (видѣнной мною во снѣ). Этою иконою благословили въ замужество мать мою, ею-же она захотѣла благословить меня на жизнь иноческую. По окончаніи молебна самъ о. игуменъ Веніаминъ, вынулъ изъ кіоты икону и подаль ея матушкѣ, передъ которою я стала на колѣни. Когда, благословляя меня, матушка моя поставила мнѣ на голову икону, то сама она едва не упала отъ сильнаго наплыва чувствъ и горя. И мое сердце скорбѣло о ней, я не могла не понимать, сколько горя и самоотверженія причинила я ей своимъ уходомъ. Затѣмъ все кончилось: мы обѣ съ нею сѣли въ приготовленную кибитку и, напутствуемая слезными прощаніями, отправились по большой дорогѣ къ станціи Валдайкѣ, миновавъ которую, думали проѣхать въ Иверскій монастырь къ о. архимандриту Лаврентію, чтобы мнѣ принять его напутственное благословеніе. За нами въ другихъ саняхъ ѣхала наша старушка, бывшая наша крѣпостная женщина, которой поручено было сопровождать меня до самаго Тихвина, а на Валдайкѣ она должна была отправить мои вещи до Чудовской станціи, чтобы онѣ пришли туда ко времени нашего прибытія, чтобы мы могли взять ихъ съ собою, когда подѣмъ лошадьми отъ Чудова до Тихвина.

X.

Но Богъ не судилъ матушкѣ проводить меня и до Ивера: отъ сильной тревоги, отъ скорби и волненія она совсѣмъ расхворалась и должна была съ Валдайки вернуться домой, обѣщаясь выѣхать сюда же въ тотъ день, когда вернусь изъ Ивера, чтобы сѣсть на машину.

Въ Иверскомъ монастырѣ я пробыла три дня; отчасти это было и необходимо, чтобы мнѣ отдохнуть душой отъ бывшихъ за послѣднее время тревоженій и хотя нѣсколько подкрѣпить свои нравственныя силы для вступленія на новый нелегкій путь монастырской жизни. Не великъ кажется срокъ три, четыре дня для нравственнаго подкрѣпленія на великое дѣло; но для меня эти дни оказались лучшими и незабвенными на всю мою послѣдующую жизнь; я провела ихъ исключительно въ молитвѣ и почти цѣлодневномъ общеніи и духовной бесѣдѣ съ великимъ старцемъ и опытнѣйшимъ настоятелемъ монашествующихъ. Онъ не читалъ мнѣ длинныхъ и сухихъ поученій, но старался изъ всякаго случая обыденной жизни извлечь урокъ и назиданіе. Не лишнимъ будетъ, думаю, если укажу здѣсь нѣкоторые примѣры: по приказанію батюшки я въ эти дни всякій разъ послѣ ранней литургіи приходила къ нему пить чай; ежедневно на площадкѣ у входной двери его кельи толпилось множество нищихъ и калѣкъ, которымъ келейникъ его (его родной племянникъ Василій, называемый имъ „Бурсою“, потому что онъ воспитывался въ семинаріи, въ „бурсѣ“, т. е. въ общежитіи) раздѣлялъ деньги, какъ потомъ я узнала по положенію по 3 р. въ утро. Случалось, что денегъ этихъ не достанетъ на всѣхъ и „Бурса“ заропщетъ на ихъ множество, тогда батюшка скажетъ: „Бурса“, поставь себя на мѣсто нищаго; легко будетъ тебѣ, когда не дадутъ тебѣ милостыньки, да еще и заропшутъ на тебя? Не жалѣй, другъ мой, и своего-то, не только чужого; нищія—это братія Христова, ихъ особенно надобно миловать“. Еще говаривалъ онъ мнѣ по этому же поводу: „не залеживалась у меня никогда ни одна копѣйка, всегда я находилъ ей, по милости Божіей, мѣсто въ рукахъ немущихъ; о, тамъ сохранится она гораздо лучше, чѣмъ въ самомъ прочномъ кошелькѣ“.

Говоря со мною о подвигахъ монашеской жизни, онъ совѣтовалъ мнѣ „не вдавать себя какимъ либо подвигамъ, особенно самовольно, чтобы врагъ не посмѣялся мнѣ, какъ неискусной, т. е. неопытной и не повелъ бы къ худшей скорби“. „Берегись, говорилъ онъ, берегись во всемъ излишества; гдѣ намъ немощнымъ налагать на себя трудные подвиги? Дай Богъ намъ стяжать смиреніе и послушаніе, что выше всякихъ подвиговъ. Скажу тебѣ слонами одного богомудраго старца: „подвиги для монаха — лакомство, а послушаніе и смиреніе — пища“. Безъ пища жить

нельзя, а безъ лакомства можно. Скажу тебѣ и другой примѣръ: къ одному пустыннику пришелъ монахъ просить у него благословенія надѣть „вериги“, или, по крайней мѣрѣ, власяницу; старецъ не отвѣтилъ ему, а предложилъ трапезу; во время бесѣды старецъ ударилъ пришедшаго къ нему; тотъ оскорбился и сталъ выговаривать ему въ свою защиту. Тогда старецъ—пустынникъ всталъ и поклонился въ ноги гостю, говоря: „прости меня, чадо, я хотѣлъ посмотрѣть, можешь-ли ты носить вериги, о которыхъ просилъ“. Монахъ получилъ урокъ, что прежде чѣмъ думать о веригахъ, надо научиться смиренію и безропотному сношенію оскорбленій. Еще говорилъ: „вспомни житіе преподобнаго Досіея, какъ онъ въ 5 лѣтъ путемъ послушанія и смиренія достигъ совершенства монашескаго и былъ вчиненъ послѣ смерти въ ликъ великихъ старцевъ; это поучительно для каждаго новоначальнаго послушника, имѣй и ты этотъ примѣръ непрестанно передъ глазами и старайся подражать ему. Впрочемъ, этимъ я не хочу погашать въ тебѣ усердія къ трудамъ подвижничества, но хочу только внушить тебѣ, что смиреніе и послушаніе—эти духовные подвиги, выше всѣхъ остальныхъ. Въ монастырскихъ общежитіяхъ отъ постоянныхъ соприкосновеній другъ съ другомъ и въ послушаніяхъ и въ келіяхъ, почти неизбѣжно возникаютъ столкновенія, скорби и т. под.—вотъ тутъ-то и найдешь для себя поводъ къ смиренію, къ безропотному несенію скорбей, къ безусловному послушанію не только старшимъ, но и равнымъ и младшимъ. Не соблазняйся этимъ; это—духовное горнило, очищающее душу инока, подобно какъ вещественное горнило очищаетъ золото. Это лучшее училище самопознанія, какъ вышеприведенный примѣръ монаха, не могшаго снести заушенія старца, а бравшагося заковать себя въ вериги; общежитіе—наилучшій учитель смиренія. Когда я спросила его о постѣ и вообще объ употребленіи пищи, онъ отвѣчалъ: „Думаю,—еще рано говорить объ этомъ; пока вотъ тебѣ мой совѣтъ: слѣдуй въ этомъ общему правилу и уставу монастырскому; никакого особеннаго поста на себя не налагай; довольствуйся и держись трапезы; еще какъ приметъ ее твой организмъ, доселѣ балованный, нѣженый, трапеза въ монастыряхъ всегда суровая, постная, дай Богъ, чтобы ты ее переносила; а въ противномъ случаѣ не ропщи, помня, что въ монастырь идутъ не для сладкоядствія и пресыщенія, а для алчбы и лишенія. Воспитывай себя, т. е. своего внутренняго человѣка, во всемъ; придерживайся въ этомъ случаѣ порядка, какимъ шло твое воспитаніе научное; вѣдь не вдругъ тебя стали учить высшимъ наукамъ, а начали съ азбучки,—такъ и душѣ нашей не полезно и нельзя браться за высшіе подвиги и посты, пока не изучить духовной азбучки—смиренія и послушанія“.

Разъ, когда мы съ батюшкой обѣдали въ его столовой, онъ сказалъ мнѣ: „Я зналъ одного старца, который говорилъ про

себя, что онъ не былъ постникомъ, но никогда во все время монашества не поѣлъ въ аппетитъ; онъ нарочно портилъ себѣ кушанья или пересолить такъ, что, казалось бы и ѣсть нельзя, или кушаетъ совсѣмъ безъ соли, или-же- смѣшаетъ вмѣстѣ два или и больше кушаній и ѣсть такъ, что, видимо, самъ насилу глотаешь“. Я поняла данный мнѣ этимъ урокъ. Сказанное же имъ какъ бы о другомъ старцѣ, я поняла, какъ его собственное дѣло, такъ какъ онъ самъ часто поступалъ такимъ же образомъ.

Когда разсуждали мы съ нимъ о молитвѣ, то о ней онъ сказалъ такъ: *„Вся жизнь инока должна быть непрерывная внутренняя молитва“*. Молись непрестанно, молись внутренно во время дѣла, во время отдыха, всегда, всегда *предзри предъ собою Господа*, твоего Жениха небеснаго, что бы сердце твое ни на минуту не измѣнило Ему ни однимъ помысломъ. Дорожи своимъ призваніемъ, но помни, что *„много званыхъ, а мало избранныхъ“*, не по твоей заслугѣ избралъ тебя Господь,—ты еще и не начинала служить Ему, а это всецѣло Его великая милость къ тебѣ, и кому много дано,—много и взыщется съ него, да *„не вотще благодать Божію пріяти намъ“*.

Батюшка снялъ съ своей руки старья поношенныя шерстяныя вязанныя четки и, подавая ихъ мнѣ, сказалъ: „по этимъ четкамъ я приучалъ себя къ непрестанной молитвѣ, — возьми ихъ, если не побрезгуешь, можетъ быть, хватить ихъ и для твоего обученія (Эти четки у меня по сіе время хранятся, и я хотѣла бы сохранить ихъ до самой смерти моей). При этомъ онъ прибавилъ: „я зналъ одного старца, который говаривалъ: „по милости Божіей, я сохранилъ обѣты нестяжанія; но на четкахъ готовъ носить алмазы, ибо всякій шарикъ ихъ соединенъ съ сладчайшимъ именемъ моего Господа“.

Много подобныхъ примѣровъ и изреченій приводилъ мнѣ батюшка, но почти каждая наша съ нимъ бесѣда оканчивалась его ободрительными мнѣ словами: „ты пойдешь. Тебя Самъ Господь какъ-бы за руку ведетъ: Онъ вывелъ тебя, и Ему Одному вѣдомыя судьбами, изъ среды міра, вывелъ и поставилъ на пути удобнѣйшаго служенія Ему, Онъ и не оставитъ тебя Своею благодатію. Я спокоенъ за тебя“. Такія любвеобильныя, отеческія слова не могли не проникать въ самую глубину моей души; я слезно благодарила Бога за то, что Онъ послалъ мнѣ такого отца и старалась запоминать всѣ его слова, которыя, тотчасъ-же записывала для памяти. О, какую отрадную помощію служили они мнѣ въ минуты скорби и недоумѣній монастырской жизни! Въ день отъѣзда моего изъ Ивера я приобщалась Св. Тайнъ за ранней литургіей, послѣ которой, по обычаю пошла къ о. архим. Лаврентію. Послѣ поздней литургіи онъ самъ отслужилъ для меня папутьственный молебенъ предъ чудотворною иконою Ивер-

скою, вручивъ меня Ея всемилостивѣйшему покровительству. Затѣмъ, отобѣдавъ у него, я стала собираться въ путь. Доставъ изъ кіотника своего икону „Бесѣдной Богоматери“ (за три версты отъ Тихвина находится Бесѣдный монастырь съ чудотв. иконою этого имени), онъ благословилъ меня ею, со слезами отеческаго расположенія и любви онъ неоднократно поцѣловаль меня въ голову, я-же обливала слезами его, благословляющую меня десницу. „Пиши мнѣ, овца“, сказалъ онъ, уже провожая меня за двери, „я буду по возможности отвѣчать тебѣ, молись за меня, а я уже вѣчный твой молитвенникъ“. Эта разлука съ человѣкомъ, столь близкимъ мнѣ по духу, понимавшимъ всѣ движенія и стремленія моей души, такъ любвеобильно и внимательно отнесшимся ко мнѣ, въ то страшное для меня время, когда, какъ мнѣ казалось, весь свѣтъ отъ меня отвернулся, признавая меня за лишившуюся разума, разлука съ человѣкомъ, которому я обязана всею своею послѣдующею жизнью,—была для меня гораздо чувствительнѣе разлуки съ родителями и со всѣмъ, что я могла назвать „своимъ“.

XI.

Выѣхавъ изъ этой незабвенной для меня по гробъ жизни обители, я долго обращала къ ней взоръ, полный слезъ, внутренно молилась и крестилась на кресты ея храмовъ, пока совсѣмъ они не скрылись изъ вида. О, если-бы также приласкала меня и моя будущая Введенская обитель, которой всецѣло отдаться намѣрена я, думалось мнѣ; но этого быть не можетъ; тамъ школа духовнаго воспитанія, тамъ предстоитъ борьба со своимъ внутреннимъ человѣкомъ, тамъ по всему—путь крестный, а „безъ креста не увидишь и Христа“, какъ говорилъ мнѣ по пословицѣ мой батюшка, о. Лаврентій. Въ такихъ размышленіяхъ и воспоминаніяхъ я незамѣтно доѣхала до жел. дор. станціи Валдайки; такъ какъ лошади, привезшія меня, были монастырскія, то мы и остановились у маленькаго деревяннаго домика, гдѣ жили монахи Иверскаго монастыря, т. е. на Иверскомъ подворьѣ. Тамъ давно уже ожидала меня моя матушка, стремясь еще хотъ разъ взглянуть на меня и проводить на машину. Пользуясь оставшимся до прихода нашего поѣзда временемъ, мы съ нею уже въ послѣдній разъ въ жизни вмѣстѣ напились чаю. Конечно, не предполагая этого, я шутила съ нею, стараясь развлечь ее и не допустить до рыданій, которыми, казалось, уже готова она была разразиться, шутила, говоря: „вотъ, мамочка, Богъ дастъ, ты пріѣдешь ко мнѣ въ Тихвинъ, и мы съ тобой точно такъ же будемъ пить чай въ моей кельѣ“. Она на это горько улыбнулась и отвѣчала: „да будетъ ли это?—Нѣтъ, Машенька, мнѣ не перенести разлуки съ тобой. Легче бы мнѣ было похоронить тебя въ могилу, чѣмъ живую оторвать отъ себя“. Обѣ мы расплакались, да и не мы только, а

и всё присутствовавшие. Но вотъ настало время, и мы всё направились въ вокзалъ; я ничего не помню, какъ что было и какъ насъ усадили въ вагонъ, помню только; какъ матушку мою повели подъ руки изъ вагона, когда я осталась тамъ съ провожавшей меня старушкой. Не помню сама, какъ моментально пришла мнѣ мысль, которую я еще успѣла, выскочивъ изъ вагона, высказать поддерживавшимъ матушку людямъ: „уговорите ее или насильно свезите ее прямо въ Иверскій, она тамъ успокоится“. И это мое послѣднее невольное слово было исполнено добровольно самой матушкой, когда ей его передали. Объ этомъ писала мнѣ она сама, а также и о. Лаврентій, который для обѣихъ насъ сталъ поистинѣ ангеломъ-утѣшителемъ.

Дальнѣйшій путь нашъ былъ благополученъ, и 19-го февр. я была уже въ Тихвинѣ, гдѣ на всю мою жизнь заключилась въ обители. Странное и непонятное мнѣ самой чувство овладѣло мною, когда я стала подъѣзжать къ Введенскому монастырю; вдругъ пришла мнѣ произвольно мысль, „что нелѣпо мнѣ въѣхать во св. врата обители въ своемъ, хотя и дорожномъ, но все-же удобномъ тройкой лошадей въпряженномъ, экипажѣ; не такъ Спаситель нашъ шелъ на Голгоѳу, не въ порфирѣ и убранствѣ царскаго благолѣпія возмогъ и царь Ираклій внести св. крестъ во врата града, не такъ и мнѣ подобаетъ вступить въ св. врата обители, гдѣ намѣрена я нести крестъ Христовъ,—достояніе монашеской жизни. Я вышла изъ саней и пошла позади ихъ. Богъ свидѣтель, что сдѣлала я это безотчетно, сама не понимая, какую связь этотъ поступокъ имѣлъ съ приведенными, тоже произвольными мыслями. Нѣкоторыя сестры и сама м. игуменія увидѣли меня, идущую и направляющуюся прямо къ игуменскому корпусу. Я сряду-же пошла къ м. игуменіи спросить о томъ, гдѣ она благословитъ мнѣ остановиться и сложить свой багажъ. Она указала мнѣ ту-же самую келью, въ которой я гостила у старицы монахини Глафиры, въ мезонинѣ надъ игуменскими покоями. На вопросъ матушки о томъ, отчего я шла пѣшкомъ, а не сидѣла въ саняхъ, я сказала ей всю правду, на что она отвѣчала мнѣ: „Самъ Господь голосомъ вашего собственнаго сознанія напомнилъ намъ, что монастырская жизнь—жизнь крестная“.

ХІІ.

День моего приѣзда и водворенія въ обители былъ, какъ я упоминала, 19-го февр.; это была родительская суббота передъ масленицею; масленица и въ обителяхъ имѣетъ нѣкоторую льготу противъ обыденной жизни; послѣднюю половину недѣли, съ четверга, сестры освобождаются отъ общественныхъ работъ, т. е. отъ послушаній, трапеза поставляется сравнительно лучшая, кромѣ того, на ней подаютъ блины, да и по кельямъ не возбраняется печь и блины и все, что угодно. Но вотъ наступалъ В. постъ,

пришелъ вечеръ „прощальнаго воскресенья“. По обычаю, существовавшему въ Введенскомъ монастырѣ въ то время, въ прощальное воскресенье послѣ вечерни, за которой всѣ прощаются другъ съ другомъ,—идутъ всѣ въ трапезу — заговляться, идутъ даже и больныя, и увѣчныя, однимъ словомъ всѣ сестры, могущія хотя только передвигать для ходьбы ноги. Наша м. игуменья Серафима обязательно ходила ежедневно въ трапезу обѣдать, а въ этотъ день приходила и ужинать. Послѣ ужина читались положенныя молитвы, а затѣмъ снова всѣ начинали прощаться, кланяться другъ другу въ ноги, не исключая и м. игуменю, тоже кланявшейся въ ноги всѣмъ сестрамъ. Затѣмъ всѣ расходились по кельямъ, гдѣ и пребывали безъисходно до субботы 1-й нед. Вел. поста, кромѣ церкви, которую посѣщали во время каждой службы, а на 1-й нед. больше службы, чѣмъ отдыха. Пищи вареной не давали во всю недѣлю, а въ „чистый“ понедѣльникъ и въ пятницу не полагалось ничего, кромѣ ломтя черного хлѣба. Питіе чая—было предоставлено произволу и силамъ каждой сестры по ея усмотрѣнію; немощнымъ и клироснымъ онъ разрѣшался, а остальные предпочитали воздержаніе. Въ пятницу съ ранняго утра начиналась исповѣдь: для монахинь постриженныхъ пріѣзжалъ духовникъ, іеромонахъ изъ „Большого“ Тихвинскаго монастыря, а послушницы исповѣдывались у своихъ бѣлыхъ монастырскихъ священниковъ. Въ субботу всѣ были причастницами Св. Христовыхъ Таинъ. Затѣмъ послѣдующія недѣли до Страстной нед. были уже гораздо льготнѣе,—трапеза, хотя и очень постная, поставлялась по дважды въ день, и проходились обычныя монастырскія послушанія. Я, какъ „новичекъ“, всему этому удивлялась и восхищалась, но не безъ труда было мнѣ послѣ самоугодной по отношенію къ пищѣ мірской жизни. Мы обѣ съ сожительницею моею, барышнею М. Л. предпочитали „самоварчики“ всякой постной пищѣ, къ которой привыкнуть не могли.

Такъ проходилъ В. постъ, въ концѣ котораго м. игуменія позволила мнѣ озаботиться отдать шить для себя рясу, обѣщаясь сдѣлать меня въ нее къ свѣтлому празднику Пасхи. Съ какою искреннею чистою радостію приняла я это благословеніе, считая величайшею честью надѣть эту „ангельскую одежду“, хотя бы изъ самой суровой крашенины (крашеннаго холста) или и того суровѣе. Надобно при этомъ замѣтить, что при себѣ денегъ у меня почти не было. Семьсотъ р., привезенные мною изъ міра, я цѣликомъ показала мат. игуменѣ, прося ее взять изъ нихъ 300 р. взносу за меня, а остальные оставить въ мою собственность на мои нужды. Добрая матушка опять повторила мнѣ прежнія свои слова, сказавъ, что всѣ эти деньги спрячетъ для меня и будетъ мнѣ выдавать съ нихъ проценты 2 раза въ годъ по 17-ти р., что и исполняла неизмѣнно. Но какія это были деньги при тѣхъ условіяхъ жизни, въ каковыя мы были поставлены. Мы имѣли го-

товья только кельи, дрова и скудную трапезу, конечно—это существенныя нужды, зато все остальное у насъ должно было быть свое: чай, сахаръ, если бы понадобился и кусокъ бѣлаго хлѣба къ чаю (что при скудной трапезѣ было почти необходимо), одежда, обувь, бѣлье, верхнее платье, посуда, самоваръ и все, все жизненное отъ малой до большой вещички, даже уголья и лучину для самовара, все надо было купить. Понятно, что при такихъ условіяхъ мнѣ приходилось нести лишенія во всемъ и во всемъ себѣ отказывать. Помня наставленія батюшки, я безропотно несла всякія лишенія, но человѣческія немощи все же давали себя чувствовать.

На свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова передъ самой уже утреней, меня одѣла м. игум. въ рясу, давъ въ руки и четки, какъ символъ непрестанной молитвы. Не сумѣю я высказать, какая неземная радость наполнила мою душу; я чувствовала себя и воображала счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, а, можетъ быть, и дѣйствительно была такова, если справедливо то, что „счастливъ тотъ, кто доволенъ своей судьбой“. Впрочемъ старица моя, м. Глафира, предупреждала меня, говоря, что „съ одѣяніемъ монашескимъ я возлагаю на себя и монашескій крестъ“. Я тогда не могла понять силы и значенія этихъ словъ, или-же, можетъ быть, безграничное мое стремленіе къ монашеству не давало мнѣ вполне понять, или иначе сказать, закрывало отъ меня силу и смыслъ словъ: „монашескій крестъ“. Но жизнь сама собою скоро открыла мнѣ глаза и показала этотъ крестъ во всей его тяжести. Не стану описывать, да и возможно-ли было бы описать всѣ скорби монастырской жизни, понятныя только тому, кто понесъ ихъ на своихъ раменахъ, и самъ ихъ извѣдалъ и позналъ; а кто не коснулся ихъ, тому напрасно и говорить о нихъ, ибо сочтеть онъ ихъ „мелочами, пустяками и т. под. и никогда не пойметъ ихъ значенія.

Одѣвшись въ монастырскую рясу, я стала совершенно „послушницею“, а потому и стала раздѣлять всѣ монастырскія послушанія, т. е. общественныя обязанности и службы. Прежде всего меня поставили на клиросъ—пѣть и читать въ церкви, а затѣмъ заставили дѣлать и всякое случавшееся дѣло, не спрашивши, конечно, могу-ли я, умѣю-ли, способна-ли, въ силахъ-ли и т. под.,—одно слово: „послушаніе не разсуждаетъ“, „не прекословитъ“; велѣли,—дѣлай, сказавъ: „благословите“. Если испортить, и не платишься, а все же останешься виновнымъ. Приходилось мнѣ, напр., исполнять чередное послушаніе, мыть посуду послѣ обѣда сестеръ (т. е. послѣ трапезы). Казалось бы, чего легче всего дѣла. Однако, окончивъ свою недѣлю череды, я не находила покоя рукамъ, до крови изъѣденнымъ горячимъ щелокомъ, въ которомъ приходилось имъ непривычно купаться, пока не вымоютъ до 200 тарелокъ, столько-же блюдовъ и столько-же

ложекъ; долго не могла я приняться ни за какую работу, потому что кожа лепестками сходила съ рукъ, все зацѣплялось, не спирилось, не говоря уже о боли, о которой если упомянешь, то рядъ насмѣшекъ и колкостей посыплется на тебя: „вотъ такъ послушница-труженица,—посуды не вымыть!“ Первое лѣто мнѣ, какъ новоначальной, необходимо было исполнять всѣ и общественныя полевыя работы: я ходила въ огороды полоть, поливать, прогребать, ходила на сѣнокосъ и на жниву, и всюду, куда посылали. Само собою разумѣется, что работала я очень плохо, тѣмъ не менѣе работала почти до вечерни, не задолго до которой приходила домой, чтобы приготовить старицѣ и сожительницѣ самоваръ, что лежало на моей обязанности, какъ на младшей въ кельѣ, когда келейница наша была занята на болѣе еще трудныхъ послушаніяхъ, иногда и далеко отъ обители; сама-же я, какъ бы ни была уставшей, но всегда имѣла возможность выпить чайку „въ удовольствіе“, какъ и сколько бы захотѣлось. Въ 5 часовъ ежедневно я ходила къ вечерни, послѣ которой оставалась слушать читаемое „монашеское правило“, состоявшее изъ 3-хъ каноновъ, акаѳиста и помянника, хотя это было обязательнымъ только для монахинь, а не для новоначальныхъ. Мнѣ было легче въ церкви, какъ бывало выплачешь въ молитвѣ предъ Богомъ все свое горюшко, а его было не мало. Въ кельѣ тоже не совсѣмъ хорошо мнѣ было; сожительница моя, барышня М. Л., бывшая старше меня не болѣе какъ года на два, какъ по возрасту, такъ и по времени поступленія въ монастырь, видѣла во мнѣ всегда свою конкурентку во всѣхъ отношеніяхъ; на клиросѣ мы стояли вмѣстѣ, но въ этомъ случаѣ мнѣ отдавали преимущество; въ остальномъ мы еще не могли равняться, такъ какъ я была еще на „искусѣ“ перваго года, но все-же она не питала ко мнѣ дружественныхъ отношеній, чего я не могла не чувствовать. Мнѣ было всесторонне трудно; врагъ, какъ бы пользуясь такимъ грустнымъ состояніемъ души, наводилъ на меня еще иногда сильную тоску по матери, живо рисуя картину ея страданій и слезъ.

Я писала обо всемъ о. арх. Лаврентію, но письма мои не доходили до него, ибо онъ въ свою очередь писалъ мнѣ, что не получаетъ моихъ писемъ. Впрочемъ, Самъ Богъ не оставлялъ меня Своимъ непосредственнымъ утѣшеніемъ и вразумленіемъ.

Такъ, однажды, видѣла я слѣдующій сонъ: иду я весьма трудной, зимней дорогой; то вязну я въ сугробахъ снѣга, то скользя по льду и падаю; то множество пѣшеходовъ и ѣздоковъ едва не давятъ меня, ибо дорога узкая и по обѣимъ ея сторонамъ овраги и пропасти; то откуда-то взявшійся скотъ рогатый идетъ прямо на меня и силится забодать меня; то, наконецъ, множество шалуновъ-мальчишекъ съ неистовствомъ напали на меня, стали меня щипать, толкать и силились свалить съ дороги въ пропасть. Я совсѣмъ выбилась изъ силъ; какъ только они нѣ-

сколько послабили мнѣ, я обернулась назадъ посмотрѣть, не лучше-ли вернуться назадъ, потому что уже вовсе не могла продолжать путь, предполагая на немъ тѣ-же препятствія и далѣе; но увидѣла, что пройдено было такъ уже много, что начала пути и не видно. Смотрю опять впередъ, и вокругъ меня уже никого нѣтъ, ни мальчишекъ, ни скота, и дорога гладкая, а близехонько впереди, на моей же дорогѣ, какъ бы очертаніе дверныхъ косяковъ и въ нихъ отворенная дверь; все пространство въ двери наполнено свѣта, какъ бы сдерживаемаго за нею; а у самой двери среди этого свѣта стоитъ Сама Владычица, паче солнца сіяющая, одною рукою держитъ скобку двери (какъ бы отворивши ее), и, обратясь лицомъ ко мнѣ, говоритъ такъ ласково и весело, какъ-бы мать родная плачущему ребенку: „Иди, иди,—вѣдь Я—Вратарница“. Я подошла къ двери и за ней увидѣла большой (больше человѣческаго роста) Крестъ, весь изъ звѣздъ составленный, и пала поклониться ему. Проснулась я къ великой радости, обновленная духомъ.

Я уже упоминала, что иногда нападала на меня и тоска по матери, которую я оставила въ такихъ страданіяхъ и слезахъ о разлукѣ со мной; теперь мнѣ часто приходило это на мысль, что я считала вполнѣ естественнымъ и по родственно-близкимъ нашимъ чувствамъ, и по стеченію моихъ собственныхъ нерадостныхъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ: когда я, не бывъ удовлетворена суровой монастырской пищей, многое изъ которой и вовсе не могла употреблять, не имѣла возможности замѣнить ее для себя болѣе легкой и лучшей, что намъ не возбранялось,—то мнѣ невольно приходили на умъ слова Евангельской притчи (хотя тамъ смыслъ ихъ совершенно иной)—„колико наемникомъ отца моего избывають хлѣбы, азъ-же гладомъ гибну“,—или-же считала это за навѣты врага, всѣми кознями старавшагося низложить меня, какъ и всякаго, „приступающаго работать Господеву“, и, съ помощію Божіею, побѣждала безъ большого труда всѣ подобныя искушенія. Но вотъ сама мать моя, и ранѣе того мнѣ писавшая письма, стала уговаривать меня теперь возвратиться домой; она страшала меня тѣмъ, что никогда не будетъ мнѣ ничѣмъ помогать, ничего посылать, даже и мое собственное удержать все для младшихъ дѣтей, чего она хотя и не могла бы сдѣлать по закону, такъ какъ я не приняла еще постриженія, но ничто, никакія угрозы, ни соблазны не колебали нисколько моей рѣшимости терпѣть всякія лишенія, хотя бы и самую смерть. Когда же она написала мнѣ, что я лишила ее своей помощи по отношенію воспитанія дѣтей, а также и всесторонне въ ея уже преклонныя лѣта, и что эта безпомощность ея сведеть ее раньше времени въ могилу, я стала подумывать о томъ, не погрѣшила-ли я въ этомъ дѣйствительно. Посовѣтоваться, поговорить мнѣ было не съ кѣмъ. Но вотъ какъ вразумилъ и успокоилъ меня Господь:

Видится мнѣ въ сновидѣніи, что мы (сестры монастыря) несемъ (изъ церкви) на головахъ Плащаницу; вдругъ, какимъ-то образомъ, изъ несшихъ осталась я одна и, съ чрезвычайной трудностью отъ тяжести ноши, принеши Св. Плащаницу въ свою келью, положила ее на столъ, приготовленный среди кельи, а сама въ изнеможеніи бросилась на койку. Вдругъ пріотворяется дверь изъ сѣней въ келью и въ отворенную щель выглядываетъ изъ сѣней злой духъ, т. е. диаволъ; видъ его скаредный; фізіономія черная; на ней, какъ горящіе угли,—красные глаза; онъ заревѣлъ, какъ звѣрь разъяренный, но войти въ келью не смѣлъ. Я встала съ койки и, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, безъ всякаго страха подошла къ двери и сказала ему: „здѣсь Св. Плащаница,—убирайся; здѣсь не мѣсто тебѣ!“ Перекрестивъ дверь (онъ моментально исчезъ), я хотѣла запереть ее, но вдругъ въ нее входитъ моя мать, очень скучная, вся въ слезахъ; она стала укорять меня въ безжалостности къ ней и роптать на судьбу свою и сильно, сильно плакала. Мнѣ стало жаль ее, и я тоже заплакала. Обѣ мы съ нею подошли къ Плащаницѣ, взглянувъ на которую я сказала: „ну какъ-же, мамочка, я оставлю теперь моего Спасителя, дорогого моего Мертвеца, умершаго и за тебя, и за меня. Какъ мнѣ перестать лобызать Его пречистыя язвы, омывая ихъ потоками и моихъ, и твоихъ слезъ? Нѣтъ, я ни за что не оставлю Его, не отойду отъ Него никогда! Лучше ты останься здѣсь со мною, и вмѣстѣ будемъ лобызать ихъ!“ Съ этими словами я бросилась лобызать ножки Спасителя, обливая ихъ горячими слезами любви, и тотчасъ проснулась. Изъ этого я поняла, что ни въ какомъ случаѣ не должна и мысли допускать оставить служеніе Господу ради матери; что Господь приметъ ея скорби и болѣзни сердца о мнѣ, какъ благоприятную жертву ради Его, и не лишитъ ея Своей милости.

Да, я не могла не видѣть, что Господь Самъ руководитъ меня на пути жизни моей многотрудной и почти безпомощной духовно. Мнѣ невольно приходили на память слова о. арх. Лаврентія, сказанныя имъ мнѣ при прощаніи: „Тебя какъ бы Самъ Господь за руку ведетъ, Онъ вывелъ тебя изъ среды міра, поставилъ на пути служенія Ему, Онъ и не оставитъ тебя“.—И не только сновидѣніями, но и простыми жизненными путями Господь давалъ мнѣ явныя вразумленія. Вотъ, напримѣръ, Онъ привелъ меня быть свидѣтельницею высокой, содержательной молитвы одной старицы.

Это случилось такъ. Былъ прекрасный лѣтній вечеръ; послѣ вечерни всегда слѣдовалъ ужинъ сестрамъ, на который впрочемъ ходили весьма не многія въ трапезу, а по большей части ужинали по кельямъ, особенно старицы. Въ эту пору моя старица монахиня Глафира, послала меня за какимъ-то дѣломъ къ другой очень престарѣлой старицѣ, м. Θεоктистѣ, прибавивъ, что если я

хочу, то могу на обратномъ пути и погулять. Подойдя къ кельѣ монахини Теокисты; я, по обычаю иноческому, сотворила молитву Иисусову,—отвѣта не послѣдовало; думая, что монахиня Теокиста не слышитъ, я пріотворила дверь чуть-чуть и повторила молитву уже довольно громко; отвѣта опять не получила. Тогда, предположивъ, что старица Теокиста лежитъ за перегородкой, или ужинаетъ одна, а что келейница ея ушла въ трапезу, я рѣшилась войти въ келью и отворила дверь, уже въ 3-й разъ проговоривъ молитву; вступивъ за порогъ двери, я не могла двинуться далѣе, придя въ благоговѣйное удивленіе отъ того, что увидѣла. Старица Теокиста стояла въ переднемъ углу на колѣнахъ съ воздѣтыми руками; губы ея что-то шептали, слезы обливали все лицо и одежду; она то падала ницъ и подолгу оставалась въ такомъ положеніи, и только одни всхлипыванія доказывали ея состояніе, то снова, поднявшись, воздѣвала руки, и было видно, что она находилась внѣ всего окружающаго ее, внѣ всего земного. Я чувствовала себя неловко, что, войдя, невольно сдѣлалась свидѣтельницею тайны души престарѣлой подвижницы, но вышло это такъ случайно, или по Божію Промыслу, восхотѣвшему или дать мнѣ урокъ молитвы, или же вразумить, показать мнѣ это, вопреки случавшихся мнѣ мыслей о томъ, что нѣтъ въ обители нашей высоко духовной жизни старицъ: Я продолжала стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ, боясь шевельнуться, чтобы не потревожить молившуюся, не смѣла и уйти, не исполнивъ порученія своей монахини, да мнѣ и не хотѣлось уйти до конца этой высокой молитвы. Однако болѣе часа пришлось мнѣ ждать, пока наконецъ монахиня Теокиста, обтираясь платкомъ и сморкаясь, стала подыматься съ колѣнъ, но все еще взоръ ея былъ устремленъ къ висѣвшему передъ ней лику Спасителя, въ области Котораго все еще витала душа ея. Чтобы не встревожить ее, не дать замѣтить, что я была свидѣтельницею ея молитвеннаго восторга, я сдѣлала видъ, что будто сейчасъ только вхожу, громко проговоривъ молитву Иисусову. „Аминь“—отвѣтила она по обычаю иноческому, а сама поспѣшно ушла за переборку, бывшую не далеко отъ передняго угла, гдѣ она стояла; затѣмъ вышла оттуда, протирая глаза, какъ-бы послѣ сна, и, обратясь ко мнѣ, сказала: „вотъ Анна-то моя погулять выпросилась, а я и уснула, было; что, чай, уже ужинъ кончился?“ „Кончился, матушка, уже болѣе часа“; отвѣтила я, едва сдерживая слезы, отъ чего видѣннаго и теперь слышимаго отъ смиренной подвижницы. Она вопросительно посмотрѣла на меня. „Да, ты, ласточка, давно ужь пришла сюда?“ спросила она. „Нѣтъ, матушка, сейчасъ только вхожу“, успокаивала я ее. „Отчего-же это у тебя слезки на глазахъ, или ты не скучаешь-ли, вѣдь тебѣ, чай, трудненько, ласточка? сидемъ-ка да поговоримъ по дуплѣ“, уговаривала меня добрая старица, усаживаясь со мною въ тотъ самый уголокъ,

гдѣ только что молилась. „По душѣ“, по-истинѣ „по душѣ“ говорили мы съ нею, и я не посмѣла скрыть отъ нея, что была свидѣтельницаю ея молитвы. Глубоко вздохнула она, но спокойно сказала: „видно, такъ тебѣ Богъ судилъ; но молю тебя, никому ни слова, ни даже твоей старицѣ; пусть это будетъ твоя тайна“. Мнѣ и не пришлось никому говорить объ этомъ, такъ какъ и старица моя, удовольствовавшись принесеннымъ ей мною отвѣтомъ, не спрашивала ни о чемъ болѣе. Мнѣ же самой принесло это обстоятельство много душевной пользы: я увидѣла, какъ молятся монахини, и сама стала ревновать о семъ.

XIV.

Между тѣмъ давно уже миновалъ первый годъ моей жизни въ монастырѣ, а съ нимъ миновалъ и искусь мой въ тяжелыхъ, такъ называемыхъ „черныхъ“, работахъ, чему, по тогдашнимъ правиламъ монастыря, всѣ новоначальныя, какого-бы рода и воспитанія онѣ ни были, должны были подвергаться ради ученія ихъ монашескому самоотверженію въ терпѣніи и смиреніи. Около того времени въ городѣ Тихвинѣ не было ни одного женскаго учебнаго заведенія; нѣкоторые изъ гражданъ обратились къ матушкѣ игуменіи съ просьбою,—поучить ихъ дѣтей въ монастырѣ подготовительно для поступленія въ столичныя учебныя заведенія, такъ какъ въ монастырѣ изъ числа сестеръ были и окончившія курсъ наукъ. Матушкѣ игуменіи пришло на мысль поручить это дѣло мнѣ, какъ по всему мнѣ подходящее. И вотъ вмѣсто всякаго другого „послушанія“ (кромѣ клироснаго, которому я всю жизнь служу неизмѣнно), я сдѣлалась учительницею, причѣмъ образъ жизни моей совершенно измѣнился къ облегченію моему. Мѣстомъ занятій нашихъ была указана наибольшая комната настоятельскихъ келій (залъ), которая чрезъ гостиную была смежна съ кабинетомъ матушки, которая въ свою очередь интересовалась моими занятіями съ дѣтьми и нерѣдко выходила слушать насъ. Это обстоятельство само по себѣ сообщало мнѣ много удовольствія, ибо я искренно любила и уважала матушку, почему быть хотя изрѣдка въ сообществѣ ея, для меня было утѣшительно. При томъ-же это давало мнѣ возможность въ случаѣ какаго-либо недоразумѣнія спросить ея совѣта и указанія.

Съ этого времени жизнь моя пошла слѣдующимъ порядкомъ: ежедневно я вставала къ утрени, которая бывала у насъ въ 4 ч. утра; послѣ утрени рѣдко когда пила чай до поздней литургіи, къ которой впрочемъ не могла ходить, потому что къ 9-ти ч. собирались мои ученицы. Послѣ литургіи мнѣ приносили чай на мѣсто занятій, продолжавшихся до 12-ти ч. полудня, когда я уходила въ трапезу, а дѣти оставались кушать свой привезенный съ собою завтракъ; затѣмъ отъ 1 до 2-хъ я съ ними гуляла,

а потомъ снова занимались до 4^{1/2} часовъ, послѣ чего онѣ уѣзжали, а я шла къ вечернѣ и, по обычаю, стояла и „правило“. Только къ 8-ми час. вечера я возвращалась въ келью.

Одна изъ ученицъ, А. Снѣткова, была дочь очень богатаго, I-го коммерсанта въ Тихвинѣ; ея родители много жертвовали монастырю съ тѣхъ поръ, какъ дочь ихъ стала учиться, слѣдовательно, труды мои приносили обители значительную матеріальную пользу; меня это радовало, да и начальница и старицы всегда оказывали мнѣ благодарность и расположеніе. Никогда не забыть мнѣ слѣдующаго случая. Однажды, 25-го января А. Снѣткова, уѣзжая послѣ урока, подала мнѣ письмо отъ своего отца и сказала, что завтра она не будетъ учиться, а пріѣдетъ съ родителями поздравить меня съ днемъ Ангела (26-го янв.). Предполагая, что это-же самое написано и въ письмѣ, я не прочитала его и, даже не распечатавъ, опустила въ карманъ и пошла къ вечернѣ. Придя въ келью, я забыла о немъ и только передъ самымъ сномъ распечатала; каково-же было мое удивленіе и испугъ, когда, вмѣсто письма, я нашла двадцатипяти-рублевую бумажку, Въ умѣ моемъ тотчасъ блеснула мысль: „это не честно; я учу „за послушаніе“, т. е. по обязанности, а мнѣ даютъ деньги“; въ смущеніи я даже забыла, что завтра день моихъ именинъ, такъ что это имѣло не иной смыслъ, какъ только подарка. Мнѣ стало очень совѣстно и неловко, поутру я поспѣшно ушла къ утрени, намѣреваясь все передать матушкѣ игуменіи, которая почти всегда приходила къ началу. Мѣсто игуменское стояло подлѣ праваго клироса, пѣвчихъ-же не было еще никого, такъ что я безпрепятственно рассказала ей все и передала конвертъ. Матушка, какъ сама добрая, и во мнѣ усмотрѣла чрезъ этотъ поступокъ много хорошаго и честнаго, какъ сама она мнѣ высказала, а потомъ говорила и старицамъ; деньги приказала мнѣ безусловно взять въ мою собственность. Когда пріѣхали Снѣтковы поздравить меня, она рассказала и имъ о случившемся и благодарила ихъ за меня.

Однако врагъ, не терпящій мира и спокойствія между людьми, не замедлилъ и тутъ своими кознями; онъ научилъ послушавшихъ его людей взвести противъ меня сильныя клеветы, вслѣдствіе которыхъ я, какъ безвинно страдавшая, совершенно пала духомъ, а другія пришли въ сильное смущеніе. Цѣлый мѣсяцъ, однако, длилось это недоразумѣніе и скорбь, подробностей чего я не нахожу нужнымъ описывать; но наконецъ дѣло выяснилось,—моя неповинность восторжествовала вполне, клеветники уличены и постыждены. Упоминаю здѣсь объ этомъ лишь съ цѣлю сообщить и еще о путяхъ промысла Божія, дивно вразумляющаго и подкрѣпляющаго работающихъ Ему отъ чистаго сердца.

Во время этой возставшей на меня бури, я сильно падала духомъ; не только самая клевета и скорбь подавляли меня (про-

тивъ этого я имѣла еще врачевство, сознание, что безъ сего не обойтись желающему идти крестнымъ путемъ), но меня сильно смущала мысль, отчего начальники духовные такъ не дальнорорки, что не могутъ отличить правду отъ лжи, отчего такъ скоро они склоняются попирашь то, передъ чѣмъ такъ еще не задолго они сами умилялись и къ чему относились съ уваженіемъ. Я задалась вопросомъ: „гдѣ же искать правды, если ея нѣтъ въ представителяхъ ея?“ Горе мое было такъ велико, что подавляло во мнѣ всякое разсужденіе и даже здравое сознание того, что и начальники наши—такіе-же люди, и прозорливства, присущаго святымъ, мы не имѣемъ права отъ нихъ требовать. Не скрою и того, что отъ сильнаго смущенія я потеряла даже усердіе къ молитвѣ. Когда въ кельѣ я становилась въ своемъ уголкѣ для совершенія ея, то происходило со мною одно изъ двухъ: или, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, я въ сильныхъ рыданіяхъ падала ницъ, и тогда состояніе души моей походило не на молитвенное, а на какое-то подавленное; или-же, иногда, сряду возставалъ передо мной вопросъ: „гдѣ же правда, гдѣ защита невинныхъ, гдѣ внимающіе ихъ слезамъ?“ И чтобы не дать воли такимъ разстроеннымъ мыслямъ, я скорѣе ложилась спать. Но спалось-ли мнѣ? И такъ прошелъ цѣлый мѣсяць, если не болѣе.

Но вотъ наконецъ миновала буря: возвратилась мнѣ всеобщая ласка, любовь, сочувствіе, всѣ познали, что гнали меня напрасно, что одна злая зависть хотѣла погубить меня и т. д. Но душа моя, глубоко потрясенная, не могла успокоиться. Вмѣсто прежней моей общительности, простоты, веселости, я стала недобрѣрчивою, печальною, подозрительною. Я не могла не сознавать, на опытъ то извѣдавъ, что эта любовь и ласки такъ же скоро могутъ смѣниться злобою и ядовитыми насмѣнками, какъ скоро смѣняются часъ за часомъ. Однимъ словомъ, мое прежнее состояніе духа не возвращалось ко мнѣ; я даже съ пренебреженіемъ удалялась отъ нихъ, а въ душѣ продолжала томиться, мысленно спрашивая себя: „если нѣтъ въ монастырѣ искренней любви, этой основы не только иночества, но и христіанства, то значить, нѣтъ и спасенія, а если нѣтъ сего, то для чего же мы живемъ здѣсь“. Однажды въ такихъ мысляхъ я уснула.

Видится мнѣ, что я вхожу съ южной стороны въ какую-то небольшую церковь или часовню (не знаю). Посреди, какъ бы обратясь къ иконостасу, или чему-то вродѣ того, стоятъ трое равные и ростомъ, и одеждою, и по всему одинаковые (не знаю ихъ назвать); имѣютъ они подобіе людей, только головы ихъ какъ бы въ туманѣ, я ихъ почти не вижу. Кромѣ меня и ихъ, никого нѣтъ, — церковь пуста. Меня заинтересовали эти существа, и я довольно смѣло стала подходить къ нимъ то съ той, то съ другой стороны, стараясь разсмотрѣть, — кто они. Когда подошла съ правой стороны, то стоявшій съ этой стороны обратился ко мнѣ съ

вопросомъ: „какой это монастырь?“ — Я отвѣчала: „Введенскій“. Онъ снова спросилъ: „А сколько лѣтъ ты здѣсь живешь?“ — Я отвѣтила: „три года“. На это Онъ говоритъ мнѣ: „Три года ты живешь въ монастырѣ, а не знаешь, какое имя твоему монастырю“. Я стала оправдываться и утверждать, что хорошо знаю, что имя моему монастырю „Введенскій“. Тогда Онъ подозвалъ меня поближе къ себѣ и продолжалъ: „Если ты не знаешь, какое имя этому монастырю, то я скажу тебѣ: онъ—Крестокрещенскій“. Я и тутъ противорѣчила Ему, продолжая спорить и даже возразила, что „и слова-то такого (крестокрещенскій) нѣтъ“. Въ это время я увидѣла главу Его, какъ главу Спасителя, какъ она пишется на иконахъ; въ лѣвой рукѣ Своей Онъ держалъ огромный деревянный крестъ, на который Онъ какъ-бы опирался, а правой рукою Онъ слегка касался моего плеча и, ударяя ею по плечу, продолжалъ: „Говорю тебѣ—Крестокрещенскій; не понимаешь,—такъ слушай, Я объясню тебѣ: какъ христіанскій младенецъ крещается водою и духомъ, иначе не можетъ быть христіаниномъ, такъ и *младенецъ-монахъ крещается крестомъ*, — иначе не можетъ быть монахомъ.—Разумѣешь ли теперь,—прибавилъ Онъ. Я (уже и во время рѣчи Его) познала въ Немъ Господа и въ умиленіи и радости воскликнула: „Такъ, Господи, разумѣю, что надо все терпѣть ради Твоего Креста“. Я проснулась въ величайшей радости и умиленіи; плечо мое еще какъ-бы ощущало на себѣ прикосновеніе ударявшей его слегка руки. Я совершенно обновилась духомъ, и все мрачное настроеніе мое исчезло, какъ небывалое.

Такимъ образомъ, какъ-бы подъ непосредственнымъ покровомъ Божиимъ, протекали первые годы моей жизни въ монастырѣ. По заповѣди моего духовнаго отца архим. Лаврентія, пребывать безысходно въ обители въ теченіе трехъ лѣтъ, я никуда не отлучалась, не только куда-либо подальше, но и за ворота на улицу.

Хотя монастырь нашъ былъ въ городѣ, но мы не имѣли о немъ понятія; по тогдашнимъ правиламъ и порядкамъ монастырскимъ, была одна выбранная старица, которая и ходила въ городъ по всѣмъ монастырскимъ дѣламъ: она ѣздила на почту, въ лавки, въ магазины, и всѣ, кому что нужно было купить, обращались къ ней. Она-же была и привратница монастыря, келья ея была у самихъ св. воротъ, и на ея обязанности лежало слѣдить, чтобы не было самовольныхъ отлучекъ въ городъ. На противоположной сторонѣ „большой“ дороги, противъ самыхъ св. воротъ, была наша часовенка, на крыльцѣ которой безотлучно сидѣла старица (или ея помощница), на отвѣтственности которой, между прочимъ, то-же лежало наблюденіе за выходомъ сестеръ изъ св. воротъ. Остальные-же ворота въ другихъ сторонахъ ограды были почти инпортъ, открываясь лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Упоминаю я здѣсь объ этомъ для того только, чтобы напомнить, какіе строгіе порядки и уставы существовали въ монастыряхъ еще и въ наше время, не говоря о старинѣ. То-ли встрѣчаемъ мы нынѣ? Что-же касается лично меня, то я не могу достовѣрно сказать: вслѣдствіе-ли этого правила я никогда и не думала объ отлучкахъ изъ обители, какъ о недоступномъ, или же мнѣ и самой никогда не приходило ни желанія, ни нужды

XV.

Четвертый годъ моего пребыванія въ монастырѣ подходилъ къ концу. Въ февралѣ мѣсяцѣ я получила (послѣднее) письмо отъ матери, въ которомъ она убѣдительно звала меня домой на побывку, извѣщая о своей тяжелой болѣзни; „въ случаѣ моей смерти“, писала она, „на кого останется малолѣтняя сестра твоя, не говоря уже о домѣ, хозяйствѣ и всей усадьбѣ“. Эти послѣднія слова порѣшили мое колебаніе, побуждавшее меня ѣхать и, можетъ быть, навсегда проститься съ матерью. Эти слова ясно сказали мнѣ, что послѣдняя, предсмертная просьба ко мнѣ матери будетъ: „останься, займись хозяйствомъ и сиротами, ради нихъ не дай погибнуть усадьбѣ въ чужихъ рукахъ“. А въ силахъ-ли я буду устоять противъ такой предсмертной материнской просьбы?

Не могу высказать, что происходило въ душѣ моей. Я искала, съ кѣмъ бы посоветываться, но сердце мнѣ подсказывало: „лучше не спрашивай,—всякій скажетъ: „поѣзжай“. Никому не извѣстны твои взгляды, чувства, наконецъ, домашнія обстоятельства, всякій будетъ судить поверхностно“. И такъ, не говоря никому о содержаніи полученнаго письма, я понесла его къ матушкѣ игуменьѣ, прося ея указанія. Къ величайшему моему удивленію и прискорбію, она отклонила отъ себя отвѣтъ, сказавъ: „я не берусь тутъ совѣтывать,—дѣлайте, какъ знаете“. Предоставленная собственному своему произволу, я попросилась у матушки игуменьи сходить къ чудотворной иконѣ Тихвинской Богоматери въ „Большой“ монастырь, гдѣ со слезами изливала свою душу предъ чуднымъ ликомъ Пресвятой Дѣвы, умоляя Ее принять на Свои руки все наше дѣло и внушить мнѣ поступить такъ, какъ полезнѣе для души, а не для временной жизни. Затѣмъ, какъ бы нѣсколько успокоившись, предавшись на волю и промышленіе Царицы Небесной, я все собиралась отвѣтить матери своей письмомъ, но, зная, что отказъ мой пріѣхать огорчитъ ее, я мѣшкала писать, а время проходило. Вдругъ, 19-го марта, получаю телеграмму о томъ, что „мать моя скончалась“ 17-го марта, и что присутствіе мое необходимо. Единственно, что вливало въ сердце мое спокойствіе,—это то, что она скончалась именно 17-го марта, въ день памяти преподобнаго Алексія, человѣка Божія, память

котораго она особенно чтила, почитая ее особенною милостыней, устраивая обѣды для нищихъ, которыхъ она всегда очень любила и часто кормила. На вопросъ мой: отчего именно этотъ день, между прочими, она избрала для такихъ обѣдовъ,—она отвѣчала мнѣ: „сама не знаю, я очень люблю этого угодника Божія, особенно съ того времени, какъ ты рѣшилась оставить меня, уйти въ монастырь, я все думаю,—не выдержать тебѣ суровой монастырской жизни, вернешься ты и поселишься гдѣ-нибудь въ шалашикъ, какъ онъ, а я и знать не буду“. Дѣло о моей поѣздкѣ было рѣшено, несмотря на то, что дорога была самая ужасная.

То, что нашла я въ усадьбѣ послѣ только что совершившихся похоронъ мѣей матери, дѣйствительно, превзошло всякое мое ожиданіе: малолѣтней сестры моей, Клавдіи, единственной хозяйки дома, не было, ее взяли къ себѣ сосѣдніе помѣщицы Бутеневы, такъ какъ оставить ее въ усадьбѣ на руки прислуги и оставшагося еще управляющаго І. Лар. не было возможности. Вещи, даже мебель, были растасканы,—въ домѣ полный хаосъ, опустошеніе, опекуна не было; духовное завѣщаніе, хотя и существовало, но, не будучи подписано надлежащимъ порядкомъ, не имѣло законной силы. Очевидно было, что со смерти хозяйки, всякій заботился самъ о себѣ. Камнемъ легло мнѣ на сердце сознаніе или, вѣрнѣе сказать, предположеніе, что всему этому причиною—я. Но все-же я еще не рѣшительно обвиняла себя въ этомъ, пока не предоставлю все на судъ и осужденіе болѣе меня опытнаго духовнаго лица, которое и надѣялась скоро встрѣтить въ лицѣ о. архимандрита Лаврентія.

Справивъ на кладбищѣ поминовеніе въ 9-й день, гдѣ я увидѣлась со всѣми родными и знакомыми, мы возвратились въ полуопустѣлый домъ, бывшій такъ недавно еще „полной чашей“, и предались сильнѣйшей скорби (разумѣю здѣсь насъ трехъ, сиротъ: себя, сестру 12-ти лѣтъ и брата, пріѣхавшаго на то время изъ корпуса). Сестра, одна свидѣтельница кончины незабвенной матери, рассказала намъ всѣ подробности ея послѣднихъ минутъ. Въ день своей кончины она заранѣе заказала обѣдню въ своемъ селѣ, Поросѣ, такъ какъ это былъ день 17-го марта—день преподобнаго Алексія челоуѣка Божія, столь любимаго ею, конечно, не предполагая, что за этой обѣдней въ первый разъ помянется имя ея „за упокой“. Не измѣнила она и обычая своего кормить нищихъ въ этотъ день, замѣнивъ лишь обѣдъ—разсылкою нарочито для сего испеченными хлѣбцами, которые неизмѣнная наша старушка Марѳа въ ночь на 17-е разносила по избамъ бѣдныхъ крестьянъ. Когда ударили въ колоколь къ обѣднѣ, о чемъ кто-то изъ домашнихъ, находясь на улицѣ и услышавъ, пришелъ возвѣстить ей: „къ нашей обѣденькѣ звонять“, она, наканунѣ напутствованная Св. Тайнами, перекрестилась, сказавъ: „помяни мя, Го-

споди, во царствіи Твоемъ“. Прошло не болѣе получаса, она совершенно мирно испустила духъ. Дѣтей своихъ, то-есть насъ всѣхъ, она благословила еще наканунѣ, послѣ причащенія св. Таинъ, въ присутствіи священника. Онъ подвелъ къ ней плачущую до безсознанія сестру Клавдію, и она крѣпко прижала ее къ груди своей, съ любовію цѣловала и благословляла тою самою иконою Тихвинской Божіей Матери, которую незадолго передъ симъ, по просьбѣ ея, я прислала ей изъ Тихвина изъ Большого монастыря, гдѣ при чудотворной иконѣ ее и освятили. Брата Константина благословила заочно образомъ Спасителя въ серебряной ризѣ. Когда-же ей напомнили обо мнѣ, она тяжело вздохнула и, прослезившись, сказала: „я давно уже благословила ее, да поживаетъ на ней благословіе Божіе; скорбѣла я за нее,—но да проститъ намъ Господь. Я надѣюсь, что она вѣчная за насъ молитвенница, ее Царица Небесная избрала Себѣ“. Все время до послѣдней минуты она находилась въ твердомъ сознаніи, какъ и обычно умирающимъ такою длительною чахоткою, какъ умирала она.

Оправившись нѣсколько послѣ первыхъ впечатлѣній, мнѣ надлежало озаботиться о дальнѣйшемъ устройствѣ нашихъ дѣлъ. Проводивъ брата обратно въ корпусъ, я прежде всего занялась устройствомъ дѣлъ по дому и усадьбѣ; назначили опекуна, которому я все сдала по описи, домъ (господскій) запечатали, такъ какъ жить въ немъ пока было некому, а сестру отвезла къ помѣстнымъ сосѣднимъ помѣщикамъ, сама же поѣхала въ Петербургъ хлопотать о сиротахъ, о назначеніи имъ пенсіи и о принятіи ихъ на казенный счетъ въ училища. Определить сестру въ болѣе высшее учебное заведеніе мнѣ было весьма трудно, такъ какъ она оказалась вовсе неподготовленною, а лѣтъ ей уже было 12. По пути со станціи я, конечно, заѣхала къ о. архимандриту Лаврентію, къ которому такъ рвалась моя душа, чтобы подѣлиться съ нимъ всѣмъ пережитымъ мною въ теченіе около пяти лѣтъ монастырской жизни, а равно и для того, чтобы не безъ совѣта его начать дальнѣйшія распоряженія относительно родительскаго имѣнія и сиротъ. Я не ошиблась въ надеждѣ найти въ немъ отца и совѣтника во всемъ. Онъ благословилъ меня принять на себя всѣ хлопоты по устройству дѣтей, особенно сестры, сказавъ, что этимъ я исполню волю покойной матери. Отдохнувъ у него въ Иверѣ и душой, и тѣломъ, приобщившись св. Таинъ, я отправилась въ Петербургъ хлопотать. Все мнѣ удалось; брата приняли на казенный счетъ, вмѣсто своекоштнаго, а сестру зачислили кандидаткою—(тоже казеннокоштною) въ нашъ-же Павловскій институтъ съ тѣмъ лишь условіемъ, если она выдержитъ экзаменъ для поступленія въ 6-й кл., такъ какъ для младшаго, 7-го, она вышла изъ лѣтъ. Это условіе являлось трудной задачей для меня. Конечно, можно было нанять гувернантку для подгото-

вленія сестры, но надежды на успѣхъ представлялось не много, потому что требовалось много усидчиваго самоотверженнаго труда, чтобы достигнуть цѣли—подготовить для сдачи экзаменовъ. Я прѣшла остаться сама на все лѣто и заняться обученіемъ сестры. Сколько за это время я перенесла всякаго рода скорбей и нравственнаго труда, знаетъ только моя душа, а описывать это не вижу нужды. Пять мѣсяцевъ пробыла я въ міру, отъ 21-го марта до конца августа, наконецъ, съ Божіею помощію, опредѣлила сестру въ институтъ, и, побывавъ еще разъ въ Иверѣ, наконецъ вернулась въ свою дорогую обитель.

Одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ для всякаго живущаго въ обители—вопросъ о кельѣ, т. е. о комнатѣ, въ которой кто живетъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ почти всѣ кельи „собственныя“, т. е. откупленныя на всю жизнь владѣлицѣ, причемъ и ремонтъ, и поддержка кельи, все уже лежитъ на ея заботѣ, и она живетъ въ ней полной хозяйкой, беретъ себѣ келейницу, т. е. послушницу для услуги, по своему усмотрѣнію и выбору. Тѣ-же, которыя не имѣютъ средствъ „купить келью“, живутъ въ общихъ помѣщеніяхъ, т. е. гдѣ и съ кѣмъ придется. Въ Тихвинскомъ монастырѣ, хотя и не исключительно, но существовалъ такой порядокъ съ тою только разницею, что кельи продавались въ „собственность“ только или уже пожившимъ въ монастырѣ и испытаннымъ извѣстнымъ искусомъ, или же, если и вновь вступающимъ, то лицамъ болѣе зрѣлаго возраста. Поступая въ монастырь, я не смѣла и думать просить себѣ келью;—теперь-же, возвращаясь, съ благословенія о. архим. Лаврентія я рѣшилась непременно просить келью, предложивъ за нее и деньги. Когда я говорила объ этомъ съ батюшкою, то онъ сказалъ замѣчательное слово, которое не лишнимъ считаю привести здѣсь: *„въ толпѣ, въ молвѣ могутъ жить люди, или уже совершенные, всегда сосредоточенные во внутренней клятвѣ сердца своего, или же люди пусты, не знающіе цѣны уединенію“*. Когда, пріѣхавъ, я стала просить матушку дать мнѣ келью, предлагая за нее и деньги, то она объявила мнѣ, что и сама хотѣла предложить мнѣ келью въ новомъ только что этимъ лѣтомъ выстроенномъ корпусѣ, но только безъ платы, такъ какъ лѣсъ на весь этотъ корпусъ пожертвованъ лѣсопромышленникомъ Снѣтковымъ, котораго дочь я приготавливала въ пансіонъ, и который самъ просилъ, чтобы въ этомъ домѣ была келья и для меня. Эта келья была во 2-мъ, т. е. въ верхнемъ этажѣ, угловая, выходившая окнами на востокъ и на югъ. Песказанно обрадовалась я такому счастью и готовилась перейти туда съ какою-либо старицею, которой, какъ я думала, поручать меня, какъ еще молодую послушницу, ибо мнѣ было лишь 26 лѣтъ. Каково-же было мое удивленіе, когда, вмѣсто старицы, мнѣ назначили келейницу-послушницу и еще одну вновь поступившую молоденькую 14-ти лѣтнюю дѣвушку изъ С.-Петер-

бурга, дочь смотрителя Охтенскаго кладбища Любовь Колесникову. Обѣ онѣ помѣстились въ одной передней кельѣ, а я одна— во второй. Келейница наша цѣлый день проводила на „послушаніяхъ“ (т. е. на казенныхъ работахъ, общественныхъ, по назначенію), а мы съ Любой, какъ обѣ клиросныя, ежедневно ходили ко всякой службѣ, а въ теченіе дня каждая въ своей кельѣ сидѣли за рукодѣльемъ. Я твердо рѣшилась, съ помощію Божіею, заняться обученіемъ себя внутренней молитвѣ и самовниманію; и теперь, когда ничто не отвлекало меня, ни дѣла, ни даже лишніе люди, я вся предалась своему дѣлу. Переписываться съ моимъ духовнымъ отцемъ и руководителемъ о. Лаврентіемъ мнѣ было вполне удобно, такъ какъ письма могла отправлять непосредственно на почту, что мнѣ было дозволено, и я нерѣдко получала отъ него письма. Счастливейшее и лучшее время изъ всей жизни моей было это время. Ему я обязана всѣмъ, если что-нибудь приобрѣла для своего внутренняго челоуѣка. Настолько спокойно и тихо внутренне жилось мнѣ, что я не смѣла вѣрить въ возможность продолжительности такого состоянія, не „крестною“, по общему понятію о монашеской жизни, представлялась она мнѣ, а „райскою“, насколько доступенъ рай на землѣ; я на опытѣ извѣдала силу словъ Христовыхъ: „Царствіе Божіе внутри васъ есть“. О молитвѣ Иисусовой, т. е. о внутреннемъ непрестанномъ призываніи имени Иисуса Христа, писалъ мнѣ о. Лаврентій: „Молитва Иисусова,—это безцѣнное достояніе истинныхъ монаховъ, въ привыкшемъ къ ней сердцѣ дѣлается, какъ-бы занозой, безпрестанно напоминающей о себѣ и ноющей,—когда нѣтъ ей Сладчайшаго Имени! Ревнуй о внутренней молитвѣ;—въ ней вкусишь счастье, блаженство среди невзгодъ и всѣхъ напастей!“ По его совѣту я начала заниматься изученіемъ наизусть канонѣвъ: покаяннаго, молебнаго Богоматери, не употребляемыхъ въ числѣ „монашескихъ правилъ“, такъ какъ эти послѣднія я, отъ навыка, давно уже затвердила на память, благодаря хорошей памяти. Въ этой келейкѣ я впервые сподобилась вкусить во время молитвы нѣчто подобное тому, какъ видѣла у матери Теокисты, подробности о чемъ впрочемъ умолчу.

Въ этой келейкѣ я имѣла возможность цѣлыми ночами сидѣть за чтеніемъ священныхъ книгъ, залершись въ ней, чтобы огонь не мѣшалъ другимъ. Наконецъ, въ ней получила я возможность возобновить обычай матери моей и ею мнѣ указанный въ примѣрѣ возможнаго подражанія—кормить нищихъ, что, впрочемъ, дѣлала съ осторожностію, боясь возбудить ропотъ сосѣдокъ; впрочемъ ближайшая сосѣдка моя, жившая на однихъ со мною сѣняхъ, сочувственно относилась къ этому и хранила нашу тайну. Она сама была благородная старушка М. Гордѣева. Да и не часто позволяла я себѣ это утѣшеніе: ниція старушки разговлялись у меня лишь въ Рождество Христово и въ день Успенія Бого-

матери. День же Алексія, человѣка Божія, я помнила инымъ способомъ милостыни, что сдѣлалось для меня еще доступнѣе, когда я получила наконецъ наслѣдственно отказанныя мнѣ дѣдомъ моимъ деньги, заимообразно данныя имъ подѣ векселя г-жѣ Максимовичъ. Г-жа Максимовичъ тоже умерла, и долговъ у нея оказалось не мало, почему учреждено было конкурсное правленіе, назначившее въ продажу ея имѣнія и земли, находившіяся въ разныхъ уѣздахъ Новгородской и Тверской губерній.

Деньги я получила не всѣ, а только самую сумму долга 2.750 р., проценты-же, которыхъ тоже не мало насчитывалось, мнѣ обѣщали уплатить послѣ слѣдующихъ торговъ и продажъ имѣній ея, но я больше не заявляла и не хлопотала, а такъ какъ мнѣ болѣе не высылали, то я и не гналась за большимъ.

Такъ проходило время, и я уже нѣсколько лѣтъ жила въ своей безцѣнной для меня келейкѣ. Въ первый-же годъ моего водворенія меня покрыли рясофоромъ, т. е. постригли въ малый постригъ, который въ сущности не считался постриженіемъ и назывался „малымъ“. Въ тѣ времена еще не было запрещенія перемѣнять имена въ рясофорѣ, и меня назвали именемъ Аркадіи, такъ какъ не задолго умерла у насъ свѣщница Аркадія, и имя это хотѣли возобновить.

Принявъ хотя и малое постриженіе, я, конечно, озаботилась въ душѣ о томъ, какъ бы сдѣлаться достойнѣе для ношенія иноческой одежды и даже камилавки, которую возложили на мою голову. Принять на себя какой-либо болѣе трудный подвигъ, я не смѣла безъ благословенія, да и наученная о архим. Лаврентіемъ не налагать ихъ своевольно, я не предпринимала ничего, кромѣ вышеприведеннаго образа жизни, въ самообученіи внутренней молитвѣ и самовниманію. Милосердный Господь, никогда не оставлявшій меня безъ вразумленія во всѣхъ болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ моей жизни, и тутъ не замедлилъ явить мнѣ Свой о мнѣ Промыслъ слѣдующимъ образомъ.

Видится мнѣ во снѣ, что я съ другими нашими сестрами иду по дорогѣ гдѣ-то въ полѣ на открытомъ мѣстѣ. Идемъ мы всѣ по-двое, парами, въ полной монашеской одеждѣ. Вдругъ я увидала идущихъ поперекъ поля и направляющихся прямо къ намъ (сбоку) двухъ человѣкъ. По виду ихъ, — одинъ былъ монахъ, въ маптіи и камилавкѣ, крепь которой (т. е. наметка) былъ сшита у него на лицо; въ рукахъ онъ держалъ постригательный крестъ, какъ новопостриженный; другой—подобенъ нищему, шелъ вслѣдъ монаха въ разодранной бѣлой рубахѣ, съ всклокоченными волосами; какъ юродивый, онъ подпрыгивалъ и ѣлъ кусокъ бѣлаго хлѣба, который держалъ въ рукахъ. Подходя ближе ко мнѣ, онъ какъ бы поддразнивалъ насъ своимъ кускомъ и все подпрыгивалъ, улыбаясь. Монахъ же шелъ молча съ опущенными внизъ глазами и, казалось, весь былъ углубленъ въ себя.

Я обратила на нихъ все свое вниманіе, а когда оглядѣлась, товарки мои всё куда-то исчезли, и я стояла на дорогѣ одна. Между тѣмъ явившіеся подошли и пошли подлѣ меня. Юродивый пристально и зорко смотрѣлъ на меня, сначала молча, а потомъ сказалъ: „Что задумалась?—неси свой крестъ, какъ братъ Іоаннъ, а посмотри-ка на меня, какъ беззаботно и весело я поскакиваю, снѣдая свой кусочекъ“. Такъ и ты, поскакивай, да поскакивай своею дорожкой, пусть люди смѣются,—ничего! Скачи себѣ, какъ Симеонъ юродивый, скачи,—вотъ уже недалеко и церкви!“ Съ этими словами онъ дѣйствительно вскочилъ въ двери церкви, къ которой мы незамѣтно подошли, за нимъ тихо вошелъ и Іоаннъ. Я проснулась. Истолковала я себѣ этотъ сонъ такъ: не надобно ухитряться изыскивать себѣ пути спасенія, а въ простотѣ сердца идти путемъ, указаннымъ Промысломъ Божиимъ, не обращая вниманія, не останавливаясь сторонними насмѣшками и молвою; нести свой монашескій крестъ.

Въ послѣдующей жизни моей, я не могла не подмѣтить въ себѣ какъ бы оттѣнокъ юродства; по мѣрѣ сближенія моего и столкновенія съ людьми, я не могла не сознать, что не умѣю жить и даже держать себя среди нихъ. Это замѣчаютъ и всѣ, кто меня знаетъ ближе. Крестъ ненависти и зависти ко мнѣ людской,—есть спутникъ всей моей уже и теперь долголѣтней жизни; но, думаю, онъ доведетъ до могилы меня, т. е. будетъ неизмѣннымъ моимъ спутникомъ. О, зато онъ станетъ надъ моею могилой не только, какъ обычное украшеніе христіанскихъ могилъ, но и какъ символъ крестоношенія погребенной подъ нимъ, какъ неотъемлемая принадлежность моя.

Мирно и тихо протекала жизнь моя въ этой кельѣ, и уже близился къ концу шестой годъ моего въ ней пребыванія. Мнѣ не вѣрилось въ возможность продолжительности такой тихой, безмятежной жизни; вотъ, вотъ, думаю, стряется какая-либо бѣда; вѣдь по русской пословицѣ,—„затишье передъ бурей бываетъ“. Или, думаю еще, что Господь Своими непостижимыми судьбами Промышленія о насъ, даетъ мнѣ это время для нравственнаго отдохновенія и подготовленія къ предстоящей мнѣ, можетъ быть, тяжелой жизни, исполненной многихъ скорбей.

И я не ошиблась,—предчувствіе не обмануло меня. Мнѣ уже готовилось и, такъ сказать, готовилось на глазахъ моихъ, сильное искушеніе,—я не только лишилась своей келейки, лишилась и обители Введенской, чего никогда бы не могла ожидать; искушеніе это превратило всю мою жизнь, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ ея строѣ.

Но такова была воля Божія. Видно, путемъ скорбей проводятся великія дѣла Промысла Божія „*Богъ въ тяжестехъ Его знаемъ есть*“. Но для нашего близорукаго ума, для нашего малодушія какъ тяжки и безвыходны кажутся наши скорби! Мы не

умѣемъ, да и не хотимъ въ безропотномъ повиновеніи усматривать въ нихъ великія цѣли Промысла.

Я уже упоминала, что при переходѣ моемъ въ келью матушка игуменія поручила мнѣ вновь вступившую дѣвочку, дочь смотрителя С. П. Малоохтенскаго кладбища, Любовь Колесникову.

Колесниковы были люди состоятельные и набожные. Мачеха Любушки (отецъ ея былъ женатъ на второй) нерѣдко прѣзжала къ Любушкѣ, и, конечно, останавливалась всегда у насъ. Она часто вспоминала, что мужъ ея, уже престарѣлый, очень желаетъ и самъ поступить въ монастырь, къ чему и ее склоняетъ. Однажды меня позвали къ матушкѣ игуменіи, которая и говорить мнѣ: „Вотъ Любушкина мать (Авд. Игн.) желаетъ поступить въ монастырь, такъ какъ и отецъ ея поступаетъ тоже въ Реконскую Пустынь; (въ 40 вер. отъ Тих.), она желаетъ занять именно вашу келью, въ которой вы живете, и вноситъ за нее вкладу 800 р.; что вы на это скажете?“ Такая неожиданность привела меня въ совершенное замѣшательство; я молчала. Она повторила свои слова, прибавивъ, что 800 р.—„кусочъ“ для монастыря. Видя, что ей угодно, чтобы я освободила келью для вновь вступающей женщины, я не нашла другого отвѣта, какъ сказать: „благословите, я уйду изъ кельи, но куда мнѣ перейти?“ Я знала, что кромѣ одной, въ нижнемъ этажѣ, большого каменнаго корпуса кельи, не было ни одной свободной, но не предполагала, что матушка игуменія рѣшилась предложить мнѣ ее, т. к. она была чрезмѣрно сырая, въ нее ежегодно весною подходила вода, а такъ какъ она была внизу и почти въ углу, то сырость тамъ была постоянная. Каково-же было мое удивленіе и обида, когда именно на эту келью указала мнѣ матушка игуменія. Я едва устояла на ногахъ и послѣдшила удалиться. Все бросилось мнѣ на умъ: „Не сама-ли она говорила мнѣ, что такъ дорожить моими трудами. Не она-ли сообщила мнѣ, что строившіе этотъ корпусъ Снѣтковы, просили ее дать мнѣ въ немъ келью. Не она-ли сама не брала съ меня неоднократно предлагаемыхъ ей денегъ и въ видѣ взноса и за келью. Да не тысячи-ли платились ей за мои труды, когда я занималась съ дѣтьми и деньгами, и мукою, и другими предметами хозяйства, и лѣсомъ, и всѣмъ.—Гдѣ правда? Гдѣ челоуѣколюбіе? Посылать въ такую сырую, чуть не въ подвальную келью, дѣвицу нѣжнаго, благороднаго воспитанія!“—Такія и подобныя мысли буквально физически закружили мнѣ голову; я едва дошла до садика, разведеннаго противъ нашего дома, невольно взглянувъ на отворенное окно моей келейки, не могла идти далѣе и и ушла на скамейкѣ въ саду. Когда нѣсколько оправившись, я поднялась въ свою келейку, то сряду-же бросившись передъ иконами, воскликнула со слезами: „прощай, мое родное гнѣздышко, мое училище духовное, мой раекъ на землѣ, мѣстечко перваго опыта моихъ монашескихъ подвиговъ и моленій! Какой уголокъ

пріютить теперь мое наболѣлое сердце? Мнѣ казалось, что съ лишеніемъ этой кельи, я лишилась пріюта и ласки всей обители. Молва о переводѣ меня въ другую келью изъ-за 800 р. Авд. Игн. новой и еще неизвѣстной обители женщины,—произвела всеобщій ропотъ, что было не безызвѣстно и матушкѣ. Я-же стала спѣшить перебираться, чтобы скорѣй покончить это грустное для меня дѣло. Къ удивленію моему, Люба моя не осталась въ моей кельѣ съ мачехой, она перешла со мною; осталась же съ нею наша келейная, а, вмѣсто нея, намъ дали еще молодую дѣвушку, деревенскую, отецъ которой, вдовецъ, принялъ на себя ради Бога жизнь странническую, или юродивую, а ее опредѣлили въ монастырь.

Новое мое помѣщеніе состояло тоже изъ двухъ отдѣленій: первое — совершенно темное, а второе въ два окна; но окна эти были маленькія, квадратныя, выходили они прямо къ забору сада (казеннаго), и для моихъ занятій вышивкою и другими рукодѣльями, особенно при моемъ (отъ природы почти) слабомъ зрѣніи, это было весьма неудобно. Вся стѣна подъ этими окнами отъ одного угла и до другого, а также и самые углы на цѣлый аршинъ были покрыты плѣсенью, никогда не уменьшавшейся. Мы пробовали обсушить ее, накаливая кирпичи и поставляя ихъ къ стѣнамъ и въ углы, но это производило только прѣль и большую сырость. Тяжелый, нетерпимый воздухъ производилъ постоянную головную боль. Уединяться для своихъ духовныхъ занятій, къ которымъ я такъ привыкла въ прежней кельѣ, не могла я, кромѣ какъ ночью, такъ какъ послушницы мои только спать могли въ первой темной кельѣ, а когда чѣмъ-нибудь занимались, то имъ необходимъ былъ свѣтъ. Переходъ нашъ въ нее былъ къ осени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, на самое тяжелое, сырое и темное время. Не прожила я, а промаялась всю зиму и ждала еще худшаго, ждала прихода воды весенней, по обычаю почти ежегодно посѣщавшей и наполнявшей всю келью на аршинъ высоты и болѣе, причемъ, конечно, жительницамъ со всѣмъ своимъ келейнымъ скарбомъ приходилось выбираться куда-нибудь въ чужую келью, гдѣ пустять „утопленницъ“, какъ у насъ смѣялись сестры другъ надъ другомъ шутя. На мое счастье въ этотъ годъ была не велика вода и пришла только подъ келью (причемъ все-же дала себя знать), но все-же не въ келью. (Впослѣдствіи это зло было уничтожено проведеніемъ подземныхъ трубъ).

Наступила Св. Пасха. По обычаю своему я пригласила и дорогихъ гостей моихъ, — нищихъ старушекъ, какъ и всегда, 20 числомъ. Въ концѣ литургіи собрались онѣ, пока еще всѣ въ церкви, чтобы избѣжать лишней молвы (уходили же онѣ отъ меня въ то время, когда всѣ сестры, разговѣвшись, вѣроятно, ложились отдыхать); здѣсь я поимѣла болѣе осторожности, такъ какъ сосѣди мои были для меня лица новыя и не знали о моемъ обычаѣ.

Когда я пришла домой, то, какъ и всегда, не раздваясь, въ полной монашеской одеждѣ стала служить своимъ дорогимъ гостямъ, въ лицѣ которыхъ видѣла Господа, сказавшаго: „елика сотворите единому сихъ меньшихъ,—Мнѣ сотворите“.

Я, съ помощью Любушки, подавала имъ чай, кофе и все разговѣнье, что было приготовлено, и внутренно радовалась этому; Аннушка-же наша въ теменькой комнатѣ наливала и готовила. Вдругъ всѣ мы были испуганы послышавшимся у самыхъ дверей нашихъ бряцаніемъ желѣза. Не успѣли мы и опомниться, какъ дверь растворилась, и въ нее вошли трое мужчинъ: 2 солдата ввели подъ руки крестьянина со связанными цѣпями руками, и всѣ остановились у порога. Въ ту же минуту Аннушка бросилась къ ногамъ связаннаго и, зарыдавъ, вскрикнула: „тятенька!“ Солдаты объяснили мнѣ, что этотъ „связанный“—духовный преступникъ, посаженъ въ острогъ за духовные проступки и что онъ попросился на Христовъ день къ дочкѣ, которая будто бы здѣсь; если можно, то они оставляютъ его на весь день, а если нѣтъ, то сейчасъ-же уведутъ обратно. Я тотчасъ-же послала Аннушку спросить на это благословеніе у матушки игуменіи, которое и послѣдовало. Солдаты, которыхъ мы тоже напоили чаемъ и угостили, чѣмъ пришлось, сняли съ Петра, (такъ звали отца Анны) желѣзные обручи и оставили его на мою поруку до вечера, когда хотѣли опять придти за нимъ. По удаленіи солдатъ, мы ввели Петра въ другую келью и предложили помѣститься съ гостями. „Миръ вамъ, и я къ вамъ“, сказалъ онъ садясь, но говорить много не сталъ, а почти все время плакалъ и крестился. Гости откушали и, получивъ, что имъ было приготовлено, пошли со слезами благодарности. Когда Петръ остался съ нами одинъ, а мы сѣли на мѣсто ушедшихъ и стали разговляться сами, онъ всталъ и, обратясь къ иконамъ, пропѣлъ три раза: „Христось Воскресе“. Слезы ручьемъ катились по его исхудалому и блѣдному лицу; мы, такъ всегда податливыя къ слезамъ, конечно, не уступили ему въ этомъ, но какъ-то торжественно радостны были эти слезы. Затѣмъ я предложила ему лечь отдохнуть, на что онъ возразилъ мнѣ: „это, спать-то, о высплусь, Богъ дастъ еще въ острогъ, на досугъ; а развѣ я здѣсь не отдыхаю?“. Когда я стала уходить въ трапезу обѣдать, оставляя Петра съ его дочерью отобѣдать въ кельѣ, я подумала: „не убѣжалъ бы онъ, — вотъ хлопотъ-то надѣлаеть“. Вдругъ Петръ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „не безпокойся, матушка, не убѣгу, не уйду, съ мѣста не сойду! Не надѣлаю тебѣ горя, у тебя и такъ его не мало!“ Весь день провелъ у насъ Петръ; хотя въ тонѣ рѣчи его и движеній и былъ оттѣнокъ юродства, но говорилъ онъ все такъ дѣльно, умно и высоко духовно, что нельзя было не убѣдиться, что онъ добровольно попадаетъ въ острогъ и на самомъ дѣлѣ великій подвижникъ. Вечеромъ, прощаясь съ нами, онъ горько плакалъ, говоря,

что уже болѣе не увидится со мною; на вопросъ мой отчего онъ такъ думаетъ, онъ отвѣчалъ: „тебя, матушка, далеко уведутъ, высоко поставятъ, великія дѣла тебѣ Богъ поручаетъ!“ Я, конечно, пренебрегла эти слова, но теперь они часто припоминаются мнѣ. Много у Бога сокровенныхъ рабовъ, и различными путями идутъ они.

Зима, проведенная мною въ такой сырой кельѣ, положила навсегда слѣды на мое здоровье. Съ наступленіемъ болѣе теплыхъ дней, когда стало возможнымъ выходить на свѣжій воздухъ, я большую часть дня стала проводить на крылечкѣ и сравнительно хотя немножко мнѣ полегчало. Когда случилось мнѣ встрѣчаться съ матушкой игуменіей, она всегда предлагала мнѣ между прочимъ, спросить: „какъ поживаете“, какъ-бы желая приласкать меня; но вопросъ этотъ, вмѣсто всякаго отвѣта, вызывалъ невольно слезы, выступавшія на глазахъ. Она и сама, видимо, раскаявалась въ своемъ поступкѣ, но дѣлать уже было нечего, приходилось ждать,—не освободится-ли келья иная, но таковой не оказывалось.

На 26-ое іюня, день Тихвинской иконы Богородицы, когда тысячи богомольцевъ приходятъ на поклоненіе Владычицѣ, пріѣхала изъ Иверскаго монастыря живущая тамъ за оградю, съ разрѣшенія митрополита Исидора, старица дворянка В. А. Теглева, которую я очень хорошо знала, познакомившись съ нею еще съ первой побывки моей у о. архимандрита Лаврентія. Глубокая преданность ея и уваженіе къ св. старцу прикрѣпили ее къ Иверу, гдѣ она проводила строгую монашескую жизнь, неопустительно посѣщала всѣ монастырскія богослуженія, кромѣ сего, служила святому старцу архимандриту Лаврентію и средствами и всѣмъ, чѣмъ могла. Я уже упоминала, что о. Лаврентій никогда не имѣлъ денегъ, которыя и считалъ не своими, когда получалъ свою настоятельскую долю отъ монастыря, а общими съ бѣдняками, коимъ всегда все и раздавалъ. Когда же подъ старость, недуги его осложнялись, силы измѣняли и требовали подкрѣпленія болѣе легкой и не столь суровой пищи, какъ братской трапезы, онъ не имѣлъ на это средствъ, равно какъ не имѣлъ рѣшимости обременять кого-либо своими немощами. Вотъ тутъ-то В. А. Теглева и оказалась для него благодѣтельницей: она въ своемъ домѣ, со своими служанками приготавливала ему кушанья, за которыми оставалось только придти его келейнику, сама навѣщала его и служила ему отъ всего усердія. Прибывъ въ Тихвинъ, она остановилась, по знакомству, у меня, но какой ужасъ произвела на нее моя келья, съ вѣчно заплѣснѣвшей наружной стѣной и черными отъ сырости углами. Переночевавъ лишь одну ночь, она поспѣшила выбраться въ гостиницу мужского, такъ называемаго „Большого“ монастыря, несмотря на многолюдство по случаю праздника. Оттуда она ежедневно на-

вѣщала меня и очень жалѣла меня, зная, какъ пагубно вліяла на здоровье эта сырость. Возвратившись въ Иверь, она обо всемъ рассказала о Лаврентію, который категорически написалъ мнѣ, что если къ осени не перемѣнить мнѣ келью, то это будетъ благословной причиною перемѣнить самый монастырь, а рисковать такъ здоровьемъ нѣтъ никакой необходимости и даже грѣшно: „все, писалъ онъ, надо въ мѣру и съ разсужденіемъ“. Но вотъ наступилъ и сентябрь, затхлый, удушливый воздухъ сдѣлался постоянной моей атмосферой, а исхода не предвидѣлось; я снова стала похварывать, лишилась способности пѣть на клиросѣ, читать и канонаршить, и мнѣ жаль было клироса, да и клиросѣ жалѣлъ меня, какъ одну изъ первыхъ своихъ пѣвицъ. Всѣ старицы и сестры жалѣли меня, видя, какъ я измѣнилась по наружности; но онѣ еще не знали, что происходило въ душѣ моей, какая томительная борьба.

Уже 14-й годъ моего пребыванія въ Тихвинскомъ Введенскомъ монастырѣ подходилъ къ концу; эта обитель была колыбелью моей монашеской жизни; въ ней протекли и самыя лучшія и самыя горькія минуты моей жизни духовной; я настолько любила эту обитель, что мнѣ казалось, что нигдѣ, кромѣ нея, я не найду ни счастья, ни спасенія души; оставить же навсегда—мнѣ было страшно и помыслить, тѣмъ болѣе, что я ни въ какомъ болѣе монастырѣ не бывала и намѣченнаго мѣста, гдѣ бы преклонить мнѣ свою голову, я не имѣла. Положиться въ этомъ случаѣ на выборъ и указаніе о. Лаврентія, я, конечно, не сомнѣвалась, но мысль, что гдѣ-бы то ни было, а все-же придется снова начинать привыкать къ новой обители, къ новымъ сестрамъ, новымъ порядкамъ и по всему быть, какъ „новенькой“, совершенно пугала меня. Съ другой же стороны, не смѣла и преслушать совѣтъ и благословеніе моего отца и духовнаго благодѣтеля, да и очень уже трудно было мнѣ жить въ сырости тѣмъ болѣе, что по всегдашней моей слабости зрѣнія, я должна были заниматься рукодѣльемъ-ли или чтеніемъ у самаго окна, слѣдовательно, у самой сырой стѣны. Душевные мои страданія, которыхъ, конечно, никто не зналъ, были сильнѣе физическихъ недомоганій; но время шло, наступилъ ноябрь, установился зимній путь, а я не трогалась съ мѣста, да, вѣроятно, и не достало бы у меня на то рѣшимости, если бы не случилось слѣдующее обстоятельство, положившее всему конецъ.

XVIII.

Въ началѣ ноября мѣсяца получены были матушкой игуменско бумага изъ Новгород. Губернской Палаты (нынѣ упраздненной), по которымъ вызывали меня туда, по дѣлу завѣщаннаго мнѣ наслѣдства, состоявшаго въ деньгахъ по векселямъ, о чемъ я уже упоминала, дѣдомъ моимъ—воспитателемъ моей ма-

тери. Отъ игуменіи требовалось удостовѣреніе въ томъ, что я не состою въ постриженіи монашескомъ, а меня вызывали явиться лично. Матушка игуменія, въ силу благословной причины, не стала удерживать меня, отпустила въ Новгородъ къ монахинѣ Евлогіи, справлявшей обычно разныя для всѣхъ порученія въ городѣ, поручено было найти надежныхъ попутчиковъ, съ которыми мнѣ бы ѣхать на лошадяхъ до станціи Чудово, 120 верстъ, а я стала собираться въ путь. Сердце мое чувствовало, что собираюсь изъ родной обители навсегда, да кажется, это чувствовалось и всѣми, хотя всѣ знали причину отъѣзда. Сестры и старицы, собравшіяся проводить меня, особенно любившія меня старицы, монахини Варсонофія, Анатолія, Анфія, Глафира, Ельпидифора и др. со слезами говорили мнѣ: „не пріѣдешь ты къ намъ больше, голубушка наша, такъ и чувствуется, что не пріѣдешь“. Матушка игуменія, когда я прощалась съ нею, благословила меня и сказала: „не торопитесь возвращеніемъ, погостите кстати, покончивши дѣла въ Новгородѣ, у своихъ въ усадьбѣ; Богъ дастъ, пройдетъ зима, а затѣмъ я приготовлю вамъ келью, болѣе удобную“. Я благодарила ее и съ горькими слезами разсталась съ нею. Доѣхавъ до Чудова, мы разстались со своими спутниками; до Новгорода тогда не было еще желѣзной дороги и приходилось снова ѣхать на лошадяхъ. Но я еще въ обители предначертала себѣ планъ,—прежде заѣхать въ Иверь къ своему отцу, старцу Лаврентію, принять его благословеніе и рассказать ему все и относительно причины моей поѣздки. Но люди духовные смотрятъ на дѣла иначе, чѣмъ мы, близорукіе: они во всемъ усматриваютъ пути Промысла Божія, а не простыя случайности, какъ думаемъ мы. Вотъ что сказалъ мнѣ на этотъ разъ о. Лаврентій: „Св. Евангеліе учитъ насъ, что и „волосъ главы нашей, не падаетъ безъ воли Отца Небеснаго“, поэтому, не думай, что переводъ твой изъ твоей любимой и дорогой тебѣ келейки въ дурную и сырую, совершился бы безъ воли Божіей; твоя мудрая и добрая игуменія не могла бы сего допустить, если бы не попустилъ, не повелѣлъ ей сего Господь. Тебѣ нужно было извѣдать и этотъ крестъ для большей опытности въ дальнѣйшей твоей жизни. Около 7-ми лѣтъ провела ты въ твоей любимой келейкѣ, какъ сама ты говоришь, привыкая въ ней къ уединеннымъ келейнымъ монашескимъ подвигамъ, къ тайной внутренней молитвѣ, и т. под.; значить, срокъ твоего обученія этому истекъ, надо было поучиться еще и самоотверженному терпѣнію; ну вотъ и поучилась немножко, а между тѣмъ, это послужило тебѣ какъ-бы вызовомъ тебя къ иному образу жизни, иного рода трудамъ, на пользу общую; вотъ и тутъ поучишься, какъ злато въ горнилѣ искусишься, а потомъ, и совершитъ Господь хотѣніе Свое о тебѣ; я уже говорилъ тебѣ, что Онъ Самъ тебя какъ бы за руку ведетъ,—предайся Ему всецѣло, Онъ лучше насъ съ тобой знаетъ, какими путями насъ

вести до Царства небеснаго. Въ Тихвинѣ болѣе ты не возвращайся; въ Новгородѣ 4 женскихъ монастыря, не торопясь, можешь присмотрѣться во всѣхъ, и гдѣ придется болѣе по душѣ, тамъ и останешься, впрочемъ Господь Самъ все устроитъ“.

Пробывъ нѣсколько дней въ Иверскомъ монастырѣ, подкрѣпившись многократною бесѣдою со старцемъ своимъ, поговѣвъ и причастившись св. Тайнъ, я отправилась въ Новгородъ, гдѣ и остановилась у одной давно знакомой мнѣ монахини Звѣрина-Покровскаго монастыря, Параскѣвы Алек. Калашниковой, старушки-дворянки, имѣвшей свою собственную келью. Чтобы принять кого бы то ни было, надобно было спросить разрѣшенія у м. игуменіи, что тотчасъ же и послѣдовало. Приѣхала я вечеромъ, послѣ вечерни. Игуменію въ то время была тамъ матушка Лидія, хотя и изъ дворянской фамиліи, но не получившая никакого образованія; а по сиротству отданная на воспитаніе съ 6-тилѣтняго возраста въ Новгородскій Свято-Духовъ монастырь, гдѣ впоследствии была и казначеею, а затѣмъ переведена въ Звѣринъ монастырь настоятельницею. Она была самага живого, сангвиническаго темперамента, но вмѣстѣ—очень добрая и привѣтливая. Увидѣвъ меня на слѣдующій день въ церкви и узнавъ о причинѣ моего приѣзда въ Новгородъ, она пригласила меня къ себѣ и даже предложила мнѣ монастырскихъ лошадей, когда надобно будетъ ѣхать въ присутственныя мѣста. Я, конечно, благодарила ее, но предпочитала или ходить пѣшкомъ, или ѣздить на извозчичьихъ санкахъ, чтобы не стѣсняясь посѣщать Новгородскую Святыню, которой тамъ такъ много, не забывая и совѣтъ о. архим. Лаврентія „присмотрѣться“ къ монастырямъ. Говоря по совѣсти, ни одинъ изъ нихъ мнѣ не понравился, сравнительно съ правилами и образомъ жизни Тихвинскаго монастыря. Въ городѣ безпрестанно и повсемѣстно можно было встрѣтить монахинь разныхъ монастырей, такъ какъ имъ не возбранялось ходить самимъ въ городъ, и на богомолье въ соборы и другіе монастыри, и въ лавки, и даже въ торговыя или общественныя бани, и кому, куда нужно. Для непривычнаго взгляда эта толкотня монахинь по городу не благопріятно вліяла на душу. Впрочемъ, какъ я послѣ узнала, сама жизнь монастырская поставляла ихъ въ такую необходимость. Напр.: въ Духовомъ монастырѣ не было даже и трапезы общей; каждая сестра должна была не только ежедневно приготовить себѣ что-нибудь пообѣдать, на что, разумѣется, посвящалось все утро, и она лишалась возможности быть у литургіи, но надобно было и достать то, изъ чего бы приготовить обѣдь, поневолѣ чуть не ежедневно приходилось имъ, бѣдняжкамъ, ходить на базаръ за провизіей, которой закупить на долго онѣ не могли, потому что не имѣли средствъ, едва зарабатывая понемножку; да и работы свои надо было куда-нибудь сбывать, а куда, какъ не въ тотъ же городъ, не въ тотъ-же міръ. Въ другихъ монастыряхъ, хотя

трапеза и была общая, но весьма скудная, а все остальное надо было купить, даже дрова и растопки, и уголья для самовара, и рѣшительно все. Писала я обо всемъ этомъ и о своемъ тяжеломъ впечатлѣннн по сему поводу отцу Лаврентію, но онъ отвѣтилъ мнѣ строго: „совѣтоваль бы я тебѣ, овца, не братья обсуждать чужіе порядки и дѣла по своему узкому кругозору и одностороннему взгляду. Сотни лѣтъ стоятъ эти старинныя древнія обители; тысячи инокинь въ нихъ жили, подвизались и спаслись, и нынѣ—живутъ, подвизаются и спасаются, а ты кто такая, что все забраковала и расхайла. Внимаи себѣ,—посмотримъ, какъ сама то будешь жить“.

Изъ этого письма я поняла взглядъ и желаніе моего духовнаго отца и не смѣла болѣе противиться, зная по опыту его прозорливость, и стала подумывать пристроиться въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей. Болѣе всѣхъ мнѣ нравилось въ Десятинскомъ монастырѣ, гдѣ въ то время была игуменьей м. Александра, кроткая и духовная старица. Одна только Параскева Алексѣевна, у которой я гостила, знала о моемъ намѣреніи, по волѣ моего духовнаго отца, остаться въ одномъ изъ Новгородскихъ монастырей. Она предупреждала меня, чтобы я до окончательнаго рѣшенія своего, гдѣ именно останусь, никакъ не говорила игуменн Лидіи, т. е. Звѣринской о своемъ намѣреніи; иначе она, какъ болѣе всего дорожившая хорошими пѣвчими и пѣніемъ, ни за что не дастъ мнѣ воли въ выборѣ монастыря, и станетъ уговаривать остаться здѣсь у нея. На другой-же день послѣ этого разговора, я поѣхала къ поздней литургіи въ Десятинный монастырь, послѣ которой думала зайти къ игуменн Александрѣ и попроситься въ ея монастырь, въ чемъ она не отказала бы, какъ я это достоверно знала. Къ сожалѣнню моему я узнала, что она уѣхала въ Юрьевъ монастырь по дѣламъ къ благочинному и вернется не ранѣе 3-хъ часовъ. Между тѣмъ въ путяхъ Божіихъ, вѣроятно, уже рѣшена была моя судьба. Какъ только я вернулась въ Звѣринъ монастырь, мнѣ сказала моя милая старушка Пар. Алекс., что уже нѣсколько разъ приходили отъ м. игуменн пригласить меня туда, такъ какъ съ нимъ пріѣхалъ нѣкто г-нъ Аренскій, любитель и композиторъ духовнаго пѣнія, будетъ самъ пѣть подъ скрипку свои пьесы и дѣлать спѣвку клироснымъ. Когда я сказала, что не застала игуменн Десятинской, Парас. Алекс. возразила: „уже не судьба ли вамъ остаться у насъ“. И въ самомъ дѣлѣ въ тотъ-же вечеръ сказалась эта судьба; и проситься мнѣ въ монастырь не пришлось, а меня просто оставили, даже упрашивали, чтобы я осталась. Когда я вошла въ залъ, тамъ уже пѣлъ г-нъ Аренскій подъ аккомпаниментъ скрипки составленную имъ „Херувимскую пѣснь“, которую потомъ и сталъ разучивать пѣть клиросныхъ, и эта „Херувимская“ и по сейчасъ поется тамъ подъ названіемъ „Аренской“. (Кстати упомяну, что г-нъ

Аренскій никогда не былъ учителемъ пѣнія Звѣрина монастыря; онъ, какъ мнѣ помнится, былъ докторъ и прежде жилъ въ Новгородѣ, а затѣмъ переселился въ Петербургъ, откуда и навѣщаль иногда своихъ прежнихъ знакомыхъ, особенно любителей пѣнія, въ числѣ которыхъ была и м. игуменія Лидія, и дѣлился съ ними своими произведеніями).

По приглашенію матушки я пошла къ ней, тамъ застала, кромѣ А., и другихъ любителей духовнаго пѣнія и нѣкоторыхъ пѣвчихъ монахинь, пришлось погѣть и мнѣ, и какъ-то само собой рѣшилась моя судьба, что я осталась въ этомъ монастырѣ.

XIX.

Мнѣ дали келью въ верхнемъ этажѣ одного изъ корпусовъ а послушаніе назначили, конечно, клиросное, сряду же поручивъ регентовать на правомъ клиросѣ. Это случилось оттого, что не задолго до моего пріѣзда м. Дарія захворала и отказалась отъ дѣла, а замѣнившая ее м. Марія чрезвычайно тяготилась своимъ назначеніемъ, потому что и дѣйствительно не была особенно способна, а по своему робкому характеру, при чрезвычайно строгомъ и взыскательномъ отношеніи м. игуменія къ пѣнію, совсѣмъ терялась до болѣзненности. Но не легко было и мнѣ сряду же стать во главѣ и незнакомаго мнѣ общества и не вполнѣ знакомаго и дѣла; хотя я и хорошо знала пѣніе и музыку и регентовала хоромъ еще въ институтѣ, но въ Тихвинѣ регентшей не состояла, а между институтскимъ и монастырскимъ пѣніемъ — разница большая. Къ тому же въ простомъ пѣніи, начинать какое-то и управлять имъ лежало тоже на обязанности регентши, было большее различіе въ напѣвахъ; всѣ почти гласы пѣлись иначе, чѣмъ въ Тихвинѣ, и мнѣ приходилось стараться забывать, чему навыкла въ 14 лѣтъ, и привыкать къ новымъ напѣвамъ. Находились между пѣвчими и добрыя сестры, которыя понимали мое затруднительное положеніе и съ любовію показывали мнѣ; но находились и такія, которыя сряду-же отнеслись ко мнѣ съ завистью, и теперь находили удобный поводъ какъ-бы отмстить мнѣ насмѣшками и колкостями, посылаемыми по моему адресу. Все это я понимала, все чувствовала; но рѣшилась ради поддержанія, насколько было возможно, мира не подавать и вида, что я страдаю душой. Я всегда старалась заговаривать съ моими ненавистницами, старалась ихъ попросить мнѣ показать, чего я не знала, хотя большинство изъ нихъ знали меньше меня. Въ праздники, когда пѣли все нотное, у меня сходило все прекрасно, и м. игуменія всегда благодарила и хвалила меня; но зато будни были днями моихъ искушеній. Всѣ 8 гласовъ стихирь, 8 гл. тропарей, 8 гл. ирмосовъ, конечно, нигдѣ не были напечатаны или написаны въ томъ своеобразномъ видѣ, какъ пѣлись, приходилось по слуху и по памяти навыкать. Мало-по-малу дѣло

стало укладываться; сестры недовольныя усмирились, я стала привыкать къ напѣвамъ, и казалось, что конецъ моему испытанію наступалъ. Но тутъ возникло другое, несравненно большее искушеніе, чего я никогда не ожидала и не могла предполагать. Описывать его не стану, да не соблазнятся слышащіе,—скажу только, что оно послѣдовало со стороны стоящихъ во главѣ управленія. Не знаю,—выдержала-ли бы я эту напасть, если бы не послалъ мнѣ Господь помощь и подкрѣпленіе въ лицѣ одной старицы, ризничей, монахини Людмилы. Въ то время, какъ многія изъ всѣхъ знавшихъ мое невинное гоненіе, отвернулись отъ меня изъ страха подпасть неудовольствію матушки, эта старица буквально взяла меня подъ свое покровительство, утѣшала меня не столько словами, сколько дѣломъ; бывало скажетъ, что у ней очень много шитья и позоветъ меня на цѣлый день къ себѣ шить, и среди общей съ ея помощницами и съ нею вмѣствъ работы, незамѣтно пройдетъ день, который, если бы я оставалась въ своей кельѣ одна, я бы весь провела въ слезахъ и въ смущеніи. Или бывало дастъ мнѣ въ келью какихъ нибудь лакомствъ и позоветъ меня съ кѣмъ-нибудь изъ пѣвчихъ и т. под. Но развѣваемое и и сдерживаемое такимъ образомъ въ теченіе дня горе, постоянно камнемъ давившее сердце, давало себѣ полную свободу ночью въ слезахъ и размышленіяхъ. Врагъ всеобщаго спасенія, начавъ одолѣвать меня, усердно доводилъ свое дѣло до конца. Онъ внушалъ мнѣ такія мысли: теперь уже все равно я утратила навсегда все свое спасеніе, всѣ монашескіе подвиги; разъ сорвавшись съ своего корешка, изъ первой обители, мнѣ не привиться здѣсь ни по духу самой обители, ни по кознямъ, коихъ здѣсь такъ много, ни почему бы то ни было. Если пойду еще въ другую обитель, будетъ то же, или еще худшее. Да и какая эта обитель (какъ и всѣ городскія)—среди городской суеты, монахини живутъ всецѣло на своемъ содержаніи, не имѣя возможности заняться „единымъ на потребу“, по необходимости должны *„пещися и молвить о многѣмъ“*, а сколько между ними взаимнаго грѣха,—недружелюбія, зависти, самолюбія и проч., личину только монашества мы здѣсь носимъ, только морочимъ людей, живемъ хуже, чѣмъ въ міру, лучше уже прямо уйти въ міръ и жить уединенно, тихо содѣвая въ тайнѣ свое спасеніе“. Таковы были мои мысли, а на замомъ дѣлѣ я чувствовала, что никогда не рѣшусь уйти въ міръ; я вспоминала мое первое призваніе—видѣніе, бывшее еще въ институтѣ, мнѣ становилось стыдно и странно своего душевнаго состоянія, я падала передъ св. иконами, какъ растерянная; не молитва тихая, послѣдовательная, а какія-то несвязныя восклицанія срывались съ устъ какъ-бы невольно: „Господи, не дай мнѣ съ ума сойти“. „Господи, поддержи меня, я изнемогаю, погибаю въ борьбѣ, или положи конецъ моимъ испытаніямъ“ и т. под. Никто не зналъ этихъ моихъ страданій, моихъ безсонныхъ ночей, никто

не видалъ моихъ слезъ и рыданій. Но Всевидящее Око все видѣло и не оставило и на этотъ разъ безъ утѣшенія Своего малодушнаго ребенка.

Однажды послѣ обѣда вышла я погулять близъ ограды со стороны р. Волхова, берегъ котораго до самой ограды представляетъ широкій прекрасный покосъ. Незамѣтно пошла я направо и дошла до самага конца ограды, до угловой башни, и присѣла на случившійся тамъ подлѣ башни камень. Не могу сказать—задремала-ли я, или просто нашло на меня какъ-бы забытье какое, только слышится мнѣ, что въ городѣ, на соборѣ, бьютъ часы; я считаю... бьетъ 12 часовъ.—Не можетъ быть, думаю я, если 12 час. дня, то какъ-же въ 1-мъ отошла трапеза, а сколько прошло времени, пока я вышла и вотъ дошла, не торопясь до этого мѣста; а если 12 ч. ночи, то и тѣмъ болѣе не можетъ это быть.—Смотрю по направленію часовъ, и вижу—тьма непроглядная, лишь циферблатъ, освѣщенный висячимъ передъ нимъ фонаремъ, показываетъ стрѣлку на 12-ти часахъ, а кругомъ непроницаемая темнота. Вдругъ чей-то голосъ говоритъ мнѣ: „вотъ видишь,—въ монастырѣ-то хотя уже и темненько, но еще сумерки, вечеръ, а въ міру давно уже полночь“. Я очнулась, сряду-же поняла урокъ вразумленія, и мнѣ полегчало на душѣ. Говорю это къ тому, что, можетъ быть, и не мнѣ одной приходили подобныя мысли, такъ вотъ какъ вразумительно избавилъ меня отъ нихъ Господь, никогда и ни въ какомъ затруднительномъ случаѣ не оставлявшій меня безъ вразумленія и утѣшенія. Если и попускаетъ Онъ иногда сильныя и тяжелыя искушенія, такъ что мы, немощныя, едва, едва сносимъ ихъ, то это для нашего большаго смиренія, чтобы мы сознали и отъ души прочувствовали, „куда мы годны безъ Его святой помощи“.

Время шло и съ собою уносило все прошлое, пережитое: и хорошее, и дурное, и тяжелое. Миновали бури, наступала тишина, затѣмъ снова волновалось житейское море и снова утихало, какъ и обычно бываетъ, такъ случалось и въ моей маленькой жизни. Но все, что я считала тяжелымъ и страшнымъ въ то время, какъ оно совершалось, было лишь какъ бы преддверіемъ тѣхъ тяжестей, которыя суждено было мнѣ Промысломъ Божіимъ понести въ свое время. Но да будетъ за все слава Господу, указавшему намъ собственнымъ примѣромъ не иной, какъ крестный путь къ Царству Небесному.

XX.

Проживши года три въ Звѣринонъ монастырѣ, я, съ благословенія матушки игуменія, поѣхала въ Иверскій монастырь, спровѣдити своего дорогаго старца, о. архимандрита Лаврентія. Онъ былъ уже очень слабъ, почему сдалъ управленіе монастыремъ Пороничскому отцу архимандриту Веніамину (о которомъ я многократно упоминала), а самъ пребывалъ „на покоѣ“.

Новый настоятель покоилъ старца, какъ сынъ отца; самъ онъ помѣстился въ кельяхъ о. намѣстника, чтобы ничѣмъ не нарушать покоя о. архимандрита Лавреція, предоставивъ ему оставаться въ занимаемыхъ имъ настоятельскихъ кельяхъ. Вообще онъ относился къ нему съ искреннею любовію, преданностію и глубокимъ почтеніемъ, предупреждалъ всякое его желаніе, охранялъ отъ всего, могущаго его огорчить, для чего по нѣскольку разъ въ день навѣщалъ его кельи, наблюдая неизмѣнно тотъ порядокъ, который былъ введенъ самимъ старцемъ. Такое вниманіе со стороны настоятеля доставляло благоговѣйному старцу то единственное удобство, къ которому только и стремилась теперь его душа,—среди полного, свободнаго отъ начальственныхъ заботъ уединенія, предаваться безпрепятственно молитвѣ и богомыслию.

Когда я прибыла въ Иверскій монастырь, то о. архимандритъ Веніаминъ, давно уже знавшій меня, не замедлилъ пригласить меня къ себѣ, при чемъ и сообщилъ мнѣ о состояніи дорогого для обоихъ насъ старца, о чемъ мы оба не мало поскорбѣли. Онъ сообщилъ о моемъ пріѣздѣ старцу, который пожелалъ поскорѣе увидѣть меня, чѣмъ я, конечно, и воспользовалась, такъ-какъ это и была цѣль моего пріѣзда. Меня проводили въ кабинетикъ старца, гдѣ онъ за послѣднее время пребывалъ почти неизходно, сидя или лежа на своей койкѣ, въ ватномъ подрысничкѣ, съ коимъ не разставался и къ ночи.

Я застала его сидящимъ на койкѣ. Видъ его поразилъ меня. Все въ немъ говорило, что онъ угасаетъ, и—вотъ, вотъ уже со-всѣмъ угаснетъ. Подошедъ къ нему, я молча опустила на колѣна, ибо не имѣла силы выговорить ни одного слова. Онъ понялъ мое смущеніе, у него самого заблестѣли на глазахъ слезы, онъ молча положилъ мнѣ руку на голову и не безъ усилія проговорилъ свое обычное мнѣ наименованіе: „овца“. Затѣмъ началась наша бесѣда, но какъ-то отрывисто, краткими фразами, каковыми я старалась ограничиваться, чтобы не обезпокоить его.

У изголовья койки стоялъ маленькій столикъ; на немъ лежала книга (въ 4-хъ дол. листа) церковной печати; то былъ акаѣистъ Успенію Божіей Матери. Указавъ мнѣ на эту книгу, батюшка сказалъ: „вотъ моя теперешняя Собесѣдница, моя Утѣшительница; вспоминаю съ Нею родную мою Лавру Кіевскую; предъ Нею, Владычицею, я произносилъ мои обѣты иноческіе при постриженіи, а теперь готовлюсь отдать отвѣтъ въ нихъ. Милости прошу у Ней, Владычицы, да покроетъ Она меня, грѣшнаго, нерадиваго инокъ“. Затѣмъ, помолчавъ, еще сказалъ: „Только и прошу Господа, чтобы не лишилъ Онъ меня силы держать непрестанно въ умѣ и въ сердцѣ сладчайшее Имя Его до послѣдняго издыханія“. Затѣмъ онъ поручилъ мнѣ открыть ящичекъ и вынуть изъ него небольшую рукопись, что я и исполнила. „Это прекрасная молитва батюшки нашего о. іеромонаха Парвенія, которую онъ самъ

составилъ и читалъ, вотъ и теперь ее повторяю; хочешь ты, такъ возьми себѣ, и тебѣ она пригодится“, сказалъ онъ мнѣ.

Не бесполезно, думаю, написать эту молитву, вотъ она: „Безмужняя Эмануила Мати, кристаловидная Параклита Невѣсто. При послѣднемъ моемъ издыханіи предстани ми въ помощь; кровію Божественною Христовою напитай мя въ далекій путь и даже до Царскихъ вратъ, донележе поклонюся Судіи мнѣ любимому, провожатая ми буди, милости Пучина, Утѣшительница всепѣтая“.

Опасаясь долго утруждать старца-праведника и лишая его постоянно молитвеннаго общенія съ Богомъ, я спѣшила удалиться и дать ему покой. Испросивъ благословенія поговѣть и причаститься св. Тайнъ, я простилась съ нимъ, при чемъ онъ сказалъ: „приходи ко мнѣ каждый день послѣ поздней литургіи; въ эти часы я свѣжъ и могу говорить, а къ вечеру уже совсѣмъ слабѣю; приходи,—соутѣшимся еще, пока здѣсь, на землѣ“.

Въ теченіе немногихъ дней пребыванія моего въ Иверскомъ монастырѣ, я съ наслажденіемъ пользовалась милостивымъ позволеніемъ старца посѣщать его и жаждала этого времени, какъ „елень источника воднаго“.

Кратки, но тѣмъ не менѣе глубоко назидательны и незабвенны для меня были эти послѣднія съ нимъ бесѣды. Самый видъ этого праведника, какъ бы уже покончившаго всѣ расчеты съ земною суетою, и всею мыслию жившаго лишь въ Богѣ, сильнѣе всякаго слова говорилъ душѣ. Впрочемъ, несмотря на физическую слабость свою, онъ охотно, съ отеческою любовію бесѣдовалъ со мною, видимо, стараясь привести душу мою въ такое состояніе, чтобы она прочувствованно, убѣжденно сознала всю ничтожность, т.-е. маловажность скорбей и невзгодъ здѣшней жизни, взирая очами вѣры на обѣщанное за нихъ воздаяніе. „*Не у до крове стаете*“, приводилъ онъ слова апостола,—„значить, надобно терпѣть и подвизаться даже до пролитія крови, а не изнемогать подъ легкими (сравнительно) ударами мелочной жизненной суеты. „Этими неизбѣжными столкновеніями“, говорилъ онъ, „Господь обучаетъ лишь тебя для дальнѣйшихъ подвиговъ терпѣнія большихъ скорбей, которыя придутъ въ свое время и тебѣ самой, и другимъ, которыя потребуютъ отъ тебя-же утѣшенія и подкрѣпленія. Скорби,—это удѣлъ монашеской жизни, ея неотъемлемая принадлежность, отъ самаго начала ея и до конца. Съ возрастомъ духовнымъ монаха возрастаютъ и скорби, т.-е. степень ихъ; младенцу—младенческія скорби, а зрѣлому возрасту,—зрѣлыя скорби, „*жомуждо противу силы*“, какъ сказано. Нѣтъ тяжелѣй скорбей начальническихъ; но подчиненнымъ какъ-то не вѣрится этому, имъ кажется—наоборотъ, что настоятельская жизнь и легка, и безбѣдна, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она есть тягчайшій крестъ изъ всѣхъ иноческихъ крестовъ, который своею тяжестію придавливаетъ къ землѣ нашего брата раньше времени. Вотъ

придетъ время,—сама испытаешь на себѣ“. Такими совершенно ясными словами, или косвенными намеками, но всякій разъ во время нашихъ бесѣдъ батюшка не пропускалъ случая напомнить мнѣ о трудности и высотѣ настоятельской должности, всегда при этомъ прибавляя: „сама узнаешь, сама испытаешь“, какъ бы въ отвѣтъ на мою мысль, что все это онъ говоритъ для того, чтобы я не осуждала строго настоятелей въ ихъ невольныхъ ошибкахъ и проступкахъ человѣческихъ. Но, наконецъ, я рѣшилась сказать ему: „родной отецъ мой! Вы такъ мнѣ говорите, какъ будто мнѣ самой предстоитъ это начальственное бремя“.

— „Такъ, овца, именно такъ; тебѣ оно и предстоитъ, къ сожалѣнію; ты на то и отмѣчена Богомъ и избрана, а „ихже избра: Господь, тѣхъ и оправдаетъ“, умудритъ. Вникни въ пути твоей жизни, коими тебя Господь ведетъ, вдумайся,—и сама поймешь Его промыслительные пути.

Вотъ ты съ первой минуты вступленія въ монастырь все находишься близъ настоятельницъ; не думай, чтобы это было случайно,—у Бога нѣтъ случаевъ, а все промыслительно. Находясь часто при настоятельницахъ, ты имѣешь возможность близко видѣть ихъ дѣла управленія, ихъ отношенія къ сестрамъ и взаимно — сестеръ къ нимъ; это даетъ тебѣ опытъ, который въ свое время и принесетъ тебѣ большую пользу. Видя въ этихъ отношеніяхъ и доброе, и злое, примешь въ руководство себѣ эти примѣры, ибо примѣръ лучшій, чѣмъ любая книга, наставникъ. Не говорю тебѣ приглядываться нарочито, или обсуждать дѣйствія настоятельницъ—сохрани Богъ отъ этого, это дѣло не твое, а все же нельзя не видѣть того, что передъ глазами, и надо изъ всего извлекать себѣ уроки“.

Когда я въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ пришла къ батюшкѣ, эта послѣдняя наша бесѣда была особенно трогательна, а для меня и незабвенна. Оба мы сознавали, что видимся въ послѣдній разъ здѣсь, на землѣ.

Онъ встрѣтилъ меня словами: „Что, уѣзжаешь нынѣ?“.

Вмѣсто отвѣта, я заплакала, сѣвъ подлѣ него на стулѣ. Заплакалъ и онъ, и уже не скрывалъ своихъ слезъ и своего смущенія. Мы оба молчали; наконецъ, онъ прервалъ молчаніе, сказавъ: „Жаль мнѣ тебя, овца; много горя предстоитъ тебѣ въ жизни „многими скорбями подобаетъ намъ внити въ царство небесное“. Господь и Владычица не оставятъ тебя, возлагай на Нихъ все свое упованіе. Мой путь уже кончается; не сегодня—завтра, отойду въ иной міръ. Если обрѣту дерзновеніе,—не забуду тебя и тамъ, передъ Господомъ, а ты поминай меня.—Затѣмъ онъ указалъ мнѣ на кіотъ, стоявшій въ углу; подлѣ кіота стояла палка, служившая ему посохомъ, на которую онъ опирался при ходбѣ, и приказалъ мнѣ подать ему этотъ посохъ, что я и исполнила, думая, что онъ хочетъ встать. Взявъ въ лѣ-

вую руку посохъ, онъ приказалъ мнѣ стать на колѣни противъ него и положилъ мнѣ правую свою руку на голову, благословивъ меня, и сказалъ: „вотъ, возьми этотъ посохъ, обопришь на него и держи разумно и твердо. Ты будешь матерью для сестеръ твоихъ, я это знаю, у тебя добрая, отзывчивая душа, люби ихъ...“

Далѣе онъ не могъ продолжать, глаза его наполнились слезами. Конечно, рыдала и я. Снова водворилось молчаніе; я все еще стояла на колѣнахъ, опершись на его старческій посохъ, который сталъ моимъ достояніемъ и по сейчасъ храню его, какъ святыню. Затѣмъ о. Лаврентій, сдѣлавъ надъ собою, видимо, усиліе, уже совѣмъ бодро сказалъ: „А какая радость будетъ, овца, когда, по милосердію Божию, мы съ тобой снова свидимся въ Царствіи Небесномъ, тамъ уже нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни въздыханія, а, вѣдь, увидимся, овца, я вѣрую Господу, ей увидимся. Ну гряди теперь съ миромъ, подвизайся пока: *„тѣцѣте, дондеже постигнете“*. Я поняла, что его любвеобильная душа не хотѣла отпустить меня подавленной чувствомъ разлуки съ нимъ, и онъ старался утѣшить надеждою, что эта разлука лишь временная. Такъ рассталась я съ незабвеннымъ и незамѣнимымъ отцемъ моимъ, котораго послѣ сего уже больше не видала. Черезъ непродолжительное время я получила извѣстіе отъ о. архимандрита Веніамина о кончинѣ старца-праведника.

XXI.

Между тѣмъ жизнь моя въ монастырѣ потекла опять обычнымъ порядкомъ. Не смѣю умолчать тутъ и еще объ одномъ бывшемъ мнѣ вразумленіи свыше, каковое можетъ послужить и другимъ, подобнымъ мнѣ, на пользу; такъ какъ и цѣль моихъ этихъ записей не та, конечно, чтобы только сообщить кое-что о себѣ, ибо на что это мнѣ, да и кому когда и случится прочесть ихъ, тотъ, конечно, и не знаетъ меня, и тогда меня уже не будетъ на свѣтѣ. Единственная-же цѣль моя въ этомъ принести пользу инокинямъ, ибо всѣ мы недугуемъ однѣми общими намъ язвами скорбей и немощей нашихъ. Мнѣ-же, немощнѣйшей и худѣйшей изъ всѣхъ инокинь, Господь нерѣдко посылалъ великія подкрѣпленія и откровенія свыше, по обычному Его промысленію: *„изводитъ честное отъ недоступнаго и приизобиловать благодать Свою тамъ, гдѣ умножается грѣхъ“*.

Въ Тихвинскомъ Введенскомъ монастырѣ относительно говнїя существовалъ такой обычай: всѣ манатейныя монахини и сама матушка игуменія исповѣдывались у „духовника“, іеромонаха изъ Большого Тихвинскаго монастыря, прїѣзжавшаго для сего всегда, когда назначалось говнїе. Всѣ же остальные сестры: и рясофорныя, и послушницы, и новоначальныя, имѣли своимъ духовникомъ одного изъ бѣлыхъ монастырскихъ священниковъ.

Въ Новгор. Звѣриномъ-Покровскомъ монастырѣ хотя и былъ духовникомъ для всѣхъ сестеръ безъ исключенія іеромонахъ Юрьева монастыря, но только тогда, когда говѣли всѣ сестры, т. е. въ посты; а если бы кому когда понадобилось, или захотѣлось поговѣть и приобщиться въ иное время, внѣ поста, то приходилось исповѣдываться у одного изъ своихъ бѣлыхъ (монастырскихъ) священниковъ. Многія изъ сестеръ, а въ томъ числѣ и я, весьма тяготились этимъ. Очевидно, что въ монашеской жизни бѣлый священникъ не могъ быть хорошимъ руководителемъ и совѣтникомъ въ томъ, что ему самому было совершенно чуждо и по опыту, и по расположенію. Извѣстно, что многіе священники не только не сочувствуютъ монашеской жизни, но прямо порицаютъ ее и даже смѣются надъ ней. Тяжело намъ было открывать имъ свою душу, тяжело и спрашивать о своихъ духовныхъ недоразумѣніяхъ и просить совѣта. Вотъ, напр., ночная молитва составляетъ обязанность инокинъ, и неисполненіе ея не можетъ не тяготить совѣсти. Когда говоришь объ этомъ священнику на исповѣди, то не только не получаешь пользы, но еще больше соблазна и повода къ лѣности; такъ мнѣ самой священникъ отвѣтилъ на это: „ночь дана для покоя, надо-же и выспаться,—какой тутъ грѣхъ“. Да и много подобнаго рода отвѣтовъ, даже съ отѣнкомъ насмѣшки приходилось слышать вмѣсто назиданія, такъ что получался большой соблазнъ, и мы недоумѣвали, какъ быть, къ кому обращаться. Вотъ я и надумала: исповѣдываться у священника лишь для формы, не говорить всего, что на душѣ, и не спрашивать совѣтовъ, а выжидать случая, когда будешь исповѣдываться у іеромонаха, которому можно во всемъ открыться. Приходилось ждать этого иногда и довольно долго, когда по краткости лѣтнихъ постовъ, Петрова и Успенскаго, по какой-либо причинѣ не приходилось отговѣть. Тяжело чувствовалось на душѣ, да дѣлать было нечего, а затѣмъ привыкла, какъ будто такъ и надо. Вдругъ видится мнѣ однажды сонъ.

Послѣ вечерни, которую я слушала въ церкви, будто бы я осталась въ ней поправлять лампы (чего на самомъ дѣлѣ никогда не дѣлала, потому что не несла послушанія свѣчницы). Въ церкви сумеречный полумракъ, глубокая тишина, никого нѣтъ, я одна хожу съ лампадами то къ одной, то къ другой иконѣ. Вдругъ я увидѣла у себя на рукахъ младенца, весьма малаго, но такой неописанной красоты, свѣтлаго, прозрачнаго и сказать не могу, какъ онъ хорошъ, но, къ великому моему изумленію, онъ кажется мнѣ мертвымъ, и я ужасаюсь этой мысли и думаю: „откуда онъ взялся у меня на рукахъ“. На это слышу отвѣтъ, не знаю чей: „Изъ нѣдръ сердца твоего“. Чтобы лучше налюбоваться имъ, ибо я понимала и чувствовала, что онъ не простой младенецъ, а Богомладенецъ, я поднесла Его къ иконѣ Богоматери, помѣщавшейся точно такъ, какъ въ Иверскомъ мо-

настырѣ Иверская икона, на колоннѣ позади праваго клироса, предѣ каковою горѣли особенно ярко лампы. Чѣмъ болѣе я люблюсь Имъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что это Богомладенецъ Иисусъ; я начинаю ходить съ Нимъ по церкви, радуюсь, что никого нѣтъ и я заперта въ церкви, слѣдовательно, никто не отъиметь Его отъ меня, умиляюсь, обливаю Его слезами, прижимаю къ сердцу съ величайшимъ благоговѣніемъ, лобызаю Его ручки и ножки и, вдругъ, обративъ вниманіе на то, что Онъ лежитъ на моихъ грязныхъ отъ лампадной копоти и масла рукахъ, ничѣмъ не покрытый, обнаженный (совсѣмъ безъ одежды), я подумала: „какъ-же это я держу Богомладенца такими грязными руками, да и рукава моего подрясника грязны и засалены, и все бѣлье на мнѣ грязно“. Я хочу переодѣться и ищу, куда бы мнѣ на время положить Богомладенца. Иду опять къ иконѣ Богоматери, противъ которой у противоположной колонны стоитъ скамья, на которую я и положила Его. Поспѣшно стала я раздѣваться; но увы, — ничего чистаго не оказалось со мною, такъ что пришлось надѣвать на себя все прежнее, только что снятое съ себя, и я еще болѣе огорчилась, сознавая, что еще болѣе загрязнила руки о нечистую свою одежду. Вдругъ мнѣ вспомнилось, что у меня въ карманѣ есть новые платки чистые. Я тотчасъ достала ихъ и одними покрыла рукава подрясника, начиная отъ плечъ, другими обернула руки, чтобы снова принять Младенца. Обернувшись къ колоннѣ лицомъ, я стала на колѣна, чтобы взять Младенца, но и тутъ, пораженная Его красотой, я все еще любовалась Имъ, и вдругъ увидѣла на колоннѣ, бывшей бѣлаго цвѣта, надпись красными кровяными буквами: „Агнецъ, за мѣръ закланный“. Это еще больше убѣдило меня и въ томъ, что Онъ дѣйствительно не простой Младенецъ, а Богомладенецъ Иисусъ, и въ томъ, что Онъ мертвъ, а не спитъ. Еще съ большимъ благоговѣніемъ, поклонившись Ему, я лобызала Его святыя стопы и, стирая руки, чтобы взять Его, воскликнула: „коима рукама прикоснуса нетлѣнному Твоему тѣлу, Агнче Божій“. И что же? Мертвый Богомладенецъ милостиво, ласково взглянулъ на меня и произнесъ: „теперь ты чувствуешь, каково принимать неочищенною совѣстію Агнца, за мѣръ закланнаго“.

Такъ премудро и милостиво вразумилъ меня Господь къ должному приготовленію къ принатію Св. Тайнъ.

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ.

(Высокій путь).

Подобнаго рода было и еще однажды мнѣ вразумленіе. Я не переставала смущаться характеромъ монастырской жизни, и между прочимъ такимъ вопросомъ: почему скорби составляютъ какъ-бы

ея принадлежность? Мнѣ казалось, что безъ нихъ гораздо легче и удобнѣе „содѣвать свое спасеніе“; со спокойнымъ, мирнымъ сердцемъ и молиться лучше, чѣмъ со сжатымъ и измученнымъ. Кромѣ того, и нѣкоторые принятые въ монастырѣ подвиги и лишенія, по моей юности и изнѣженности, были мнѣ непосильны, напримѣръ, сухояденіе въ продолженіе цѣлой недѣли, и многіе подобныя, которые меня только изнуряли до болѣзни. А главное смущало меня и еще одно странное явленіе: наша матушка-игуменія ни за что не позволяла лишній разъ поговѣть, даже Великимъ постомъ; кромѣ монахинь мантийныхъ, никто и не смѣлъ благословиться поговѣть второй разъ на Страстной недѣлѣ. Я и въ мірѣ живши, даже и въ институтѣ, гдѣ намъ не запрещали это, — говѣла Великимъ постомъ 2 раза, а тутъ, думаю, въ монастырѣ, и лишаютъ этой единственной поддержки нравственной, между тѣмъ внѣшніе подвиги налагаютъ непосильныя. Все это въ совокупности—не вязалось въ моемъ понятіи, и я смущалась. Вижу я, однажды, сонъ: иду я гдѣ-то въ открытомъ полѣ по дорогѣ, но мнѣ надо свернуть вправо, а дороги туда нѣтъ; все какъ-бы гряды очень длинныя, въ такомъ видѣ, какъ бываютъ осенью, когда овощи съ нихъ уже убраны, а въ бороздахъ между грядами грязно и мокро. Я стою въ раздумьѣ, какъ идти: бороздами мокро, грязно, а грядами вязко будетъ, думаю. Навстрѣчу мнѣ идетъ, вижу, старецъ-архіерей съ посохомъ въ рукѣ. „Посмотрю“, думаю, „какъ онъ пойдетъ, такъ пойду и я“.

Поровнявшись со мною, онъ говоритъ мнѣ: *„Пойдемъ, я проведу тебя“*. Лѣвою рукою, опираясь на посохъ, правую онъ взялъ меня за руку и повелъ по грядѣ вдоль ее, и *говоритъ: „хотя и вязко, не разъ увязнетъ нога, правда, но все-же путь высокій; а низкимъ путемъ—смотри, сколько грязи и воды“*. Долго шли мы съ нимъ, и онъ все поучалъ меня, а я разговаривала съ нимъ безъ страха, хотя и узнала въ немъ Святителя Николая. Наконецъ мы пришли къ какой-то церкви, или къ часовнѣ, — не помню, и вошли въ нее. Въ ней стояло большое Распятіе, а по правую сторону его висѣлъ на стѣнѣ образъ св. мученицы Параскевы (Пятницы). Я стала поклоняться предъ Распятіемъ, и какъ только наклонилась головой до земли, Святитель такъ сильно ударилъ меня по шеѣ посохомъ своимъ, какъ будто хотѣлъ отрубить голову: я не успѣла опомниться отъ удара, — послѣдовалъ другой, третій и до пяти. „За что“, думаю „онъ меня бьетъ, или въ самомъ дѣлѣ хочетъ отрубить голову, но за что?“ — *„Не разсуждай, не умничай“*, отвѣтилъ онъ на мою мысль; *„если ударилъ, то, значитъ, такъ надобно. Забыла, что послушаніе безпрекословно повинуется, а не умничаютъ. Тѣмъ временемъ я поднялась, а Святитель ласково улыбаясь, глядѣлъ на меня, и указывая на икону мученицы Параскевы сказалъ: „вотъ она, Невѣста Христова, и главу свою предала на отсѣченіе,--въ жертву Жениху своему: а*

ты и мало потерпѣть не хочешь, и мудрствуешь, не имѣя еще духовнаго разумѣнія. Смирйся, терпи—и спасешься“.

XXII.

Въ бытность мою въ семь Звѣрино-Покровскомъ монастырѣ случилось не маловажное для моей скромной и убогой жизни событіе.

Въ этомъ монастырѣ, какъ извѣстно, находится чудотворная икона св. праведнаго Симеона Богопріимца, спасающая весь Новгородъ отъ моровой язвы. Я уже упоминала, что находилась съ перваго времени моего поступленія сюда подъ ближайшимъ покровительствомъ старицы-ризишницы, матушки Людмилы. Она-то и поручила мнѣ заняться составленіемъ акаѣиста св. праведному Симеону Богопріимцу. Впрочемъ, дала она это порученіе, думаю, на основаніи моего ей признанія въ томъ, что мнѣ приходилось уже и раньше заниматься подобными работами. За святое послушаніе Господь помогъ мнѣ сдѣлать это, на сколько сумѣла я при полнѣйшемъ стараніи, конечно, надѣясь лишь на помощь свыше молитвами св. праведнаго Симеона. Чтобы не быть узнанной по рукѣ писанія, я написала его славянскимъ шрифтомъ и для полнѣйшаго сокрытія тайны, сложивъ тетрадку въ 8-ю долю листа запечатала въ конвертъ печатью моего дѣда съ гербами и титлами и опустила сама въ почтовый ящикъ, рано утромъ. Въ тотъ же день почтальонъ принесъ его, какъ адресованный на имя нашей матушки-игуменіи Лидіи вмѣстѣ съ другой корреспонденціей.

Каково-же было мое положеніе, когда часовъ около 11-ти, то-есть передъ временемъ трапезы меня позвали къ матушкѣ-игуменшѣ, которая и стала показывать мнѣ этотъ акаѣистъ; вся будучи объята радостію о полученіи таковаго великаго, по ея отзыву, дара для нашей обители. Она всѣмъ показывала его, и не только его, но и самый конвертъ съ его загадочной печатью, причемъ не было конца догадкамъ и вопросамъ и сужденіямъ о томъ, кто бы могъ быть, написавшій и доставившій его. Чтобы не выдать себя, и я высказывала различныя предположенія. Кто-то называлъ имя Ник. Вас. Елагина какъ извѣстнаго составителя акаѣистовъ; на этомъ предположеніи и остановились. На слѣдующій день матушка-игуменія поѣхала къ владыкѣ, коимъ былъ въ то время въ Новгородѣ (то-есть викаріемъ) преосвященный Серафимъ, впослѣдствіи епископъ Самарскій. Владыка оставилъ рукопись у себя, чтобы посмотрѣть ее, послѣ чего обѣщавъ дать отвѣтъ. Можно себѣ представить, какъ интересовалъ исходъ этого дѣла всю нашу обитель, не исключая и священниковъ. Конечно, для меня этотъ вопросъ имѣлъ двойной интересъ; съ замираніемъ сердца я ждала рѣшенія владыки, какъ произнесенія приговора на мою затѣю.

Наконецъ этотъ день наступилъ; владыка прислалъ къ матушкѣ-игуменіи, чтобы она на слѣдующій день прибыла къ нему. Не знаю, по какой причинѣ, матушка-игуменія на этотъ разъ вмѣсто своей келейной взяла съ собою къ владыкѣ меня, такъ что мнѣ и пришлось узнать прежде всѣхъ участь своего акаѣиста.

„Прекрасно и тепло составленъ акаѣистъ“, сказалъ владыка, „только не логично, не послѣдовательно приведены событія, перепутаны позднѣйшія раньше первыхъ и наоборотъ. Очевидно, составитель не зналъ о необходимости держаться порядка во времени событій“. (Я и въ самомъ дѣлѣ впервые слышала объ этой непремѣнной принадлежности акаѣиста). Матушка-игуменія съ тревогою спросила: „Что-же, владыко, значитъ онъ и не годится?“—Какъ не годится, вполне пригоденъ, но надобно надъ нимъ поработать, то-есть переставить нѣкоторые икосы и кондаки одинъ на мѣсто другого. Это не трудно—составленъ онъ довольно хорошо; но потребуются не мало времени, а у меня-то его и слишкомъ даже мало. Если пустить его такъ въ цензуру,—возвратятъ, только лишняя проволочка выйдетъ.—Если хотите, возьмите его назадъ, перепишите мнѣ уже не церковнымъ шрифтомъ, а обычнымъ, притомъ порѣже строки, чтобы свободнѣе было поправки дѣлать; я, когда удосужусь, буду понемногу заниматься имъ. А если хотите, можете пока и такъ читать его келейно, пожалуй, и въ церкви, но не во время богослуженія, а вотъ во время чтенія вашего монашескаго правила.—Нельзя и высказать, какъ мы были рады обѣ съ матушкою, — просто на крыльяхъ полетѣли мы сообщить скорѣе эту радостную вѣсть своей обители. „Вотъ, думала я, наконецъ и нашъ великій угодникъ Божій, стоящій на рубежѣ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, будетъ имѣть свой отдѣльный акаѣистъ“. Мнѣ-же и поручила матушка-игуменія переписывать акаѣистъ именно такъ, какъ приказалъ владыка, что, конечно, я и исполнила съ великою радостію. Между тѣмъ стали и почитать его за нашимъ монашескимъ правиломъ, для чего собирались чуть-ли не всѣ сестры, всѣмъ имъ онъ нравился, особенно, когда матушка-игуменія поручила мнѣ, какъ регентшѣ, положить на ноты припѣвъ, то-есть послѣднія слова икоса: „Радуйся, Симеоне Преплаженне, Богопріимче Праведный“.

Долго пришлось, однако, ожидать намъ отъ владыки акаѣиста въ исправленномъ видѣ. Затѣмъ еще дольше проходилъ онъ всѣ инстанціи цензуры, пока, наконецъ, не добился разрѣшенія и по напечатаніи сдѣлался всеобщимъ достояніемъ. Но мнѣ не суждено было дожидаться этого въ своей обители. Въ то время вообще съ большимъ затрудненіемъ и какъ бы неохотно разрѣшались подобнаго рода печатанія; да и преосвященнаго Серафима перемѣстили изъ викарія Новгородскаго на самостоятельную кафедру, въ Самару, такъ что дѣло акаѣиста еще и отъ этого обстоятельства замедлилось. Между тѣмъ и меня, бывшую еще рясофорной,

перевели въ Званскій-Знаменскій монастырь въ должность казначеи, а вмѣстѣ и помощницы начальницы Державинскаго женскаго епархіальнаго училища.

Кажется, черезъ годъ, или около этого, вызвали пр. Серафима въ С.-Петербургъ для присутствія въ Св. Синодѣ, каковое обстоятельство и послужило къ скорѣйшему напечатанію акадеиста св. Праведному Симеону Богопріимцу. По исправленіи его, какъ слѣдуетъ по правиламъ, онъ самъ-же и представилъ его въ цензуру, да и похлопоталъ о безпрепятственномъ разрѣшеніи скорѣйшаго напечатанія. Я, находясь далеко, не была извѣщена о томъ вождедѣнномъ днѣ, когда въ первый разъ былъ прочитанъ, при полной торжественности, этотъ уже напечатанный акадеистъ, на день памяти св. Симеона 3-го февраля. Тѣмъ не менѣ, великій, милостивый угодникъ Божій не забылъ въ этотъ день утѣшить и меня, убогую, потрудившуюся для него по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, и самъ явился мнѣ во снѣ дивнымъ образомъ, обѣщая свое заступничество.

Будто-бы пришла я къ какому-то настоятелю на благословеніе. Прошедъ прихожую, взошла въ довольно просторную комнату, какъ-бы залъ, оттуда въ небольшую, неширокую, угловую комнату, которую я сочла или гостиною, или же кабинетомъ хозяина. Обстановка этой комнаты была необыкновенна, и я хорошо ее запомнила: прямо противъ входа изъ зала были два окна и третье окно по лѣвую сторону; всѣ эти окна были во все пространство отъ полу и до потолка, такъ что не было ни подоконковъ, ни рамъ, а сплошное стекло. Обѣ эти стѣны были сплошь уставлены растеніями, зеленѣющими роскошною зеленью; стояли они въ горшкахъ, или вели начало съ земли, я не знаю, только верхушкамъ ихъ какъ бы и конца не видѣлось, да и потолка, какъ помнится мнѣ, въ этой комнатѣ не было. Хотя и всѣ окна едва виднѣлись изъ-за сплошной зелени, но въ комнатѣ было очень свѣтло. Особенно свѣтились двѣ лампы, горѣвшія передъ двумя иконами, помѣщавшимися—въ правомъ углу икона Спасителя, а въ лѣвомъ—Богоматери; обѣ иконы въ золотыхъ ризахъ. Въ простѣнкѣ между 2-хъ оконъ противъ входа изъ зала стоялъ какъ бы диванъ, передъ нимъ продолговатый столъ, а по обѣимъ сторонамъ стола, съ боковъ отъ дивана стояло по одному креслу. Большие мебели я не видѣла. По правую сторону была еще дверь, какъ бы во внутренніе покои хозяина, откуда онъ и вышелъ. Прежде всего, обратясь къ иконѣ Спасителя, онъ сказалъ: „нынѣ отпущаеши раба Твоего“ и проч. Окончивъ молитву, онъ благословилъ меня и пригласилъ сѣсть на кресло, стоявшее по правую сторону дивана, къ столу, а самъ сѣлъ на диванъ. Видъ его внѣшній былъ чуденъ! Лицо бѣлое, какъ бы прозрачное, окаймленное сѣдыми, какъ снѣгъ, волосами; одежда, помню, была зеленаго цвѣта, но ряса-ли или что другое—не по-

няла я. Взглядъ его былъ полонъ милости и любви ко мнѣ, точно я была ему близкая, своя, а не такъ, какъ грѣшница передъ праведникомъ. Во всей комнатѣ слышалось необыкновенное благоуханіе, какъ бы отъ многихъ душистыхъ цвѣтовъ, такъ что я неоднократно думала, откуда оно могло истекать, когда вездѣ была лишь зелень, хотя и чудная зелень, но все-же цвѣтовъ не было. Когда мы сѣли, у насъ началась бесѣда, но привести ее не могу; помню только, что смыслъ ея былъ тотъ, что онъ обѣщаль мнѣ свое покровительство и утѣшалъ меня, еще говорилъ и о блаженствѣ праведныхъ, начинающемся еще въ сей жизни. Я помню, что я почти все время молчала, потому что такъ сильно переполнена была сладостнымъ чувствомъ, что уста мои какъ-бы запечатались. Долго-ли продолжалась эта таинственная бесѣда, я не могу опредѣлить. Но вотъ по тому же направленію, откуда пришла я, показалась монахиня; высокая, тонкая, стройная, блѣдная, съ чрезвычайно скромнымъ симпатичнымъ лицомъ; она была въ мантии, въ куколѣ на головѣ, съ котораго крепъ былъ нѣсколько спущенъ на лицо ея. На груди ея былъ наперсный крестъ. Когда она, пройдя первую комнату (залъ), вступила въ дверь той, гдѣ мы сидѣли, то св. Симеонъ всталъ, и мы всѣ трое стали опять молиться на иконы. Потомъ онъ подошелъ къ ней и, поздоровавшись, какъ уже со знакомой ему, отрекомендовалъ насъ другъ другу такъ: *„это само смиреніе и кротость“*, а указывая ей на меня, произнесъ: *„это... назавъ добродѣтели, коихъ я вовсе не имѣю. Мы поклонились другъ другу, и снова сѣли на свои прежнія мѣста, а вошедшая на другое кресло, по ту сторону противъ меня. Что говорили мы, или даже говорили-ли, я не помню; знаю только и достовѣрно помню, что я вкушала сладость, небесную сладость, мало-по-малу наполнявшую мою душу все больше и больше. Но вотъ св. Симеонъ Богопріимецъ сказалъ: „надо-же и угостить гостей моихъ!“* Хотя никого, кромѣ насъ, не было во всемъ домѣ, т. е. гдѣ мы проходили и сидѣли, но вотъ со словомъ праведника явились передъ нами на столѣ три прибора, т. е. передъ каждымъ изъ насъ; а затѣмъ, хорошо помню, что какъ бы сверху спустилось блюдо, на которомъ лежало кушанье; еще когда спускалось оно, то по мѣрѣ его приближенія, аромат его усиливался, а когда оно совсѣмъ стало на мѣсто посреди стола, то благоуханіе наполнило всю комнату, такъ что я едва выдерживала производимую имъ сладость души. Видъ явившагося кушанья былъ похожъ на большіе ломти бѣлаго хлѣба, уложенные рядомъ одинъ возлѣ другого и облитые чѣмъ-то густымъ бѣлымъ и горячимъ, потому что отъ него шелъ какъ бы паръ, издававшій это благоуханіе. Когда все это совершилось, св. Симеонъ всталъ, возвелъ очи къ небу, и прочитавъ молитву, благословилъ, сказавъ обычныя слова: „Христе, Боже, благослови—работъ Твоимъ“. Помню хорошо, что всѣ мы взяли по куску изъ

лежащаго на блюдѣ кушанья и положили на свои тарелки. О другихъ не знаю, вкусили-ли они этой пищи, о себѣ-же помню хорошо, что я не смѣла до нея дотронуться, хотя и положила къ себѣ на тарелку. Я вкушала и вкушала съ избыткомъ, но не вещественно лежавшую передо мною пищу, а какую-то необычную сладость сердца, которая, подобно пресыщающемуся пищей тлѣнной, все болѣе и болѣе насыщала мою душу, и, если бы некончилось это видѣніе, если бы не проснулась я, то не знаю, осталась ли бы душа моя во мнѣ.

Пробудившись, я была всецѣло объята этимъ сладкимъ восторгомъ; образъ св. Симеона Богопріимца живо стоялъ передо мною, и я чувствовала какую-то близость къ нему, любовь—сильнѣе прежней, и съ той поры моя вѣра и любовь къ нему стали еще сильнѣе. Весь слѣдующій день и далѣе меня не покидало это сладостное чувство, пока наконецъ не сгладилось обычною жизненною суетою. Но и до сего времени, хотя прошло уже не мало лѣтъ, во дни памяти его предстательства, и мнѣ бываетъ очень легко и отрадно. На слѣдующій день, 4-го февраля меня извѣстили телеграммой изъ Звѣрина монастыря о совершившемся тамъ торжествѣ. При семъ мнѣ стало яснѣе, почему самъ праведникъ, по великой своей милости не презрѣлъ и меня, и я отъ всего сердца возблагодарила Бога.

XXIII.

РАЗДРАНИЕ ЗАВѢСЫ.

Случилось мнѣ бывать въ Валаамскомъ монастырѣ, въ то время, когда тамъ настоятельствовалъ извѣстный святостію жизни старецъ игумень Дамаскинъ. Я сподоблялась неоднократно имѣть съ нимъ духовныя бесѣды, и даже у него исповѣдываться. Въ послѣдніе годы его жизни мнѣ не случилось быть у него; должность казначеи въ Званско-Знаменскомъ монастырѣ не позволяла мнѣ отлучаться, а между тѣмъ, старецъ Дамаскинъ скончался. Прошелъ уже и не одинъ годъ послѣ его смерти, и я, признаюсь нисколько о немъ не думала, развѣ только поминала на молитвѣ, и то не всегда.

Однажды мнѣ случилась большая скорбь, такъ что я серьезно подумывала отказаться отъ должности. Въ это время какъ-то видится мнѣ во снѣ, что я пришла въ келью къ о. игумену Дамаскину и стою въ дверяхъ его гостиной, ожидая его прихода изъ его кабинета, дверь въ который была съ правой стороны неподалеку отъ окна. Вотъ показался изъ кабинета о. Дамаскинъ, точно такой, какимъ я его знала при жизни его, только бодрѣе и какъ будто моложе и очень веселый; онъ въ черной монашеской рясѣ, въ клубукѣ и съ наперснымъ крестомъ на груди.

Поклонившись, я подошла подъ благословеніе; онъ благословилъ меня и сказалъ, указывая на уголъ, гдѣ висѣли св. иконы съ горѣвшею передъ ними лампадой: „помолись“. Оба мы съ нимъ стали молиться и креститься; потомъ онъ сѣлъ на диванъ и мнѣ предложилъ сѣсть на кресло по правую его сторону. Началась наша духовная бесѣда; о чемъ именно,—я не помню теперь, кажется мнѣ, что я изливала передъ нимъ свою скорбь. Хорошо помню, что наконецъ, онъ спросилъ меня: „а знаешь-ли ты, что значитъ, раздраніе церковной завѣсы на-двое въ Иерусалимскомъ храмѣ, во время крестной смерти Спасителя. Я отвѣчала ему, какъ училась изъ священнаго писанія, что это означало раздѣленіе Вѣтхаго и Новаго Заветовъ. „Хорошо“, отвѣчалъ онъ, „это вѣрно по книжному; а ты сама подумай не относится ли это какъ-либо къ нашей монашеской жизни“. Я стала вдумываться; и сама не будучи увѣрена въ точности и справедливости моего мнѣнія, отвѣчала: „думаю, что это означаетъ вотъ что: раздирается душа человѣка, стремящагося къ Богу и къ Богоугожденію, раздирается на двое, дѣлаясь духовною, не переставая принадлежать и живущему въ немъ плотяному человѣку, раздирается она, отсѣкая, отдирая отъ себя сладкую, но падкую на грѣхъ волю внѣшняго своего человѣка; раздирается бѣдное сердце его, само себя раздирая пополамъ, на куски; одни изъ нихъ, какъ негодные, тѣмъ не менѣе сродные ему, отдираетъ, бросаетъ въ міру, а другіе несетъ, несетъ, какъ еиміамъ чистый, Христу своему.

О, какъ тяжело бываетъ иногда бѣдному сердцу, какъ рвется оно и страдаетъ, буквально, раздираясь пополамъ“.

Никогда ничего подобнаго я не слышала на яву, и не ожидала слышать; но теперь во снѣ говорила это съ такимъ увлеченіемъ, что вся обливалась слезами. О. игуменъ отвѣчалъ мнѣ: „Да, не лишилъ тебя Господь Своей благодати. Тебѣ ли малодушествовать и унывать въ скорбяхъ. Мужайся, и да крѣпится сердце твое упованіемъ на Господа“. Съ этими словами онъ всталъ и снова благословилъ меня. Я проснулась вся въ слезахъ; въ слезахъ уже не скорби, а невыразимой радости, надолго подкрѣпившей мои слабыя силы.

(Это сновидѣніе описала я и послала въ Валаамскій монастырь).

XXIV.

НАКАНУНЪ ПОЛУЧЕНІЯ НАЗНАЧЕНІЯ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЕЮ.

1881-го года, февраля 2-го.

Состоя въ должности казначеи Званскаго-Знаменскаго монастыря лишь 4 года и отъ рожденія имѣя лишь 40 лѣтъ, я не только не думала никогда о полученіи сана настоятельскаго, но,

если бы кто мнѣ и сказалъ объ этомъ, то сочла бы это или за насмѣшку, или за дерзкую шутку.

Въ концѣ феврала мѣсяца 1881-го года видится мнѣ слѣдующій сонъ. Иду я гдѣ-то и подхожу къ ржаному полю; рожь такъ высока, густа и хороша, что на рѣдкость, а мнѣ предстоитъ все это поле пройти, именно рожью, такъ какъ дороги никакой нѣтъ, а идти я должна. Жаль было мнѣ топтать такую роскошную на видъ рожь, но, уступая необходимости,—я пошла. Тутъ я стала замѣчать, что колосья ржи хотя и большіе, но почти пустые, они перезрѣли и зерно вытекло; я подумала съ удивленіемъ: „какой-же это хозяинъ настолько безпечный, что самъ себя лишаетъ такой драгоценности, не выжавъ своевременно“. Хотя и никого не было видно нигдѣ, даже на далекомъ разстояніи, но мнѣ кто-то (невидимый) отвѣтилъ на мои мысли: „тебѣ предназначено выжать все это поле“. Это ужаснуло меня: какъ, подумала я, могу я выжать все поле, когда я и вовсе не умѣю жать. Между тѣмъ, съ этими размышленіями, я проходила этою рожью все дальше и, наконецъ, дошла до конца его: раздвинувъ послѣднюю долю ржи, остававшуюся передо мною—руками, я увидѣла, что поле уже кончилось и тутъ-же, сряду начинается огромное пространство воды, которому и конца не видно; но я почему-то знала, что это вода наливная, а не самобытная, что тутъ—лугъ, сѣнокосъ, затопленный временно, и что поэтому, имѣя подъ ногами твердую почву, идти этою водою безопасно, и я пошла; между тѣмъ оказалось довольно глубоко, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже, и я стала бояться утонуть, такъ какъ плавать не умѣю, а вода покрывала меня по шею. Вдругъ съ верху, какъ бы съ неба упалъ прямо мнѣ въ руку (правую) настоятельскій посохъ, и тотъ-же голосъ, который говорилъ мнѣ о ржи, снова сказалъ при паденіи посоха: „опирайся на него,—не потонешь“. Дѣйствительно, съ помощью этого посоха, я шла далѣе водою, и, наконецъ, вода стала мелѣть, скоро показался лугъ зеленый, и невдалекѣ бѣлокаменная ограда, въ которой виднѣлись храмы и корпуса, т. е. монастырь. Изъ храма выходилъ крестный ходъ, направлявшійся въ тѣ ворота, къ которымъ подходила и я, опираясь на посохъ. Почти въ самыхъ воротахъ мы встрѣтились, пѣвчіе запѣли входное: „Достойно есть“, и крестный ходъ вмѣстѣ со мной направился обратно къ храму. Этимъ сновидѣніе кончилось.

Пришедши по обычаю утромъ къ матушкѣ-игуменіи своей, которая была мнѣ и воспріемной при постригѣ матерью, я рассказала ей этотъ сонъ. Матушка-игуменья всегда была какъ-то не расположена ко мнѣ; она почему-то всегда усматривала во мнѣ свою соперницу или нѣчто въ родѣ ея. Совѣсть моя не укорила меня ни разу ни въ чемъ, противъ нея; я всегда старалась быть не только исполнительною въ своихъ обязанностяхъ, но нерѣдко дѣлала и выше своихъ силъ и обязанностей; такъ, напри-

мѣръ, подмѣтивъ, что она старается отстранить меня отъ исполненія прямыхъ обязанностей казначеи, я старалась въ угожденіе ей исполнять самыя черныя и вовсе незнакомыя мнѣ работы; бывало, надѣну рабочіе сапоги, подпояшусь по рабочему кафтану веревкой и поѣду или пойду въ лѣсъ съ работниками, для надзора за рубкою проданныхъ имъ бревенъ; иногда въ теченіе цѣлаго дня принимаю на берегу р. Волхова дрова, проданные монастыремъ, или сижу въ кирпичномъ сараѣ при укладкѣ кирпича рабочими и т. п. Но и при этихъ самоотверженныхъ трудахъ я не была лишена самыхъ колкихъ и ѣдкихъ оскорбленій со стороны матери-игуменіи: когда по принятіи дровъ или лѣса, или кирпича, или чего-либо, я приходила къ ней съ отчетомъ и за расчетомъ мужиковъ, то прежде чѣмъ выдать деньги, она посылала работника монастырскаго провѣрить мою пріемку. Между тѣмъ, я говорю передъ Богомъ, что дѣлала все по совѣсти чисто и честно.

Нерѣдко она посылала меня и за сборомъ на мѣсяць или на извѣстное время въ разные города, преимущественно-же въ Петербургъ. Когда мнѣ Господь посылалъ хорошій сборъ, и я привозила ей многое, то она рѣшительно всегда говорила мнѣ, что я это сдѣлала, т. е. потрудилась, не ради Бога, т. е. не ради послушанія и усердія къ дѣлу, а просто „изъ тщеславія“, для похвалы. Когда же случилось привозить поменьше, то бѣда моя была еще больше. Отъ училища, бывшаго при монастырѣ, въ которомъ я была утверждена „помощницею начальницы“,—она меня совсѣмъ отстранила, между тѣмъ, какъ училищное-то дѣло мнѣ, какъ получившей образованіе,—и было вполне подходящее. Предъ начальствомъ же мое отстраненіе она мотивировала разными моими недостатками.

Вообще, горькую чашу пила я въ этой должности—казначеи; нерѣдко боялась я вовсе лишиться разсудка, когда, углубившись въ суть всего настоящаго, не понимала ихъ причины или цѣли всѣхъ неправдъ человѣческихъ и ужасавшихъ меня поступковъ. Одно только чѣмъ могла я себя объяснить все поведеніе матушки-игуменіи по отношенію ко мнѣ; это то—что она, какъ женщина простаго сословія, лишенная малѣйшаго образованія, видѣла во мнѣ болѣе себя образованную и развитую личность, и хотя и безъ малѣйшаго съ моей стороны повода,—опасалась меня и старалась отъ меня избавиться. Для меня же это было тѣмъ еще тяжелѣе, что я крѣпко любила ее, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она стала для меня воспріемной матерью.

Въ описываемое мною утро, когда, пришедъ къ ней, я простодушно рассказала ей свой сонъ, она насмѣшливо и колко отвѣтила: „поздравляю васъ, вамъ дали посохъ, теперь вы уже игуменья“, и смѣялась надо мной. Горько поплакала я и въ это утро, вышедъ отъ нея; но потомъ, занявшись дѣлами, забыла и

горе, и сонъ. Вечеромъ, часовъ около 4-хъ подали матушкѣ-игуменіи телеграмму отъ митрополита Исидора, предписывающаго „немедленно прибыть казначеѣ въ Петербургъ къ нему“. И этотъ вызовъ былъ для назначенія меня начальницей Леушинской женской общины, въ то время не только неблагоустроенной, но даже предназначавшейся къ закрытію, если окажется недоступнымъ ея благоустройство. Въ теченіе 6 лѣтъ тамъ перемѣнились три начальницы, по скудости средствъ существованія и трудности дѣла. Вотъ куда судилъ меня опредѣлить Промыслъ Божій. Со креста на крестъ!

XXV.

ЗАСТУПНИЧЕСТВО ЛЕУШИНСКОЙ ОБИТЕЛИ ЦАРИЦЕЮ НЕБЕСНОЮ И СВ. ІОАННОМЪ ПРЕДТЕЧЕЮ.

Для того, чтобы описываемое событіе было болѣе удобопонятнымъ, необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ о состояніи самой обители въ то время, когда я вступила въ управленіе ею, въ 1881-мъ году.

Въ предыдущемъ разсказѣ я объяснила обстоятельства моего назначенія начальницею сей Леушинской общины, дотолѣ совершенно мнѣ неизвѣстной, даже и по имени. Митрополитъ Исидоръ зналъ меня лично, впрочемъ одинъ только разъ побесѣдовавъ со мною, а болѣе по отзывамъ другихъ, но такъ-ли или иначе считалъ меня способной къ дѣлу. Это мнѣніе свое онъ высказалъ мнѣ, между прочимъ, отправляя меня въ Леушино, словами на мое указаніе моей еще молодости для занятія такого поста: „старому тамъ и дѣлать нечего; эта община требуетъ умнаго распоряженія, дѣятельнаго надзора; она мнѣ надоѣла, вотъ уже 4-й годъ, я тебя четвертую назначаю, а если и ты не сдѣлаешь ничего полезнаго, — то я ее закрою; одно только можетъ быть, что ты тамъ, соскучишься, вѣдь тамъ глушь, пустыня“. Но не глушь и одиночество сломили меня въ Леушинѣ, а вмѣшательство мірскаго семейства купца Максимова; землю подъ эту общину купили они, почему и считали себя полновластными распорядителями и вмѣшались во всѣ дѣла, даже самыя пустяшныя. Были и изъ числа сестеръ, склоненныя ими на ихъ сторону, которыя и передавали имъ все случавшееся въ искаженномъ видѣ, сообразно со своими взглядами, а особенно назирали и перетолковывали всѣ поступки и распоряженія начальницы. Понять правильности ея дѣйствій онѣ не могли, потому что сами онѣ были деревенскія, даже безграмотныя, никогда и не слыхавшія о правилахъ монастырской жизни. Главное же чувство, руководившее ими, было чувство зависти; по времени поступленія своего въ общину онѣ были старшія и считали, что право начальствованія и управленія общиною при-

надлежать должно имъ, а не другой личности, „невѣдомо откуда пришлою“, какъ онѣ выражались, и критиковали всѣ распоряженія начальницы, жаловались Максимовымъ, а тѣ, въ свою очередь митрополиту, и бѣднымъ начальницамъ приходилось до такой степени трудно, что онѣ предпочитали удалаться въ свои прежніе монастыри. Та-же участь постигала и меня, даже еще и въ высшей степени; враждующая партія и сами Максимовы, съ перваго же раза увидали во мнѣ болѣе трудную соперницу, со своей стороны и ихъ поступки болѣе и яснѣе понимающую и, вѣроятно, опасаясь за себя, рѣшились дѣйствовать противъ меня всѣми силами своей злобы, приговоривъ на свою сторону и мѣстнаго священника общины. Я сразу поняла трудность своего положенія; а главное, зная какими гнусными клеветами онѣ осыпали прежнихъ начальницъ для того, чтобы выжить ихъ, я опасалась и за себя; я была по лѣтамъ еще очень молода, сравнительно съ прежними, и меня могли онѣ еще болѣе очернить и оклеветать передъ начальствомъ, что могло повредить мнѣ на всю жизнь. Я видѣла себя, какъ бы между двухъ дорогъ поставленною: или идти напроломъ всѣхъ трудностей, самоотверженно рѣшиться понести всѣ и клеветы, и напасти, чтобы съ Божіею помощію, побѣдивъ все, исправить и упорядочить обитель, какъ слѣдуетъ,—или же, изъ сознанія своей къ сему немощи, не вдаваться въ дальнѣйшую опасность,—и скорѣе утекать отъ такого зла, тяготившаго надо мною во всѣхъ его видахъ и ужасахъ.

По долгомъ и здравомъ о семъ размысленіи, я не могла не сознать свою немощь для такого великаго дѣла, какъ устройство обители при всѣхъ противострѣчающихся тому обстоятельствахъ, ибо, кромѣ еще всѣхъ непріятностей и матеріальныхъ средствъ, у общины не было ни гроша, и я рѣшилась во что бы то ни стало удалиться изъ обители, объяснивъ все откровенно митрополиту, и просить его объ увольненіи. Исхода иного я не видѣла; крестъ, выпавшій на мою долю, ощущался непосильнымъ; извилины и происки хитрости противниковъ на мою прямую, открытую душу вліяли неотразимыми ударами; я ужасалась, скорбѣла, и, наконецъ, выбилась изъ силъ; рѣшимость моя оставить обитель была безповоротна, и я лишь выжидала случая, какъ-бы за какимъ-либо предлогомъ уѣхать изъ обители и ужъ больше не вернуться.

И вотъ однажды видится мнѣ необычный сонъ:

„Вся монастырская площадь какъ бы объята пламенемъ; по небу ходятъ грозныя огненные тучи; одна изъ нихъ какъ бы спускается на корпусъ, стоявшій противъ того, въ которомъ жила я (гдѣ была и домовая церковь), и въ то же мгновеніе тотъ корпусъ вспыхнулъ пожаромъ. Ожидая такой же участи и нашему церковному корпусу, я въ ужасѣ отклонилась нѣсколько отъ окна, въ которое смотрѣла, и, обернувшись по направленію другихъ келій, гдѣ тоже смотрѣли въ окна сестры, сказала имъ: „молитесь,

сестры, вотъ одно мгновеніе, и нашъ корпусъ загорится, и церковь Божія сгоритъ, и мы всѣ сгоримъ, молитесь!“ Сказавъ это, я снова обратилась къ окну; но каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла, вмѣсто оконной рамы (сейчасъ лишь бывшей тутъ, въ которую я и смотрѣла), увидѣла икону, стоявшую ликомъ на монастырь, а ко мнѣ доскою. Чтобы узнать, какая это была икона, я стала заглядывать съ боку; вдругъ икона стала сама поворачиваться понемногу и стала какъ бы поперекъ окна (ликомъ обратясь ко мнѣ, стоявшей по лѣвую ея сторону. Я увидѣла, что это икона „Скоропослушницы“ Божіей Матери, и къ довершенію моего изумленія, у Ней въ ножкахъ лежала живая глава Св. Іоанна Предтечи, съ которымъ Она, Владычица, громко разговаривала.

Я ясно слышала этотъ ихъ разговоръ и видѣла, какъ уста живой главы шевелились, произнося слова, но разобрать, разслушать разговора не могла. Вдругъ Царица Небесная обратилась ко мнѣ и говорить: „*чего вы всѣ смущаетесь, и ты чего боишься?*“ И съ этими словами Она подняла Свою правую ручку и, ея указывая на главу Предтечи, прибавила: „*Мы съ нимъ всегда хранимъ Свою Обитель! Не бойся, больше вѣруй!*“

Объятая неизъяснимою радостію отъ этихъ словъ, я бросилась поцѣловать эту ручку, пока она живая, и въ трепетъ воскликнуть: „Владычица!“ я облобызала эту ручку, но уже не живу, а изображенную, какъ и вся икона.

Въ ту-же минуту я проснулась; легко, отрадно было у меня на душѣ, какъ будто никакого горя и не было. Слезы радости лились, и я вся трепетала. Я, очевидно, понимала, что Она хранить Свою обитель вмѣстѣ съ Предтечею, коему посвящена эта обитель (Предтеченская) и, укрѣпившись вѣрою, я твердо рѣшилась, все терпѣть и трудиться для пользы св. обители, хотя бы и умереть пришлось для сего, но самовольно не оставлять обители и стараться упорядочить и благоустроить ее съ помощію Самой Владычицы, въ чемъ уже и не сомнѣвалась.

Рѣки слезъ проливала я и послѣ, достигая своей цѣли; я дѣлала свое, а врагъ свое, воздвизая на меня всякаго рода гоненія и бѣды, часть которыхъ пояснитъ еще здѣсь въ описываемыхъ явленіяхъ.

КРЕСТЬ.

Однажды въ этотъ періодъ труда и скорбей первоначальнаго благоустроенія обители, я сидѣла вечеромъ въ своемъ кабинетѣ одна; двери уже были затворены, всѣ легли спать, а я, готовясь къ тому же, сидѣла, сама не знаю, почему мѣшкавая ложиться. Я не молилась, и не то чтобы о чемъ раздумывала, а такъ тяжелъ мнѣ было, очень тяжело, и я какъ-то безмолвна была и мыслію, и душею. Вдругъ, очевидно, не во снѣ (ибо я не

спала, какъ сказано, а просто сидѣла, вполнѣ сознавая все окружающее меня) ясно увидѣла я среди кѣльи моей крестъ, деревянный, такой большой, что почти до потолка отъ пола; въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются долевая и поперечная части, было какъ бы перевязано кровавой чертой наискось; увидѣвъ крестъ, я нимало не смутилась; а перекрестившись на него, невольно подумала: „какой большой, гдѣ-же мнѣ его снести“. Вдругъ какъ бы съ самаго этого креста услышала я слова: „*понесешь и снесешь, сила бо Моя въ немощьхъ совершается!*“

Это сочла я или подкрѣпленіемъ мнѣ въ моей многоскорбной жизни, или же предзнаменованіемъ новыхъ и еще большихъ скорбей. Хотя и грустно мнѣ стало, но я благодушно приняла это, будучи готова на всякое страданіе ради блага обители, и ради прославленія Имени Божія чрезъ нее.

XXVI.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦѢЛЕНІЕ ОТЪ ТЯЖКОЙ БОЛѢЗНИ СВ. АРХИСТРАТИГОМЪ МИХАИЛОМЪ въ 1882 г.

Съ самаго начала моего вступленія въ управленіе Леушинскою общиною, я всегда относилась къ митрополиту Исидору откровенно и чистосердечно. Ему много на меня клеветали, чернили меня и злословили; не знаю, въ какой степени онъ вѣрилъ этому, но меня всегда принималъ, спрашивалъ обо всемъ, иногда даже словами: „скажи мнѣ какъ бы на исповѣди“; и я говорила по чистой совѣсти, не скрывала и своихъ ошибокъ, безъ которыхъ тоже не обходилось. Онъ и побранивалъ меня, но больше утѣшалъ, напоминая мои монашескіе обѣты терпѣть все.

14-го января 1883-го года пріѣхала я въ Петроградъ и пришла къ нему съ отчетами за истекшій годъ, которые онъ самъ приказалъ мнѣ подать ему лично для большей скорости и краткости, чѣмъ черезъ Консисторію.

Владыка принялъ меня милостиво и пригласилъ сѣсть. Прочитавъ отчеты, которые въ то время были еще такъ не многосложны, онъ сдѣлалъ видъ недоумѣнія, что я не могла не замѣтить. Сталъ спрашивать меня и на словахъ обо всемъ, по нѣскольку разъ; наконецъ, сказалъ: „Я тебѣ, пожалуй, и вѣрю, но вотъ посмотри-ка, что мнѣ на тебя написали; тутъ и запутаешься съ вами: ты пишешь и говоришь одно, а тутъ совсѣмъ другое“.

Съ этими словами онъ подаль мнѣ двѣ принесенныя имъ бумаги, и сказалъ: „не спѣша, разсмотри ихъ, и по совѣсти напиши мнѣ на нихъ отвѣтъ. Я вѣрю тебѣ, добавилъ онъ, но на бумагу надо бумагу-же.“

Тутъ Максимовы на тебя пишутъ многое, а тутъ и общинки тѣ, которыя вышли у тебя изъ общины, жалуются, что ты ихъ

выгнала. Такъ вотъ прочти и дай мнѣ отвѣтъ, чтобы имъ же заградить уста“.

Надобно сказать, что въ концѣ минувшаго года 22-го октября, странницы Максимовы, о которыхъ я упоминала, видя, вѣроятно, безуспѣшность своихъ противъ меня козней, выдумали новую штуку; однажды при сестрахъ въ трапезѣ объявляютъ онѣ мнѣ, что въ числѣ 7 человекъ онѣ уходятъ изъ общины. Конечно, я удивилась такой неожиданности; но, ничего не подозрѣвая, подумала, что это и слава Богу, хоть другихъ перестанутъ смущать. Впрочемъ, онѣ стали сманивать и другихъ сестеръ, изъ коихъ никто ихъ не послушалъ и не ушелъ. Такъ какъ онѣ были приукажены къ общинѣ, то я и донесла обо всемъ преосвященному викарію, сообщая о случившемся и прося разуказать ихъ. Мудрый архіерей Варсонофій понималъ дѣло лучше меня, и частнымъ письмомъ посовѣтовалъ мнѣ взять съ нихъ подписку, что онѣ уходятъ самовольно, послѣ чего и обѣщалъ прислать имъ увольненія. Но бунтовщицы эти, тоже, видно, смекнувъ дѣло, наотрѣзъ отказались дать подписку, и, не дождавшись увольнительной имъ бумаги, ушли самовольно. Мнѣ теперъ ясна стала ихъ затѣя, но дѣлать было нечего.

Настало самое ужасное, самое тяжелое для меня время. Буянки ушли, ночью отправляя свои пожитки, точно чего боялись днемъ; письма и посланники заполонили монастырь, въ то время еще общину. Всѣхъ приглашали расходиться, говоря, что меня сошлютъ чуть не въ Сибирь; благодѣтели прекратили свою помощь общинѣ, считая ее предназначенною къ разоренію. Вся община волновалась, мутилась; на общественныхъ трудахъ не было никакого послушанія, ни порядка, всѣ считали себя на порогѣ выхода, совѣщались, волновались, и, что происходило, описать невозможно.

Впрочемъ большинство сестеръ меня жалѣли, а инья и со слезами утѣшали меня, и какъ ни волновалось все общество, но, кромѣ 7 помянутыхъ буянокъ, ни одна не ушла изъ общины. Такъ шло время, и мало-по-малу волненіе стало утихать хотя по внѣшности. Максимовы, служившія корнемъ всего зла и смуть, дѣйствовали деньгами, начавъ являть свои милости, чтобы склонить на свою сторону и сестеръ, и священника, уже сдавашагося имъ и даже самого благочиннаго, бывшаго игумена Моденскаго монастыря, который самъ мнѣ объ этомъ сообщалъ, показавъ даже письма Максимовыхъ. Имъ только того и хотѣлось, чтобы общину закрыли, и земля, такимъ образомъ, осталась бы снова ихъ собственностью, на которой и устроили бы онѣ сыроварню, такъ какъ онѣ торговали въ Петербургѣ сыромъ и маслами, почему и отъ общины, и отъ меня требовали доставлять имъ масло; очевидно, и я, какъ и мои предмѣстницы, на это не сдавались.

Между тѣмъ общинки, вышедшія, написали на меня митрополиту прошеніе, что будто я ихъ выгнала изъ общины, безъ

зины. Максимовы подали на меня прошеніе другого рода, самое злостное, клеветливое, ни слова одного правды не было въ немъ.

Вотъ эти-то два прошенія и подалъ мнѣ владыка митрополитъ, когда я 14-го января пришла къ нему.

При владыкѣ мнѣ не удалось прочесть этихъ бумагъ; вышедъ отъ него, я сряду же поѣхала на квартиру, гдѣ была остановившись, къ потом. почетн. гражд. Ефрему Никифоровичу Сивохину; это семейство всегда любило и уважало меня, и въ моихъ многихъ скорбяхъ и трудностяхъ въ Леушинѣ принимало большое участіе. У нихъ я нашла цѣлое общество, уже сидѣвшее съ ними за обѣдомъ, за которымъ было оставлено мѣсто и мнѣ, такъ какъ меня они ожидали. Былъ у нихъ серебряникъ Хархаровъ съ женою и нашъ общій духовный отецъ Сергіевской Пустыни духовникъ іеромонахъ Герасимъ. Всѣ сидѣвшіе за столомъ были какъ бы „свои люди“, почему и на вопросы ихъ о моемъ замедленіи я сказала всю правду и показала привезенныя бумаги, которыя прочесть давно уже мучило меня любопытство. Начался обѣдъ, а съ нимъ и чтеніе прошеній на меня; читалъ ихъ Хархаровъ, такъ какъ я сама, начавши,—продолжать не могла.

Во время чтенія такихъ безсовѣстныхъ клеветъ на меня и напраслинь, разумѣется, тысячи укоризнь сыпались на Максимовыхъ; о. Герасимъ, хорошо понимая, какъ это должно было повліять на меня, обратилъ, прежде всего, всеобщее вниманіе на милость ко мнѣ владыки митрополита, не давшаго никакого хода этимъ прошеніямъ, а мнѣ-же ихъ вручившаго. Я и сама это хорошо понимала и цѣнила, но горькія мысли роились одна за другою; „что-же, думалось мнѣ, теперь отдашь онъ мнѣ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ вѣрить мнѣ, но враги мои не угомонятся, и опять будетъ то же, и безъ конца, безъ конца“. Плакать я не могла; какъ камень лежалъ на сердцѣ, и состояніе мое было вполне безотчетно.

Просидѣли мы за столомъ болѣе двухъ часовъ, все толковали и всѣ душевно жалѣли меня, даже плакали; особенно жалѣлъ меня о. Герасимъ. Стали выходить изъ-за стола, встала и я, но тотчасъ же опять опустилась на стулъ, — ноги не слушались, не могли идти. Кое-какъ съ помощью постороннихъ, около стѣнки добралась я до своей комнаты и легла на постель отдохнуть, меня сильно клонилъ сонъ, и я стала приходить въ какое-то безсознательное состояніе и равнодушіе. Я сряду-же заснула, такъ что всѣ удивились и признали этотъ сонъ ненормальнымъ. Это было въ 3-мъ часу пополудни; въ 7-мъ часу меня насилу добудились къ чаю. Я проснулась, но, къ ужасу моему, не могла шевельнуть ногами, онѣ отнялись совсѣмъ. Послали за докторомъ, жившимъ наверху въ томъ же домѣ; онъ призналъ нервный параличъ, совѣтовалъ бы попробовать леченіе электричествомъ, но боялся, что крайне ослабленная нервная система не выдер-

жить. Между тѣмъ послали за своимъ домашнимъ докторомъ Карпинскимъ, который нашелъ то же, и посоветовалъ оставить все до завтра, совѣтуя успокоиться вполне. Но я и безъ того ощущала въ первые дни болѣзни какое-то спокойствіе или вѣрнѣе, безчувствіе: ни скорби, ни тревоги, ни даже яснаго воспоминанія случившейся со мною напасти, не чувствовала я. Точно въ какомъ-то безчувственномъ состояніи я находилась и этотъ вечеръ, и слѣдующій день. На третій день я съ утра лишилась и употребленія рукъ, и онѣ отказались служить и даже шевелиться. Но тутъ сознание моей безпомощности пробудило меня отъ оцѣпененія, и я какъ бы проснулась отъ своего равнодушія, стала снова скучать, плакать и чувствовать. Двѣнадцать дней пролежала я въ квартирѣ Сивохиныхъ, но вотъ приближался день Ангела хозяина, 28-го января пр. Ефрема, и я хорошо понимала, какую помѣхою буду служить во время праздника, я, въ своей неподвижности, не могшая двинуть ни рукой, ни ногой. Поэтому я стала подумывать о томъ, куда бы переселиться изъ квартиры благодѣтелей, которые ходили за мной, какъ за родной, нанимали докторовъ, платили за лѣкарства и пр. Я была знакома съ начальницею Свято-Троицкой общины сестеръ милосердія на Пискахт, Е. А. Кублицкою. Я и попросила доктора Карпинскаго написать ей записочку.—попросить взять меня къ себѣ въ общину. Онъ исполнилъ мою просьбу, и 26-го января, въ самый день моего Ангела (мірское имя Маріа), чего никто не зналъ, меня вынесли на рукахъ, вынесли въ экипажъ и тихонько, какъ покойницу, повезли въ общину, гдѣ тоже на рукахъ внесли въ самый верхъ въ палату, гдѣ я и пролежала еще пять недѣль.

Сивохинъ, между тѣмъ, по моей просьбѣ, съѣздилъ къ митрополиту и объявилъ ему о случившемся со мною. Владыка сердечно пожалѣлъ меня, и сказалъ; „вѣдь я не думалъ, что она такъ горячо это приметъ; я знаю, что она не виновата, что это все клевета, для этого и надо было дать отвѣтъ клеветущимъ“. Онъ взялъ назадъ оба прошенія безъ всякихъ отвѣтовъ на нихъ, такъ какъ я не могла писать, и, какъ кончилось это дѣло, я не знаю, ничего и не слыхала болѣе о немъ.

Я лежала въ больницѣ, окруженная всеобщимъ вниманіемъ. Самъ митрополитъ присылалъ иногда меня навѣщать и посылалъ мнѣ свое благословеніе. Посланными отъ него были два раза о. архим. Исаія (бывшій экономомъ) и разъ секретарь его В. И. Николаевскій. Но я невыносимо страдала; къ первой болѣзни присоединилось еще воспаленіе легкихъ.

Наступилъ Великій постъ; пѣніе сестеръ доносилось до меня изъ церкви по коридорамъ, но оно лишь больше волновало меня; я переносилась мыслью въ милую и дорогую мнѣ общину, для блага которой я столько терпѣла и теперь уже лежа между жизнью и смертію не надѣялась больше увидѣть ее.

Наступала весна, и надо было предполагать, что скоро начнут расходиться рѣки; въ такомъ случаѣ мнѣ нельзя было и думать попасть домой раньше мая, ибо надо было отъ Рыбинска ѣхать лошадьми 100 вер., причемъ переѣзжать Волгу и Мологу.

Между тѣмъ изъ общины, безпрестанно писали письма сестры, въ самое смутное время оставшіяся однѣ, безъ меня, волнуемая разными тревожными слухами и обо мнѣ, и о себѣ самихъ. Буянки, поселившіяся невдалекѣ отъ общины, гдѣ Максимовы, какъ бы нарочно, купили имъ землю, пропустили и тутъ о болѣзни моей самыя безсовѣстные и нелѣпыя слухи; разумѣется, имъ не вѣрили, потому что были и другіе источники свѣдѣній, но тѣмъ не менѣе всѣ волновались, скорбѣли, а иныя и вовсе оставили теперь общину, желая избавиться отъ неперестающихъ тревоженій и смуть.

Мнѣ надо было рѣшиться, или такой-же неподвижной больной, (по минованіи впрочемъ воспаления) быть перевезенной въ обитель, гдѣ и умереть мнѣ представлялось отраднѣе, чѣмъ въ стѣнахъ больницы; или же порѣшить остаться въ ней до мая мѣсяца, т. е. до пароходства. Я избрала первое, тѣмъ болѣе, что и доктора всѣ говорили, что первое условіе моего выздоровленія, если только оно возможно—покой и спокойствіе.

Въ 1-хъ числахъ марта меня выписали изъ больницы и такимъ же способомъ, какимъ и везли туда, частію на рукахъ, частію въ экипажѣ доставили на прежнее мѣсто къ Сивохинымъ, и положили на ту-же постель, гдѣ и прежде лежала. Впрочемъ я могла уже нѣсколько владѣть руками и то не кистью руки и не пальцами, а всею рукою, но и то меня радовало и подавало надежду хотя и на нескорое выздоровленіе.

Рѣшено было пробыть мнѣ дня 3 или 4 у Сивохиныхъ, пока шли мнѣ необходимую теплую одежду на руки и на ноги, и шли другія подготовленія. Ноги мои все еще не владѣли и не двигались. Между тѣмъ дали телеграмму въ общину, чтобы выслать лошадей и простыя сани, въ которыя меня можно было бы положить и чтобы встрѣтили меня у самаго Рыбинскаго вокзала.

Отъ тревоги-ли приготовленія или отъ болѣе яснаго воспоминанія всего случившагося въ монастырѣ, но мнѣ, къ ужасу моему, сдѣлалось гораздо еще хуже, и именно наканунѣ дня, назначеннаго для отѣзда. Въ 11-мъ часу ночи уже на день отѣзда пришли два доктора, Карпинскій, а другой изъ Троицкой общины, и объявили оба, что выѣздъ немислимъ.

Всѣ остановились на этомъ и разошлись на ночлегъ. Я въ своей комнатѣ оставалась одна съ послушницей Надеждою, которая въ то время находилась въ Петербургѣ для сбора, и за отсутствіемъ моей келейницы, предназначалась сопровождать меня въ Леушинскую общину, и за эти послѣдніе дни она ночевала со мною въ комнатѣ для услуги. Въ эту послѣднюю ночь, въ виду ухуд-

шенія моего здоровья, она лежала на полу, подлѣ самой моей кровати. И она, и всѣ въ домѣ уснули, наступила полная тишина. Я одна не смыкала глазъ, какъ и въ теченіе всей болѣзни, страдала бессонницею. Пробыло 5 часовъ утра; я невольно подумала: „вотъ уже 5 часовъ, а въ 7 всѣ подымутся, а я еще и глазъ не смыкала“. При этой мысли я заплакала, горько заплакала и не имѣя способности утереться платкомъ, повернула голову и стала вытирать лицо объ подушку. Тутъ совершилось нѣчто необычное. Во снѣ оно не могло быть, потому что я не засыпала. Вѣрнѣе, въ какомъ-то забытьѣ, или уже не понимаю какъ:

Мнѣ кажется, что я сижу съ кѣмъ-то вдвоемъ и разговариваю, именно о томъ, что мнѣ необходимо имѣть икону Архангела Михаила. Въ это время, въ дверь, находившуюся прямо противъ меня входитъ кто-то, неся въ рукахъ икону Архангела Михаила, и остановился недалеко отъ двери. Несшій ее былъ юноша, очень, очень красивый, бѣлокурый, волосы золотистые, длинные съ проборомъ посрединѣ, какъ послушникъ юный, одѣтъ въ голубую бархатную рясу.

Увидѣвъ нужную мнѣ икону, я подошла къ несшему ее, и не долго думая, сказала: „отдайте мнѣ эту икону; она мнѣ необходима, а искать ее я не могу,—видите, я безъ ногъ, и ходить не въ состояніи, отдайте, прошу васъ!“

Юноша вмѣсто отвѣта, спросилъ меня весьма милостиво, но серьезно: „А знаешь ли кто держитъ эту икону“.

Въ смущеніи я взглянула на него, и увидѣла къ изумленію своему, что оба лица, какъ на иконѣ, такъ и лицо юноши, были совершенно тождественны. Но на иконѣ архангелъ Михаилъ былъ въ воинской одеждѣ, съ огневымъ мечемъ, какъ и всегда изображается, а юноша былъ въ рясѣ, что мнѣ и показалось не подходящимъ; тѣмъ не менѣе, видя сходство лицъ, я отвѣчала нѣсколько смущенно: „уже не самъ ли Великій Архангелъ?“

Какъ бы отвѣчая на первую мою мысль о рясѣ, Онъ сказалъ: „*Ангелы — послушники воли Отца Небеснаго*“. Далѣе продолжалъ: „*Икону мою ты получишь, но не смущайся не имѣніемъ ея, поѣзжай съ Богомъ въ монастырь твой* (а тогда еще была община, а не монастырь), *Архангелъ будетъ съ тобою*“. Съ этими словами онъ осѣнилъ меня крестообразно иконою, я, перекрестившись, поклонилась ей до земли и приложилась. Онъ, какъ мнѣ помнится, осѣнилъ меня иконою три раза, повторяя тѣ-же слова: „*поѣзжай съ Богомъ въ монастырь, Архангелъ будетъ съ тобою*“. Всѣ три раза я поклонялась въ землю и прикладывалась.

Послѣ третьяго осѣненія, я какъ-бы очнулась, спустила сама съ постели ноги, два мѣсяца недвигавшіяся, надѣла на себя какую-то одежду, до сего времени недвигавшимися руками

и пошла по коридору въ умывальню, гдѣ и умылась. Умывшись и не нашедъ своего личнаго полотенца, ибо его и не было, я направилась обратно въ свою комнату, гдѣ и стала искать полотенце. Все это совершила я въ какомъ-то полусознаніи, не понимая, что со мной. Вдругъ проснулась послушница Надежда, и увидавъ меня стоящую на ногахъ, и притомъ мокрую лицомъ и руками,—испугалась, и не зная, что подумать схватила меня за ноги и громко вскрикнула: „Матушка, что съ вами?“ Тутъ только я пришла въ себя и вспомнивъ, что за часъ времени передъ этимъ, я лежала безъ движенія, вспомнила и видѣнное и уразумѣла, что самъ Архангелъ Михаилъ исцѣлилъ меня. На восклицаніе Надежды и я воскликнула почти тѣ же слова: „Надежда, что это, что со мной случилось?“ Я сѣла на постель и рассказала ей все случившееся. Обѣ мы плакали слезами истинно духовной радости и умиленія. Я одѣлась и когда собрались всѣ въ столовую къ чаю, вышла и я ко всеобщему и моему лично удивленію. Я чувствовала себя въ силахъ и идти, и ѣхать; ноги двигались почти свободно, только въ нихъ оставалась какая-то тяжесть, точно онѣ насыпаны были пескомъ или чѣмъ тяжелымъ.

Такъ совершилось мое исцѣленіе въ одинъ часъ или того кратче послѣ двухмѣсячной тяжелой болѣзни.

Въ тотъ же день на часовомъ поѣздѣ пополудни, я выѣхала изъ Петербурга въ Рыбинскъ. На всѣхъ платформахъ, гдѣ надобно было, выходила и входила сама и доѣхала благополучно. Я вѣровала, что самъ Архангелъ сопутствуетъ мнѣ, и мнѣ легко было на душѣ.

Дивны дѣла Твои, Господи! и ни едино слово довольно есть къ пѣнію Твоихъ чудесъ!

Болѣзнь моя эта была какъ бы вѣнцомъ, концомъ если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ болѣе сильныхъ страданій, какъ моихъ лично, такъ и всей Леушинской общины. Не знаю, какъ и что отвѣтили владыка митрополитъ Максимовымъ, только онѣ стали меньше вмѣшиваться въ дѣла общины, и мало-по-малу вліяніе ихъ стало ослабѣвать.

Сестры не стали имъ вѣрять, успокоилась вся обитель, и я могла смѣлѣе и самостоятельнѣе распоряжаться въ дѣлахъ управленія.

На слѣдующій 1884 годъ, по приглашенію моему, прибылъ къ намъ въ обитель преосвященный Анастасій, викарій Новгородскій¹⁾, для освященія каменной ограды, которою я оградила обитель; въ сущности же это былъ лишь предлогъ для приглашенія владыки, а на самомъ дѣлѣ мнѣ хотѣлось, чтобы хотя одинъ достовѣрный

1) Преосвящ. Анастасій (Добрадинъ) † архіепископомъ Воронежскимъ.

свидѣтель, какъ очевидецъ, могъ передать митрополиту всю правду о нашей обители. Максимовы, утративъ свое прямое вліяніе, изподтишка не переставали наушничать на меня владыкѣ, что приходилось мнѣ нерѣдко узнавать изъ его вопросовъ, предлагаемыхъ мнѣ. Чтобы положить конецъ этому недоразумѣнію владыки, который по преклонности лѣтъ не могъ самъ посѣтить насъ, я и обратилась въ его викарію.

Вѣроятно, и владыка митрополитъ, отпуская викарію, написалъ ему всестороннее вниманіе ко всему, во всѣхъ отношеніяхъ въ общинѣ. Преосв. Анастасій прожилъ у насъ трое сутокъ, осмотрѣлъ все, гдѣ только было можно: ходилъ по всѣмъ кельямъ, разговаривалъ почти съ каждой сестрой, обошелъ всѣ амбары, погребя, конюшни, все, все, и поля, и луга, и лѣсъ.

Онъ очень остался доволенъ, и, собравъ всѣхъ сестеръ, много поучалъ ихъ, говоря и обо мнѣ, и объ устройствѣ обители, и обо всемъ.

Его отзывъ вызвалъ и благодарность митрополита ко мнѣ, и дѣло упрочилось и пошло настолько успѣшно, что на слѣдующій 1885 годъ я уже осмѣлилась подать прошеніе о переименованіи нашей общины *монастыремъ*, что и совершилось въ сентябрѣ того же 1885 года. 1-го октября того же года меня посвятили въ санъ игуменьи. Тутъ же я подала прошеніе о разрѣшеніи постричь въ монашество нѣкоторыя сестеръ.

XXVII.

ПЕРВОЕ ПОСТРИЖЕНІЕ ВЪ МОНАШЕСТВО.

8-го ноября 1885 года.

Получивъ разрѣшеніе постричь въ монашество нѣкоторыя сестеръ, я избрала для совершенія пострига, который былъ тѣмъ важнѣе для обители нашей, что онъ былъ еще первый, дотолѣ небывалый во всей здѣшней мѣстности,—избрала день 8-го ноября, когда совершается празднованіе Св. Архистратига Михаила и всѣхъ Силъ безплотныхъ. Выборъ этотъ имѣлъ двоякую цѣль: 1) чинъ монашескій—есть чинъ ангельскій, почему и прилично положить ему начало въ день его первообраза. А день памяти Св. Архистратига Михаила потому, что въ дѣлѣ моего исцѣленія и всемъ дальнѣйшемъ моемъ служеніи на пользу обители, я была обязана Ему, Великому моему Заступнику.

Радостенъ и необыченъ день этотъ былъ для всѣхъ сестеръ обители. Всѣ онѣ видѣли уже на дѣлѣ, что обитель ихъ окрѣпла, и окрѣпла настолько, что вотъ совершится и вѣнецъ ихъ трудовъ—постриженіе, чего, волнуемая долговременными скорбями и неурядицами, онѣ не могли ожидать.

Я ощущала неземную радость въ сердцѣ, и волей-неволей должна была быть воспріемною матерью первымъ постриженникамъ, такъ какъ, кромѣ меня, монахинь не было.

Когда окончился чинъ постриженія, отдавъ посохъ дѣвочкѣ, я пошла на правый клиросъ, ибо во все первое время я сама и учила клиросныхъ пѣнію, и управляла хоромъ, иногда въ торжественныя богослуженія.

Запѣли Херувимскую пѣснь; сердце мое трепетало радостію; но я сдерживалась и продолжала регентовать, чтобы и не выдать себя, и не нарушить вниманія другихъ. Запѣли „*Всякое нынѣ житейское*“, я ненамѣренно подняла глаза кверху, и увидѣла что-то, чего не только описать, но и вообразить послѣдовательно не могу; увидѣла, будто бы и наверху храма, надъ солеей, вверху передъ Царскими вратами — совершается тоже священнодѣйствіе, — какъ бы идетъ Спаситель, окруженный Ангелами, что-то совершается, но что и какъ, я рѣшительно не могу передать; хотя и видѣла и слышала нѣчто, но необычное. Я при началѣ видѣнія чувствовала себя какъ бы изступившею изъ обычнаго состоянія; какъ допѣли Херувимскую, какъ совершился великій выходъ, я ничего не видала и не понимала; какъ передался камертонъ изъ моихъ рукъ въ руки регентши, я тоже не знаю и не помню. Пришла я въ себя, когда пѣли послѣднія прошенія эктении передъ Символомъ Вѣры; слезы катились изъ глазъ по всему лицу. Тутъ я замѣтила, что всѣ на меня смотрятъ въ недоумѣніи, какъ бы въ страхѣ; вѣроятно, онѣ, т. е. пѣвчія, подумали, что мнѣ дурно стало, потому что стали спрашивать, что со мной, что я вся измѣнилась въ лицѣ и предлагали сѣсть. Чтобы скрыть свою тайну, я подтвердила ихъ мысль и сѣла, чтобы и дѣйствительно „*прийти въ себя*“. Что было со мной и что видѣлось мнѣ, вполнѣ и сама не могу *выяснить*.

XXVIII.

ЯВЛЕНІЕ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ НА МѢСТѢ ПОСТРОЙКИ ХРАМА.

27-го нояб. 1886 г.

Давно, давно съ самаго юнаго возраста моего, я имѣла сильное желаніе посѣтить святыни Кіева, особенно Печерской Лавры. Но исполнить это завѣтное желаніе пришлось мнѣ не ранѣе какъ въ 1886-мъ г.; 1-го нояб. сего года я пріѣхала въ Кіевъ, гдѣ пробыла ровно двѣ недѣли, т. е. до 17-го ноября. Главною цѣлью поѣздки моей туда теперь составляло не одно исполненіе желанія, а болѣе то обстоятельство, что я приступала къ закладкѣ каменнаго храма въ вѣрнной мнѣ еще новой обители, до того

времени довольствовавшейся лишь небольшою домовою церковью. Зная, что постройка храма рѣшительно необходима, зная и то, что средствъ у меня на то нѣтъ никакихъ, я почему-то надѣялась, что Сама Царица Небесная пошлетъ мнѣ и средства, и выстроитъ храмъ во славу Ея и Сына Ея, какъ чудно совершила это Она въ Кіевѣ—соорудивъ великую лаврскую церковь. Правда думалось мнѣ, что теперь не тѣ времена, не тѣ люди, и мы-то, храмостроители, не Антоніи. Но все-же думалось мнѣ, что хотя и все теперь не то, что было тогда, но Богъ-то все Тотъ же, неизмѣнный, всемогущій и строящій на пользу рабамъ Своимъ. Мнѣ очень хотѣлось помолиться и какъ бы получить благословенію на это великое и многотрудное для меня дѣло, именно въ той чудной великой церкви лаврской.

И дѣйствительно я тамъ помолилась, какъ ни раньше, ни послѣ нигдѣ ни малывалась, дважды приобщилась Св. Тайнъ—речь въ великой церкви и разъ въ пещерной препод. Антонія; и укрѣпившись вѣрою и надеждою на помощь свыше, я вернулась въ обитель на 25-е ч. ноября.

Физически я была вся разбита дорогою, ѣхавъ въ 3-мъ классѣ; но и тамъ мнѣ пришлось сидѣть между лавочекъ, потому что, неся съ собою двухъ маленькихъ сиротокъ, ихъ укладывала на лавочку, а сама ютилась на ящикѣ между ними. По этой причинѣ физической немощи, я не могла первые дни идти въ церковь. Съ вечера на 27-е, день Знаменія Богоматери, я рѣшилась непремѣнно на утро идти къ утрени Озабоченная этою мыслию, я проснулась въ началѣ 4-го часа, а такъ какъ утрени у насъ бываетъ въ 5 ч., то, одѣвшись и приготовившись совсѣмъ, легла еще полежать и заснула.

Въ этотъ краткій промежутокъ до звона къ утрени, мнѣ и увидѣлось слѣдующее чудное явленіе.

Всѣ мы въ нашей домовою церкви; пришли, чтобы отсюда крестнымъ ходомъ идти встрѣчать идущую къ намъ Царицу.

У всѣхъ у насъ въ рукахъ свѣчи зажженные, а у меня въ рукѣхъ кромѣ моей зажженной свѣчи, еще толстая необожженная восковая свѣча, которую мнѣ и приказано, когда придетъ Царица, то зажегши отъ своей горѣвшей свѣчи эту толстую свѣчу, подать Ей—Царицѣ.

Всѣ мы крестнымъ ходомъ и вышли на монастырскую площадь, гдѣ нынѣ храмъ, и остановились въ ожиданіи прихода Царицы. Долго, долго Ее не было, такъ что у насъ отъ свѣчей оставались въ рукахъ лишь маленькіе огарки.

Вдругъ вдали, по направленію къ св. воротамъ на горизонтѣ показалось какъ бы восходящее солнце, между тѣмъ какъ былъ яркій полдень и солнце свѣтило надъ головами. Мы стали вглядываться въ это, и увидѣли, что оно не подымается какъ обычно солнцу, а идя по землѣ подвигается по направленію къ намъ.

Когда этотъ солнечный шаръ подошелъ ближе, то ясно можно было разглядѣть, что онъ овальный, т. е. продолговатый и ядро свѣта заключается въ самой серединѣ, въ центрѣ его. Когда оно подошло еще ближе къ св. вратамъ, то уже ясно всѣ увидѣли, что это Царица Небесная (во весь ростъ) шла къ намъ, Она-то и была ядро Свѣта солнечнаго, а кругъ, образовавшійся около Нея, были лучи. Какъ только Она вошла въ св. врата обители, надъ Нею въ небѣ запѣли невидимые силы „Достойно есть“. Эту-же пѣснь запѣли и сестры, ожидавшія Ея, зазвонили всѣ колокола и произошло нѣчто необычное. Между тѣмъ я раздумывала: „такъ вотъ какая Царица пришла, неземная, какъ я ожидала, а Небесная Царица; такъ подавать ли мнѣ Ей свѣчу, приготовленную для Нея, или нѣтъ“.

На эту мысль отвѣтила слѣдующая мысль: „да вѣдь тотъ, кто далъ такое распоряженіе (а кто это былъ, я не знаю), можетъ быть и зналъ, какая Царица придетъ; да притомъ же „истинное послушаніе не разсуждаетъ; мнѣ велѣно подать и я должна“. Рѣшивъ такимъ образомъ, я зажгла приготовленную большую свѣчу отъ своего горѣвшаго огарка и, подошедъ къ Царицѣ, низко поклонилась Ей, но не въ ноги, потому что обѣ мои руки были заняты и молча со страхомъ и благоговѣніемъ подала Ей свѣчу зажженную. Но къ удивленію моему, Она, милостиво смотрѣвъ на меня, подняла ручку и протянула ее не къ подаваемой Ей большой свѣчѣ, а къ моему огарку, который я держала въ лѣвой рукѣ, и при этомъ сказала мнѣ: *„Мнѣ удобна свѣча, горѣвшая въ твоихъ трудахъ для Меня, а эту свѣчу (указавъ на большую) возьми себѣ и снова трудись съ нею пока я опять приду на это мѣсто“*. Я, обятая благоговѣніемъ, не могла ни слова вымолвить, и молча поклонилась Ей, взявшей изъ лѣвой моей руки огарокъ. Тутъ я снова услышала пѣніе (которое или за разговоромъ съ Царицей уже не слыхала, или же дѣйствительно оно прекращалось,—не знаю), и проснулась, обятая трепетомъ благоговѣйнымъ; изъ этого я поняла, что Царица Небесная, какъ-бы благословила своимъ посѣщеніемъ мѣсто, назначенное для Ея храма (храмъ во имя Похвалы Богородицы), ибо Она на этомъ именно мѣстѣ стояла; благословила и труды мои, принявъ прежніе, и указавъ новые, большіе и труднѣйшіе, которые предстояли мнѣ въ дѣлѣ созиданія храма Ея.

Слава Милостивому Ея благоволѣнію ко св. обители нашей!

Подкрѣпившись вѣрою и надеждою на помощь Царицы Небесной, я какъ-то смѣло, даже больше чѣмъ смѣло, приступала къ постройкѣ храма. По смѣтѣ архитектора онъ долженъ былъ стоять около 180.000 р. с., если не болѣе; а у меня къ началу дѣла было лишь 240 р. и горсть матерьяловъ, составлявшихъ лишь сотую долю требуемыхъ. Богъ одинъ видѣлъ и зналъ, какъ металась и страдала душа моя, но видя необходимость постройки,

и не предвидя ниоткуда и въ дальнѣйшемъ помощи, я рѣшилась приступить къ дѣлу, хотя бы мнѣ пришлось на немъ и душу положить, т. е., убить окончательно и силы, и здоровье, которое, какъ я всегда думая, для того и дано намъ, чтобы мы трудились во славу имени Божія и въ пользу ближнимъ. Все равно, думаю я, ранѣе или позднѣе, а здоровье измѣнить, и жизнь угаснетъ; такъ лучше положить ихъ въ дѣлѣ Божіемъ, чѣмъ такъ, наблюдая свой покой.

Но Господу угодно было совершить чрезъ меня грѣшную великое Свое дѣло: храмъ стотысящный, храмъ великолѣпный, выстроился въ три года, и окончился въ удивленіе всѣмъ и тѣмъ болѣе въ мое собственное удивленіе. Правда, каждая кирпичишка добыта моими слезами и самоличными многотрудными сборами, какъ и сборами чрезъ сестеръ; но и слава Богу за это все, благословилъ Онъ намъ потрудиться ради имени Его Святаго, но Самъ и увѣнчалъ труды наши успѣхомъ. Скажу еще къ большей ясности дѣла: тысячи одной не получила я нигдѣ цѣликомъ, да и сотенъ весьма немного; а все больше мелкія „вдовицы усердныя лепты“; на нихъ-то и выстроился стотысячный храмъ.

XXIX.

ВЪ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ.

Во время этого многотруднаго дѣла, — построенія храма, я несмотря не все мое безусловное усердіе, нерѣдко падала духомъ. И вотъ Господь посылалъ мнѣ грѣшной великое подкрѣпленіе своею благодатію, сообщаемую мнѣ иногда (почему-то) въ сонныхъ видѣніяхъ, какъ, напр.:

Вижу я, что стою въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры; церковь пуста, лишь на клиросѣ стоятъ пѣвчіе, (хоть они — не помню) и монахъ въ мантии подошелъ къ отвореннымъ Царскимъ вратамъ, гдѣ стала спускаться икона Успенія Богоматери, причемъ пѣвчіе запѣли обычный кондакъ „Избранной отъ всѣхъ родовъ“ и пр. По мѣрѣ того, какъ икона спускалась, сердце мое стало ощущать благодатное чувство радости и благоговѣнія, которое все усиливалось и усиливалось, какъ-бы вливалось въ душу мою, и, наконецъ, исполнило ее съ избыткомъ. Я пала на землю передъ иконою, и отъ избытка объявшаго меня чувства неизъяснимаго никакимъ словомъ, я думала, что душа моя не выдержитъ, и оставитъ меня. Я проснулась; и кажется мнѣ, что, если бы не проснулась, то не осталась бы жива. Чувство благодатное, святое наполняло мою душу, мнѣ стало легко, свѣтло на

душѣ, я вся какъ-бы обновилась, получивъ новыя силы къ продолженію своего дѣла, и это сладостное чувство долго не оставляло меня недостойною. Разумѣется это сдѣлано не ради меня, а ради великаго дѣла чрезъ меня грѣшную Самимъ Господомъ и Его Пречистою Матерью совершаемою.

XXX.

О, ВСЕПѢТАЯ МАТИ“.

(предъ самымъ прїѣздомъ Преосвященнаго Владиміра).

Подобно сему описанному случаю, въ другое время, именно въ 1889-мъ году, августа 31-го совершилось со мною еще слѣдующее и при слѣдующихъ обстоятельствахъ: по многимъ хлопотамъ и дѣламъ обители, я была до крайности изнемогши и духомъ, и тѣломъ; къ тому-же случилось мнѣ и всю ночь съ 30-го на 31-е августа быть въ дорогѣ подъ сильнѣйшимъ дождемъ. Обогрѣться или даже отдохнуть мнѣ было рѣшительно невозможно, такъ какъ къ вечеру того же дня 31-го августа къ намъ долженъ былъ прїѣхать нашъ архіерей викарный, преосвященный Владиміръ ¹⁾, ѣздившій по обзору епархіи. Въ 10-ти верстахъ отъ монастыря, гдѣ наше подворье и пароходная пристань монастыря, я должна была около 4-хъ часовъ вечера встрѣтить преосвященнаго, такъ какъ и тамъ онъ долженъ былъ обогрѣть нашу часовню, находящуюся на пароходной пристани. Возвратившись домой лишь въ 6 часовъ утра, и сдѣлавъ зависящія отъ меня необходимыя распоряженія для встрѣчи высокаго гостя, я обошла все въ обители, доглядывая порядокъ, и въ 2 часа должна была уже отправиться въ дорогу для встрѣчи преосвященнаго.

Передъ этимъ, чтобы хотя немного, уже не говорю, отдохнуть, а просто вздохнуть, я, запершись въ кабинетъ своемъ, прилегла на кушетку. Не могу достовѣрно сказать, задремала-ли я, или просто только забылась, но хорошо знаю, что не уснула, потому что даже намѣренно не хотѣла дать себѣ заснуть по краткости оставшагося времени,—и вотъ что совершилось со мною:

Съ той стороны, куда лежала моя голова, вдали подплываетъ ко мнѣ въ облакахъ кто-то, чье все туловище скрыто въ облакахъ, видна лишь головка, прекраснаго мальчика, бѣлокурая, курчавенькая, и по сторонамъ ея видны плечики мальчика; эта головка плыветъ въ облакахъ, (но не высоко, а какъ бы въ уровень со мною эти облака) и поетъ такъ хорошо слова: „о, всепѣтая, Мати“, только эти три слова не дальше; я прислу-

¹⁾ Нынѣ митрополитъ Кіевскій.

шиваюсь, и плѣняюсь чуднымъ пѣніемъ. Головка подплываетъ ближе, повторяя тѣ-же слова, но на этотъ разъ еще лучше, такъ что прихожу въ восторгъ и думаю „нѣтъ, это не человѣческое пѣніе, такъ пѣть доступно только ангеламъ. Наконецъ, пѣвшая головка подплыла почти подъ самое мое ухо, и уже на этотъ разъ ея пѣніе, все тѣхъ же трехъ словъ „о, *всепѣтая Мати*“, была невыразимо сладко и чудно. Я не могла выдержать, соскочила съ кушетки прямо на колѣни лицомъ къ образу Богоматери, повторяя слышанную лишь молитву, и звукъ пѣвца какъ-бы эхомъ отдается въ ухахъ. Я вся объялась благоговѣйнымъ восторгомъ, слезы лились ручьемъ, и въ душѣ обновились силы и бодрость. Въ 5-ти минутный отдыхъ, я совсѣмъ подкрѣпилась и духомъ, и тѣломъ на дальнѣйшія дѣла.

XXXI.

ВИДѢНІЕ О. АРХИМАНДРИТА ВЕНІАМИНА (НАСТОЯТЕЛЯ НОВО-ІЕРУСАЛИМСКАГО ВОСКРЕСЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ) ВЪ СОРОКОВОЙ ДЕНЬ ПО ЕГО КОНЧИНѢ.

30-го сентября 1890-го года.

Въ первыхъ главахъ своихъ записокъ я сообщила, какъ довелось мнѣ познакомиться съ о. Веніаминомъ, бывшимъ въ то время, когда я жила у родителей, настоятелемъ Боровичскаго Свято-Духова монастыря. По дѣламъ устройства своей обители о. Веніаминъ навѣщаль и нашу усадьбу. Лучшими днями моими въ тотъ безотрадный для меня годъ невольнаго томленія среди міра,—были тѣ дни, когда мнѣ случалось видѣться съ этимъ уважаемымъ настоятелемъ. Напрасно и говорить о томъ, что я открывала ему свою завѣтную мечту объ удаленіи въ монастырь, свою скорбь о томъ, что меня въ семь удерживали родители, и тому подобное. Онъ разумно утѣшалъ меня надеждою на Промыслъ Божій, говоря, что если внушеніе это мнѣ отъ Бога, то Самъ Богъ и осуществитъ его, когда придетъ для того время, а что настоящее мое повиновеніе волѣ родителей безусловно и свято должно быть исполнено.

Когда, наконецъ, я вступила въ монастырь, то и тутъ отецъ Веніаминъ не переставалъ назидать меня письменными наставленіями и вообще во всю мою жизнь до самой его кончины онъ былъ моимъ „старцемъ“, то есть духовнымъ отцемъ. Особенно ощутительна для меня была польза его мудрой опытности въ то время, когда я сама приняла санъ игуменіи, настоятельницы монастыря; онъ живо сочувствовалъ моимъ начальническимъ скор-

бямъ, и хорошо зная мое внутреннее устройство, — безошибочно направлялъ свои совѣты и утѣшенія.

Изъ этого понятно, насколько чувствительна была для меня потеря такого человѣка; онъ былъ для меня въ полномъ смыслѣ слова незамѣнимъ. Я скорбѣла о лишеніи его, по силѣ моей немощи, поминала его, но какъ-то вѣрилось мнѣ, что отношенія наши не порваны, что онъ и тамъ, если будетъ имѣть дерзновеніе, — не оставитъ меня своими молитвами. Конечно, зная его добродѣтельную жизнь, я надѣялась, что онъ улучить милость Божию, но само собою разумѣется, что эта мысль была лишь предположеніемъ, а не увѣренностію, и мнѣ невольно думалось: „Господи, если такимъ людямъ тамъ не будетъ хорошо, то что-же будетъ мнѣ, грѣшной“. И я задумывалась на этомъ до скорби, до унынія.

На самый 40-й день послѣ его кончины, помолившись, я легла спать. И вотъ видится мнѣ во снѣ, что я готовлюсь идти къ утрени на Свѣтлый праздникъ Пасхи, и въ ожиданіи полунощнаго часа, въ своей кельѣ, двери въ которую заперты, одѣваюсь, зажигаю лампы и вообще готовлюсь.

Вдругъ стучатся въ двери съ обычной молитвою Иисусовою и говорятъ мнѣ громко: „*полно спать, о. Веніаминъ уже пришелъ!*“ Услышавъ это, я поспѣшила отвѣтить, что совсѣмъ не сплю, а уже одѣта, готова идти, но тутъ-же мнѣ пришло на мысль что еще рано начинать службу, и что можно-бы тѣмъ временемъ побесѣдовать съ о. Веніаминомъ, и, чтобы послать за нимъ, я отворила дверь; но никого нѣтъ; я прошла комнату, другую, — нигдѣ никого; лишь слышно, изъ церкви доносится пѣніе. Я туда сиѣшу, чрезъ хоры спускаюсь въ церковь, на самую солею иду, и подхожу почти къ иконостасу съ правой стороны Царскихъ вратъ, и чтоже вижу:

Царскія двери отворены и, сряду отъ нихъ, начиная по обѣимъ сторонамъ стоятъ большимъ полукругомъ священнослужители, на подобіе какъ въ соборныхъ ихъ служеніяхъ, съ тою только разницею, что въ служеніяхъ предстоятель, т. е. старшій стоитъ одинъ на срединѣ, а сослужащіе по сторонамъ равной линіей, а тутъ они стоятъ рядомъ съ стоящимъ на срединѣ, и такимъ образомъ образуется какъ бы продолговатый полукругъ. Въ срединѣ его стоитъ о. Веніаминъ, а стоящіе подлѣ него какъ бы хотятъ вести его, взявъ подъ руки съ обѣихъ сторонъ. И онъ, и всѣ стоящіе (а ихъ очень много) всѣ въ желтыхъ золотыхъ облаченіяхъ, а на головахъ у кого, митры, у кого камилавки монашескія (клобуки съ наметками), а у кого другое что, а кто и съ непокрытой главою.

Вдругъ всѣ эти священнослужители запѣли дружно въ одинъ мигъ и чрезвычайно хорошо: „*приидите, поклонимся и припадемъ ко Христу*“ и проч. и съ началомъ пѣнія всѣ тронулись въ алтарь, начиная со стоявшихъ у самыхъ Царскихъ дверей и кончая тремя

последними, изъ коихъ два крайніе вели о. Веніамина бывшаго посреди ихъ. (И это видѣла, хорошо видѣла, въ этомъ ручаюсь). Входя въ алтарь, они уже пѣли далѣе приведенный стихъ, но что меня удивило, они спѣли не такъ, какъ у насъ поютъ: „спаси насъ, Сыне Божій“, а: „спасый насъ, Сыне Божій, поющія Ти“, и съ этимъ словомъ они всѣ пали предъ горнимъ мѣстомъ, какъ бы предъ Самимъ Господомъ, Котораго я, конечно, не видала, а видѣла ихъ поклоненіе и какъ бы руку, осѣняющую крестнымъ знаменіемъ о. Веніамина: „аллилуія“, это „аллилуія“ было подхвачено безчисленными голосами и какъ бы перекатывалось изъ однихъ устъ въ другія, и такъ сладко, такъ чудно, какъ никогда не слышала.

Когда, наконецъ, это смолкло, то чей-то голосъ изъ алтаря сказалъ повелѣлъ предъ началомъ литургіи: „Благословенно Царство“ и пр. Пѣвчіе, какіе и откуда взяшіеся на правомъ клиросѣ, но знаю я, запѣли: „Аминь“ и сряду же запѣли Херувимскую пѣнь. Это удивило меня, и я подумала, что же сколько пропустили, всю половину, литургію оглашенныхъ. Не помню, спросила-ли я объ этомъ или самъ діаконъ, вышедшій въ это время изъ алтаря кадитъ, отвѣтилъ мнѣ: „вѣдь, здѣсь нѣтъ оглашенныхъ, и литургія лишь вѣрныхъ совершается“.

Тутъ я проснулась; мнѣ было очень легко на душѣ; прежде всего я вспомнила объ о. Веніаминѣ; посмотрѣвъ на часы, я увидѣла, что было 2 часа ночи, и именно во 2-мъ часу онъ скончался, нажилъ тому 40 дней.

Упокой, Господи, съ праведными душу его, и его молитвами и мени, грѣшную, помилуй!

На этомъ рукопись игуменіи Таисіи оканчивается. Внизу страницы рукою о. прот. І. Сергіева Кронштадтскаго написано: „Дивно, прекрасно, божественно! печатайте въ общее назиданіе“.

Авг. 21 1802.

Прот. І. С.

